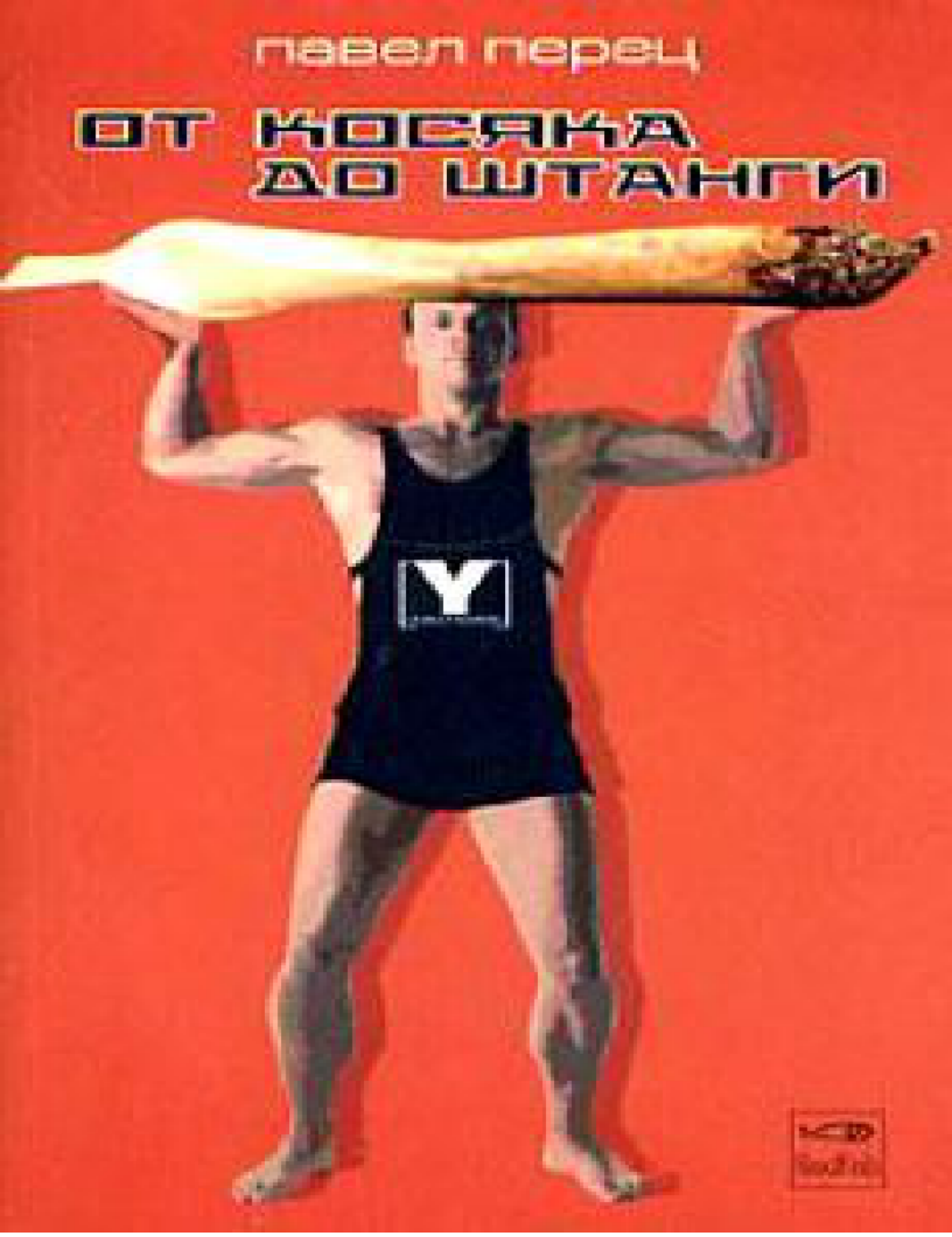
павел перец

от косяка до штанги



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Подлинная история жизни культового питерского (а теперь и московского) персонажа Павла Перца, рассказанная им самим. Павел Перец – журналист и музыкант. Работал грузчиком, манекенщиком, продавцом кроссовок, Дедом Морозом, менеджером, столяром, диджеем, супервайзером, главным редактором газеты и гламурного журнала. Его книга "От косяка до штанги" – первый российский straight edge манифест и ярчайший пример современного идейного романа. Это путь от транквилизаторов к велосипеду с алюминиевой рамой, от водки к пятнадцатикилометровым пробежкам, от марихуаны к турнику в тренажерном зале. Подростковая проституция, сбор конопли в Астрахани, любительское драгдилерство, крысиные укусы, социальная реклама, похороны гранжа и хардкора, клубы "Тоннель" и "ТаМтАм"… Все это фон. На переднем плане – реальная история человека, который смог изменить себя, руководствуясь принципом "stay punk – stay clean".

- Павел Перец
  - ○
  - ○ Часть первая
    - ■
    - ■ Отрезок первый
    - ■ Отрезок второй
    - ■ Отрезок третий
    - ■ Отрезок четвертый
    - ■ Отрезок пятый
    - ■ Отрезок шестой
    - ■ Отрезок седьмой
    - ■ Отрезок восьмой
    - ■ Отрезок девятый
    - ■ Отрезок десятый
    - ■ Отрезок одиннадцатый
    - ■ Отрезок двенадцатый
    - ■ Отрезок тринадцатый
    - ■ Отрезок четырнадцатый
    - ■ Отрезок пятнадцатый
    - ■ Отрезок шестнадцатый
    - ■ Отрезок семнадцатый
    - ■ Отрезок восемнадцатый
  - ○ Часть вторая
    - ■

        - Отрезок нулевой
- Часть третья
        -
        - Отрезок первый
        - Отрезок второй
        - Отрезок третий
        - Отрезок четвертый
        - Отрезок пятый
        - Отрезок шестой
        - Отрезок седьмой
        - Отрезок восьмой
        - Отрезок девятый
        - Отрезок десятый
        - Отрезок одиннадцатый
        - Отрезок двенадцатый
        - Отрезок тринадцатый

Павел Перец

От косяка до штанги

Моей терпеливой маме посвящается

Часть первая

Вниз по течению

Отрезок первый

– А твое наркодилерство… Это закрытая тема?

– Да нет.

– Сейчас этим не занимаешься?

– Ну ты же знаешь, что я спортсмен.

– Может, напишешь, как завязал? Будет такая рождественская сказка.

– ОК.

Романа с кокаином не вышло. Вышла бытовая повесть с анашой.

– Так ты и наркоманом, получается не был…

Получается, что не был. По замыслу редактора я волшебным образом должен был соскочить с героина, как с трамвайной подножки, и потом начать пыхтеть под штангой.

Бон Скотт выбыл из реальности, находясь в машине и захлебнулся собственной блевотой, после чего AC/DC пришлось искать нового вокалиста. Я выбыл из реальности на два месяца и чуть не захлебнулся блевотой пустопорожних слов. Это может произойти с каждым, если абзацы текста ползают по внутренней стороне закрытых глаз, просятся наружу. Словно созревшие бабочки кокон прорезают. Компас бессонницы указывает направление, в котором следует двигаться – к столу. Там печатная машинка с экраном, спящая под лампой кошка и общность предметов, именуемая бардаком. Набор действий, чтобы оставить часть жизни в электронном виде, после чего ее можно будет измерить в килобайтах. Килобайты человеческой лабуды имеют шанс обрести себя в виде бумажного кирпича, о который точат зубы любители беллетристики. Память выковыривает из прошлого детали. В моем случае наковыряла белую сорочку и черную юбку, взгляд, полный доверчивости, тоски и веселья одновременно. Нужно аннексировать у памяти несколько отрезков времени и вспомнить хотя бы ту девушку в белой сорочке и черной юбке.

Лето второго года после начала третьего тысячелетия. Поезд, идущий в Лосево, ползет по одноколейной аорте Октябрьской железной дороги, миновав Сосново. Колеса играют крещендо, разгоняясь после остановок. На Финляндском вокзале куплен «Птюч». Изделие с группой «Тату» на обложке. Внимательно пролистываю бюллетень рэйверского упадничества, выискиваю полосу с не шибко полезной информацией, изошедшей из моего почтового ящика. Я успел засветиться в ныне сдохшем органе

печати. Напротив человек-лимон, в чьей печени разрушающийся гемоглобин превращается в билирубин, кровь вальсирует от головы до пяток в поисках дыр на венах, просится вон из прогнившего от инъекций тела. Категории «А», «В» и «С» известны не только инспекторам ГИБДД, но еще и врачам-инфекционистам, пометивших гепатит азбукой водительских прав.

– Братан, закурить не найдется? – спрашивает он гайморитным голосом.

Перехожу в другой вагон.

«Птюч» фамилию автора присобачивал к тексту так, что ее не заметишь невооруженным глазом (невооруженным особым авторским вниманием). Поиск собственных виршей продолжался до тех пор, пока глаза не резануло, как при резкой вспышке фотоаппарата. Логичнее было бы сравнить эту резь с воздействием микрофона на публику, когда высокие частоты превышают допустимое значение. Раздается свист – как будто уши током ударило.

Журнальный разворот. Кадр из фильма «Роковая женщина» Брайана де Пальмы. Удачный ракурс. Ребекка Ромейн-Стамос смотрит на читателей так же, как смотрела на меня девушка в черной юбке и белой блузке. Моя первая любовь. Как две капли воды. То же лицо. Шестнадцатилетняя проститутка и на год ее старший торговец бумажными пакетиками с легкоусваиваемым мимолетным счастьем по 4,5 косяка каждый. Тандем вполне достойный для сценария к фильму о детках. Время начинает сворачиваться, как кровь в теле человека-лимона, требует остановки.

Я выхожу на платформу Лосево и иду в детский оздоровительный лагерь с резью в глазах. Буквы сами выпадают из головы, словно пазлы, которые в итоге лягут в определенном порядке, явив на свет простынку слов с цветными картинками.

Отрезок второй

Первое слово было как у всех, из двух слогов «ма». Первая фраза определила всю дальнейшую стилистику лексикона. Наверное, в ней стоит искать источник тяги к матерщине. Бабушка намыла в квартире пол, натерла его до блеска. Я пришел домой с ведром песка, вывалил его на искрящийся от солнечных лучей паркет и стал лепить куличи. Бабушка, вернувшись с кухни, всплеснула руками, и прошептала себе под нос:

– Ах ты, урод в жопе ноги.

И тогда я повернул к ней свою тогда еще белобрысую голову и изрек набор слогов, продемонстрировавших все аспекты карапузной дикции:

– Ти сам уод в зопе ноги.

Школа прошла мимо. Хорошая учеба, плохое поведение. Влияние эпохи. Учительница начальных классов рассказывала о том, как иностранцы специально оставляют на улицах яркие шариковые ручки, начиненные смертельным ядом. Сейчас подобные предостережения выглядят как сказка тоталитарной шизофрении, но я верил. Копаясь в личном архиве, обнаружил письмо из газеты «Ленинские искры», напечатанное на машинке. Газета пионеров и школьников – орган Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ, Ленинградского совета пионерской организации имени В.И. Ленина. Онтогенез этого средства массовой информации привел в итоге к вполне ожидаемому результату: закодированная цепочка труднопроизносимых аббревиатур сошла с первой полосы как сходит кожа со змеи, а само издание обозвалось градостроительным питерским курьезом «Пять углов», утратив былую пышность и былой тираж. Ныне эта газетенка прозябает на питерском рынке бумажных СМИ.

Два мальчика помогли старушке пронести до ее дома сумки. Их заметила местная шантрапа под предводительством тинейджера Димы, и на обратной дороге подвергла осмеянию, обозвав обидным словом «тимуровцы». Один из тимуровцев написал письмо в редакцию газеты, по материалам которой обязывали готовить политинформацию всех советских детей (изощренная пытка над школьниками, по степени изуверства сравнимая с принудительным макулатурособиранием и посещением физкультуры девочками во время месячных). Письмо опубликовали. Письмо написал я.

«Здравствуй, Павел. Я с интересом прочитала твое письмо. Вы с другом Алешей поступили правильно – помогли старушке донести

тяжелую сумку.

Ты спрашиваешь, почему Дима и его приятели считают, что ваш поступок позорный? Просто Дима с друзьями, видимо, еще не повзрослели. Поэтому и думают, что геройство – это стрелять втихаря из рогатки по окнам. А разве за это можно уважать человека? Ведь человек только тогда становится взрослым, и только тогда его можно уважать, когда он делает важные и полезные дела. Вот тебя, Павел, и твоего друга Алешу, есть за что уважать. Вы совершили маленький, но очень взрослый поступок. Увидели, что кто-то нуждается в вашей помощи, и, не раздумывая, взялись помочь. А Дима… Смеяться как раз нужно над ним – он уже вырос, а с рогаткой, как с любимой игрушкой, расстаться не хочет. Да и «геройство» его ненастоящее. Он ведь ничего не сказал вам при старушке, а только тихо отошел в сторону. А когда вокруг него были приятели, тогда он почувствовал себя «командиром» и смеялся. А смеялся он над вами, потому что понял – вы оказались сильнее и взрослее его.

Твое письмо, Павел, мы решили опубликовать в газете. Пусть все октябрята посмеются над Димой.

Нина-Октябрина

15 октября 1985 года».

Так в десять лет я заимел свою первую публикацию, которую не сохранил, и про которую забыл надолго. Нина-Октябрина, которой на тот момент было небось лет за сорок, написало внятно и доступно. Кто-нибудь пишет такие письма сейчас?

После принятия в пионеры я совершил героический поступок. Вернулся с церемонии жертвоприношения мраморному бюсту («Всегда готов!»), взял мусорное ведро и пошел выносить его содержимое на помойку. Куртку я не застегивал, хоть на улице мороз демонстрировал зимнюю эрекцию, сосульчатый стояк. Мама могла отчитать за такую браваду. Но хотелось продемонстрировать всему миру, уместившемуся в пределах нескольких многоэтажек, что теперь вокруг детской гусиной шеи повязан красный лоскут.

Покупка жвачки Donald за один рубль у теток в шерстяных колготках, которые стояли при входе в магазин «Детский мир» на проспекте Науки. Игра на фантики. Выкладываешь цветные бумажные придатки диснеевской анимации, которые были в каждой жвачке, стопкой на полу в парадной. Лупишь сверху ладонью с азартом папаши, шлепающего пролетарской пятерней по заду отрока за двойку по математике. Перевернулся вкладыш – забираешь себе. О том, что в мире существуют мультфильмы, по мотивам которых произведены эти фантики, многие не догадывались.

Соседний стул в классе на несколько лет оккупировала Оля Дубинина. Ее родитель и моя мать сидели за соседними партами во времена хрущевской оттепели. Дубинин на контрольных вибрировал горловой мембраной:

– Романова, жаба, дай списать!

Мама моя была отличницей. Дубинин засандалил ей в лоб чернильной ручкой. Таким образом, мама на всю жизнь заимела единственную татуировку на своем теле. На лбу. В виде точки. Хотя все думают, что это родинка.

На дне рождения Оли Дубининой дети ели мясо, круглые куски с косточкой посередине. Дубинин вещал, что это мясо жирафа. Кусочки шеи. Вот и косточка посередине. Лет шесть меня не покидала уверенность, что нам посчастливилось отведать мясо обитателя жаркой Африки, похожего на пятнистый, парнокопытный, подъемный кран, о чем я старательно оповещал публику на всевозможных празднествах. Потом напомнил Дубинину о том, какими же вкусными бывают животные, увековеченные лингвистическим казусом «длинношеее» с тремя е на конце. Дубинин помигал ресничными габаритами, затем зрачки его переключились в режим дальнего света, и он заржал. Выяснилось, что угощал он нас свининой.

Муринский ручей – речка, содержащая переваренную пищу всех жителей Гражданки. Искупавшись в прилегающем пруду, мой папа подхватил туберкулез. Стекающая в ручей талая вода каждую весну уносила со склонов собачье дерьмо и подростковые зубы, выбитые в драках. «Ты с какого берега?» Можно было и в личико получить за не тот берег. Боль рассеченной брови, отбитых костяшек, удар по яйцам, после чего ад возникает под пахом минут на пять минимум. Шелуха от семечек, шелуха кожи на обветренных щеках, горки, покрытые льдом, с которых катятся вниз санки и салазки. Кирзовые сапоги с загнутыми голенищами и ватник, подпоясанный протертым солдатским ремнем. Так выглядел модный персонаж моего детства. Кроссовки – это из четвертого измерения.

На уроках мы писали любовные записочки («Приходи к школе к шести»), которые передавались водительницам ребячьих симпатий. Поцелуи через платочек. Поцелуй как провинность. Ругнулся матом – иди, целуй девочку. Вареные джинсы. Песни Цоя. Пионерский лагерь. Я был барабанщиком, знаменосцем, командиром отряда и председателем Совета дружины. Понты, ныне потерявшие былой блеск. Директор лагеря вынимал меня ночью из палаты девочек и с ужасом говорил:

– Ты ведь председатель Совета дружины!!!

Голос у него при этом подрагивал, как кувшинки в озере,

когда мимо промчится катер. Залезть пьяной вожатой в трусы, потеребить волосики на ее лобке – как в космос слетать.

Выкладывали на рельсы гвозди и пятаки. Проходящий поезд превращал их в предметы детского культа, которые можно было обменять на компот. Дежуря в столовой, мы тайком отхлебывали компот из ведра. Эту мутную сладкую жижу с сухофруктами, которые смахивают на вылезшие из-под снега останки листьев.

Мама повела меня в Вагановское училище. Я не хотел заниматься балетом. Меня раздражало то, что у мужчин так выпирают причиндалы. И глупые движения балетного танца тоже раздражали. Когда меня завели в класс и попросили произвести манипуляции ногами и руками, я окоченел, как марионетка, покинутая кукольником.

– А как на счет хореографии? – спросила мама через некоторое время, поняв, что одним Нуриевым стало меньше.

– А что это? Балет?

– Нет, не балет. Такие, народные танцы.

Раз уж маме так хотелось, чтобы ее сын танцевал, то я заключил контракт с совестью и в десять лет попал в хореографический ансамбль «Юность», который базировался в ДПШ (Доме пионеров и школьников). «Юности» катастрофически не хватало мальчиков, поэтому брали всех. На фоне «всех» я выглядел вполне презентабельно, несмотря на то, что в десять лет (как выяснилось) уже поздновато начинать карьеру танцора.

Пока занимались в шортах, все утраивало. Но потом нам выдали лосины, произведенные отнюдь не из лосей, и даже не из лососей. Показали, как нужно их натягивать, наворачивая на ремень. Лосины плотно облегали ноги, как кондом облегает член. Ступни обули в специальные сапоги. Футболки наказали заправлять внутрь. Я не заправлял, стеснялся того, что могут заметить, как у меня выпирает. Там выпирать-то нечему было. Ругался из-за этого с хореографом.

Несколько лет назад мой бывший коллега по танцевально-хореографическому цеху встретил этого хореографа в продуктовом магазине. В роли грузчика. Со спившейся рожей. Маленькая трагедия одного человека, которому система давала право работать в детском хореографическом ансамбле, тешить свои созидательные амбиции, ставить танцы, трансформируя такое времяпрепровождение в зарплату. После того, как ДПШ оккупировали кооператоры, его выбросило на мель из океана свободного предпринимательства, и он задохнулся от собственной неприспособленности к жизни с картофельным мешком на спине.

Он учил нас брэйк-дансу. Это был мой козырь. Потому что

стыдно было признаться сверстникам, которые боксируют на ринге, водят картинг, гоняют в футбол, что ты занимаешься хореографией. Брэйк был поделен, как палубы корабля – на нижний и верхний. Я танцевал нижний. В пионерском лагере на дискотеках, собирая пыль и грязь на полу в местном клубе.

Естество мое ни под каким предлогом не принимало занятия у станка (отполированные сотней ног две толстые палки, идущие вдоль стены в хореографическом классе). Батман-плие, первая позиция, лебединые руки ищут опору в воздухе. Станок меня отторгал, так же как я его. Другое дело танцы в большом зале. Вальсирование тридцати пар, танец «Башмачки», танец «Потешки». Выступали во всевозможных ДК, в БКЗ «Октябрьский», во Дворце пионеров, в залах и зальчиках. С натужной улыбкой я шелестел по сцене, выворачивая каблуки концертной бутафорской обуви на радость родителям и бабушке.

День рождение девочки с длинными чуть вьющимися волосами. Несколько человек из танцевального сообщества «Юность» в комнате с накрытым столом, лимонад пополам с оливье. «Льдинка, льдинка, скоро май», – неслось из магнитофона. Игра в «Кис-кис-мяу». Невинные шалости с легким порнографическим оттенком. Мне выпало целоваться с именинницей в темном коридоре. Не через платочек. Губы в губы. Вышли из комнаты, и она засосала меня, как макаронину, в трясину девичьего рта. Не дав опомнится, потащила обратно в комнату.

Такая осведомленность в деле соприкосновения губ разнополых особей привела к тому, что несколько раз в неделю я наведывался в края, где она жила. Велосипедил из одного района в другой, протирая промежность своих штанов с одной единственной целью – случайно ее встретить. Договориться о том, чтоб пересечься в заранее заданном режиме (назначить свидание) – я не решался. Пытался подстроить случайное столкновение на улице, для чего облазил все окрестные школы, и нарезал круги вокруг заветного дома. Но случай потому и случай, что не подразумевает заранее разработанного сценария. «Моя любовь на пятом этаже», – пели четыре секретных галстука, я вторил им, взирая на пятый этаж хрущевки, где готовила уроки Лолита с маковыми губами и русалочьими зелками.

Из хореографии я свалил, и пошел в тренажерный зал. Супротив мясистых дядечек, которых так и хотелось после тренировки отправить на бойню, я выглядел логичным завершением своей хореографической карьеры. Прозанимавшись пару месяцев, решил, что эти убогие железки такому одухотворенному юноше, как я, не подходят. И даже

Шварцнеггер, взиравший со стены (страна узнала, что есть такой способ измены Родине, как видео) не смог убедить меня в обратном.

Между штангой и турником я познакомился с парнем, предложившим сходить в ЛДМ на рок-концерт, который устраивал Житинский от имени журнала «Аврора». Житинский для меня тогда значил то же, что для романтического ребенка, помешавшегося на индейцах и ковбоях, значит Фенимор Купер. Его книга «Путешествие рок-дилетанта» стала окном в иную реальность. Честно не вернув ее в школьную библиотеку, я вычитал то, что намеренно было стерто из атмосферы, меня окружавшей. Ныне Житинский стал издателем и первооткрывателем юных (и не очень юных) литературных талантов, удалившись от рок-музыки на почтительное расстояние.

Первый бал Наташи Ростовой. Единственный концерт, который я посетил до этого – выступление ансамбля «Секрет». На тот момент это был яркий мазок на стене серой повседневности. Но ЛДМ стал для меня балом монстров. Такого количества непонятных людей в одном месте до этого встречать не приходилось. В фойе промеж кучкующихся посетителей маневрировал штрих, на груде которого поселилась табличка с надписью «Гогик, ты где? Найди меня». На сцене пел Свин в сопровождении ансамбля. На гитарах играли мужчины в пиджаках, таких, в которые одеваются сорокалетние бухгалтеры, укрепляя локтевые сгибы заплатами, по форме напоминающими следки для обуви. Через несколько лет я встретил в «Горе» бомжеватого субъекта, который выпрашивал у меня пива. Это был Свин. «Я хочу купить себе трехмоторный самосвал, чтобы вывеси на свалку, все что раньше собирал». Свин собрал, что нужно, и покинул этот свет. Когда в прямом эфире на РТР показывают в дупель пьяного рок-деятеля, которого будят и говорят: «Андрюша, ну давай, пора на сцену», невольно проникаешься смесью сочувствия и уважения к такому наплевательскому отношению к собственному имиджу.

После «АУ» вышла группа «Странные люди» во главе с Чиграковым. Чиж, украшенный аккордеоном, выдавал на гора рулады, типа «Эй, моя перестройка мама. Эй, моя новая жизнь». После него на сцене оказался «Крематорий», врезавшийся мне в память, как кулак в челюсть. На следующий день я поскакал в магазин и купил пластинку «Клубника со льдом». Наконец-то к гитарному репертуару помимо «Восьмиклассницы» добавилось еще несколько песен.

На гитаре меня научила играть мама. Раскорячка пальцев,

именуемая баре, внушала священный трепет и уверенность в том, что так на грифе могут располагаться только шнурки, но никак не плоть, нанизанная на костяные стержни. Спустя месяц барьер был взят, боль на кончиках пальцев притупилась, и я научился бренчать на шестиструнном символе ночных серенад, геологических костров и мировой рок-музыки. Это вкупе с посещением ЛДМ, вкупе с книгой «Путешествие рок-дилетанта» сыграло свою роль.

Отрезок третий

В школе был найден способ халявы при написании сочинений. Я писал их в стихах. Оценки нам ставили двойные (за содержание и за грамотность). У меня частенько в делителе стояло 5, в знаменателе 3 (в лучшем случае 4). Содержание канало, грамотность нет. Стоило переключиться в режим письма прозой, столь привычный для учительских глаз, как грамотность заметно улучшалась. Но было меньше восторгов. А главное – не было уверенности, что содержательная составляющая сочинения подвигнет учительницу на высшую награду моим трудам. Другое дело стишки. Они вылетали из-под ручки, словно игрушечное дерьмецо из голубя.

Преподша превозносила мои вирши на Олимп школьных достижений. Ее не расстраивало ни то, что я засунул в замочную скважину две копейки, и после пятнадцатиминутной войны с дверью, нас отпустили с урока, ни мои неуды по поведению, ни моя серьга.

Родители переехали из благоустроенных, цветущих дворов Гражданки, в гадюжник Веселого поселка. Не хотелось переходить в другую школу за полгода до окончания этапного для десятилетки восьмого уровня. Я учился в физическом классе, к физике не чувствуя ни малейшей тяги. По профильному предмету всегда имел букву зэ в цифровой интерпретации. И по многим другим. Когда до конца основной восьмиклассной тягомотины оставалась четверть, я нарушил ритм обучения. Поменял сильную долю на слабую – перешел в школу по месту жительства. После такой синкопы оценки поползли вверх, штурмуя пик ведомости, поскольку, не знаю, как сейчас, а тогда это была школа для недалеких детишек, которым очень не нравился мальчик в галстуке и с серьгой в ухе. Может, по отдельности эти два факта (серьга и галстук) уложились бы в их эмбриональном сознании, но в совокупности они привели к тому, что я начал испытывать на себе взгляды подростков, у которых отняли право на счастливое детство. В итоге меня подловили за школой, дали разок в жбан, вследствие чего от моего прикида остался только галстук.

Несмотря на то, что я не был принят в гопницкие круги, которые доминировали в этом районе (рассказывались дивные саги о том, как на пустыре, разделяющем Ржевку и Веселый поселок, сходились орды бойцов, увешанные цепями и нунчаками, дабы помериться силушкой), новые люди сумели переориентировать мои музыкальные взгляды. Вылечили Павлика

от русского рока, которым болели все.

Когда мы ездили с классом в Минск, мальчик Мышкин купил пластинку «Блок Ада» «Алисы». Через неделю она появилась в Питере. Позже я принес домой виниловый блин с надписью «Шестой лесничий», испеченный на кухне фирмы «Мелодия», долго косился на папу, ожидая его рефлексии на появление в доме чего-то отличного от Тото Кутуньо. Потом вырезал маникюрными ножницами на левой штанине черных шаровар шесть звезд и собственноручно вшил туда шесть красных лоскутков. Красное на черном. У метро «Проспект большевиков» после концерта «Алисы» полугопники-полупанки пустили слюну на панталоны с отличительными красными пятиконечниками. Два десятка дистрофичных тел сомкнулись вокруг меня кольцом, потребовали выкуп за целостность челюстно-лицевого аппарата. Выкупа не было никакого, ни денег, ни фантиков. Легкий дождь слегка увеличивал массу одежды, увлажнял волосы. Я был ядром атома, вокруг которого движутся нейроны и протоны. Расщепить меня не удалось. Отпустили с миром, наградив словом «алисаман».

Тысячи подростков сидели в ячейках бетонных коконов и пытались подобрать на гитарах «Группу крови». Я изводил свое внимание проникновением вглубь песни, потому что никак не мог уловить алгоритм воспроизведения мелодии в целом. У меня она получалась кастрированной, ощипанной, как курица перед жаркой. Если бы в тот момент я понимал, что помимо гитары есть еще такой инструмент, как бас, все вопросы отпали бы сами собой. В «Группе крови» Тихомиров придумал простой, выползающий из под общего музыкального фона, риф. Из-за него я не мог изобразить песню так, как в оригинале.

Болезнь русским роком стала агонизировать в преддверии фестиваля «Рок против террора». Это был 1991-й год. В Москве собирались сыграть все, кто успел вылезть из подполья и настричь по этому поводу призовых купонов, в виде всеобщего обожания. «ДДТ», «Алиса», «Наутилус», «Бригада С», «Аукцыон», «Чайф», «Ва-банк». Я поехал в столицу один. Родители одноклассников держали своих чад на мягкой привязи, даже помышлять не могли о том, чтобы отпустить их на рок-концерт, проходящий в другом городе. Папа-железнодорожник сделал мне бесплатный билет, нашел в столице ночлег у своих друзей. Собрав небольшой рюкзак, я отправился в свое первое одиночное путешествие с Московского вокзала на вокзал Ленинградский.

Коротконогая проводница, приземистая как гусеничная самоходка, выдала комплект белья без наволочки. В Москве переночевал, где нужно. Гостеприимные папины друзья подробно

объяснили, как добраться до Дворца Крыльев советов, где должна была состояться акция. Когда прибыл на место, то подозрительная пустота прилегающих территорий (все-таки мероприятие обещалось быть массовым) напрягла мои подростковые нервы. Подходя к зданию, стало понятно, что кубик-рубик у меня в голове провернулся не так. Никаких зрителей – какой-то бассейн, где проведения рок-концертов не предполагалось ближайшие лет сто (сейчас здесь базируется Real records). Сзади доносились обрывки фраз, которые выдавали недоумение, схожее с моим. Обернувшись, я обнаружил четырех лбов, рассеянно озирающихся вокруг. Парни приехали из Казани (про Казань ходили легенды, что там по городу без дубины лучше не ходить) с целью равнозначной моей. Я совокупил свои размышления с их неглубокими знаниями столичной топографии, и мы выяснили, что перед нами не Дворец Крыльев советов, а Дом культуры Крыльев советов.

До пункта назначения добирались вместе. Один из казанских по имени Сиплый, постоянно хрустел суставами пальцев, любуясь на свои кулаки. Сиплый съел по дороге два брикета мороженого, каждый раз настойчиво предлагая мне присоединиться. Четыре качка и один шибздик сели в пригородную электричку и доехали до места проведения фестиваля, где выяснилось, что билетов нет. Трудно понять, как могло не быть билетов туда, где уместилась бы вся прогрессивная молодежь Казани. Когда я услышал, как волосатый пузатик, увешанный значками с размалеванной мордой Кинчева орет: «Я готов хоть за пятьдесят рублей билет купить, я из Владивостока приехаааааал!!!», у меня внутри похолодело. 50 рублей – целое состояние, на которое Сиплый мог бы приобрести центнер мороженого. Максимум, что я мог заплатить – червонец. И то со скрипом.

Пока юноши и девушки выпрашивали лишний билетик, стреляли деньги по десять копеек и курили «Приму», я изучал концертное меню, остановив взгляд на надписи, гласившей о грядущем выступлении Андрея Глызина. Билет на него стоил шесть рублей, и билет этот был мною куплен. Вынырнув из толпы, которая теснилась у окошек с маленькими отверстиями под надписью «Кассы», я, запасшись качками, побежал на другую сторону Дворца, потому что предварительно выяснил, что на тамошнем входе ментовские фильтры не очищают проходящий сквозь них поток неформалов от нежелательных примесей.

– Ждите здесь, – с этой фразой, нацепив на лицо подкову улыбки, я зашел внутрь.

– Что в рюкзаке? – спросил мент.

– Шпроты, – признался я, и это было правдой.

Низкосракий певец Глызин сэкономил мне денег и дал возможность попасть внутрь. Мент долго вертел в руках банку, не желая ее возвращать.

– А вдруг там бомба?

– В масле, – парировал я и был пропущен.

Настреляв внутри уже использованных билетов, я протащил казанских через милицейский кордон по два человека за две ходки. Дверь в поднебесье раскрылась, и звуковая волна снесла дамбу подросткового разума. Значок с изображением руки, сжимающей гитарный гриф, на котором вместо струн натянута колючая проволока (эмблема фестиваля), перекочевал с лотка на лацкан моего пиджака. Встретил некрасивых девиц из параллельной школы. По огромным колонкам в набедренной повязке ползал Веселов, сопровождавший тогда своим стриптизом все выступления «Аукцыона». Рок-кумиры, еще не успевшие пожирнеть, облысеть, удариться в православие и блатняк, кидали в зал свои песни, и они падали, как кирпичи, вышибая искру о монолитную толпу.

Ближе к ночи я, в обрамлении Сиплого и компании, посетил пуп земли российской – Красную площадь, которая хранит под собой перегной великих деятелей. Москва цвела и пахла, Ленин мирно дремал в гранитном саквояже, булыжники гордо серели и пыжились с намеком на то, что по ним ходила не одна тысяча ног, растущих из тел легендарных личностей. Звезды пятиконечились, люди мелькали где-то вдалеке, я как мельница, перемалывал свои хлебные впечатления. Впечатления – дневная выручка. В голове небольшая дырочка. Пока не заткнешь – не заснешь.

В Питер я вернулся заряженный энергией по самые гланды, стал пытаться что-то сочинять, какие-то песни, записывал их на кухне под гитару, отвез получившуюся запись Житинскому, потому что мне казалось, что он гуру, и как он скажет, так и будет. Житинский вежливо ответил, что «да, неплохо, но надо бы побольше читать стихов, почаще слушать хорошую музыку», а когда я протянул ему на подпись книгу, пожурил меня за то, что на обложке стояла библиотечная печать. В общем, он поступил тактично, как может поступить только хорошо воспитанный человек, не желающий сразу же, с первой попытки, объяснять молодому таланту, что принесенный материал – говно.

На новом месте, в замечательном районе Веселый поселок я чувствовал себя не в своей тарелке. Не в своем корыте, если быть точным. Местные тинейджеры слушали trash metal. Токам, циркулирующим у меня в мозгу, не хватало скорости догнать, что можно найти в такого рода музыке. У меня был магнитофон, и с

ним я таскался через весь двор к тупоголовому Сидорову, будучи не менее тупоголовым Петровым. Сидоров жаждал моего присутствия, поскольку, соединив две единицы техники, можно было осуществить процесс записи аудиокассеты. Одна единица была у него, другая у меня.

Я переписал себе Slayer, и долго тупил дома в уши динамиков, пытаясь уловить хоть что-то мне близкое в заглавной песне альбома 1988-го года. Потом наткнулся на Metallica, и голова пошла кругом.

Была в Москве радиостанция SNC, которую родил Стас Намин. Трансляция проходила на средних волнах, днем – рашен напевы, вечером нерашен. Квачи и достопочтенный басист «Коррозии металла» Паук с его незабвенной лексикой (такие, в общем-то, прибамбасы) были выпестованы здесь. Собственно, Паук был как раз интересен тем, что вел передачу о железнодробительной музыке. Как-то раз он включил песню, которую я тут же записал, потому что с первых же аккордов на меня полилось что-то невообразимое – «Fate to black». На тот момент я явился обладателем композиции, которая еще не ласкала уши местных ценителей (в пределах микрорайона) Кирка Хэммета и компании. Это на какое-то время подняло мой рейтинг во дворе, а я записал все имевшиеся в ларьках звукозаписи альбомы Metallica.

У нынешних тинейджеров есть MTV и пяток радиостанций, которые играют музыку оттуда. Какими же идиотами из кружка «Умелые руки» выглядели сородичи моего отрочества, потому что у каждого имелась тетрадочка, куда записывались альбомы и списки песен интересующих коллективов. Через кальку копировались эмблемы (как правило, черепушки на курьих ножках) западных групп. Это была мифологизация и панегеризация американского, немецкого и скандинавского trash metal. Сложно было представить, что за названиями типа Sodom или Napalm death скрываются живые музыканты, которые так же, как и мы, дышат, едят и гадят.

Отрезок четвертый

В романе Пелевина «ДПП (нн)» один из героев, перефразируя устойчивый оборот «старый пердун», вставляет во второе слово дополнительную букву. ПИАРдун. Термин целиком и полностью олицетворяет суть профессии. Не пиарить, а пердунить. В Питере каждый уважающий себя вуз имеет факультет «Связи с общественностью». Рынок образования не соотнесся с рынком труда, из-за чего последний опухает и пукает от такого количества специалистов в области public relations. Это мощные пуки, ими воняет во всех газетах. Но профессия по-прежнему модная, приносящая приличный барыш институтам с платными отделениями PR.

Когда я оканчивал девятый класс, аналогичная ситуация наблюдалась с экономистами и юристами. Абитуриенты, все как один, грезили о юридическом либо экономическом образовании. А спустя десять лет выпускники этих кафедр с завистью поглядывая на тех, кто успел влезть в нужную щель.

Мама сделала ход конем – ход с загогулиной в сторону от принятых тенденций. В моей ведомости имелась пробоина в виде тройки по химии, но смысл оставаться в школе был. И учитывая, что я пребывал в заведении для детей, которым было неимоверно сложно усвоить преподаваемые учителями предметы, у меня были шансы прикончить десятый класс если не золотой (как это сделала мама), то серебряной медалью. Но Павлику было предложено нечто из ряда вон выходящее – поступить в СПТУ.

Выяснилось, что если человек не зависит от родного государства на сто процентов, то он имеет возможность своими руками зарабатывать неплохие деньги. Формировавшийся класс новых русских строил себе жилье повсеместно, ремонтировал старое. И ему требовался квалифицированный рабочий, который смог бы выложить камин, проложить канализацию (иногда в обход всем принятым в Совке правилам), вырезать из головешки подсвечник под Ренессанс. Рабочий, который в курсе, что такое евроремонт. Поэтому я поступил на столяра-краснодеревщика в СПТУ № 90, которое тут же переименовалось сначала в Художественно-коммерческий лицей, а затем в Российский лицей традиционной культуры. Здесь учили на секретаря-референта (девочек), газосварщика (мальчиков), художника (роспись по дереву и фарфору (в основном девочек, но были и мальчики)) и на столяра (только мальчиков).

Я быстро прошел собеседование и был зачислен. А после

этого от мамы последовало уж совсем фантастическое предложение: поехать летом в Астрахань на два месяца со стройотрядом. Собирать помидоры.

С этого начался мой трехгодичный марафон под эгидой зеленого листка, вызывающего приступы смеха и чувство голода. В стройотряде на двести девочек приходилось двадцать мальчиков. Я по тупости и сексуальной необразованности не смог извлечь пользу из такого процентного соотношения полов. Мне было пятнадцать лет, я был самым младшим из всех представителей мужской половины лагеря. Поездка стала не то чтобы школой жизни – скорее, подготовительными курсами.

Полоть грядки я не умел, поэтому не полол, как не просили. Для виду мог помахать тяпкой, потом шел спать на травку или в заросли камыша, пахнущего навозом. Поля, где растут помидоры, орошаются с помощью поливалки, которая сосет вводу из арыка (мелкий канал промеж грядок). Арыки вытекают из главного арыка, который побольше и поглубже. Кто-то выяснил, что в нем есть караси. Долго соображали, где взять удочку. В итоге была найдена палка, к ней привязали веревку, конец которой венчал самодельный крючок. Рыбы было столько, что стоило закинуть крючок с катышком хлеба в воду, как тут же карась делал себе пирсинг, и его вытаскивали в рыбий ад.

Нас было восемь человек, удили по очереди. Поймал карася – передал удочку дальше. Как правило, это занимало секунд тридцать. Через час мы стали отпускать их обратно, исчерпав рыбацкий запал, тем более что уже два ведра были заполнены потенциальными воблами.

Через пару недель мальчиков отправили на VIP мероприятие (по шкале ценностей стройотряда), которому завидовали все боевые подруги – собирать арбузы. На бахче наблюдались сложности с водой, поэтому руки мы мыли арбузом. И ноги. После города-героя Ленинграда, где 1 кг арбуза стоит денег некоторых, я никак не мог привыкнуть к тому, что на бахче арбуз едят в режиме одной десятой – разбивают, захватывают ладонью сердцевинку, а все остальное предают тлению. И так много раз, пока желудок не оказывался переполненным сладкой массой. Неудивительно, что после обеда все туалеты в лагере были оккупированы доблестными собирателями урожая, которые ссали не тем отверстием, что обычно. «Я вижу, женщина цветок садится на ночную вазу, и с ягодиц ее поток иную обретает фазу», – писал кто-то из ОБЭРИУтов. Я как та женщина-цветок, ощущал на ягодицах иную фазу испражнений от переизбытка арбузной мякоти в животе.

В Москве назревал путч, а мы мазали волосы йодом и

зеленкой, чтобы они лучше выгорали, и нам было плевать на события в центральной полосе России. По палатам скакали жабы, ночью мы подкидывали девушкам в кровати ужей, наблюдая, как мирный девичий сон сталкивается с жесткой астраханской реальностью.

Я попробовал добротный самогон и марихуану. Мы ходили в окрестные поля, собирая зеленые листья, из которых наши предки когда-то изготавливали пеньку, а из пеньки все морские снасти, потому что, если иметь в виду натуральные волокна, то только конопляный канат не портится от воды. Сырье для производства такелажа мы сушили и курили, занимаясь загрязнением воздуха. Не думаю, что окружающая среда сильно пострадала от дыма, переработанного нашими легкими.

В город я вернулся с восемью ящиками помидоров и восемью арбузами. С предчувствием кульминации, которая назревала следующим летом, когда я снова окажусь в этих краях.

Отрезок пятый

Курт интересуется, курю ли я траву. Я отрицательно мотаю головой.

«Нет?» – он смотрит на меня пораженно. – Ты никогда не курил траву?»

Мне становится как-то нехорошо. Возможно, сказывается недостаток сна.

Ну нет, конечно, курил.

Курт не удовлетворен таким ответом.

«Но у тебя не было такого периода в жизни, когда ты все время курил траву?» – спрашивает он.

Нет, но зато я однажды жил в сквоте. Знаешь, что это такое?

«Ты жил в таком месте, где не было электричества?»

Что-то вроде того. И парень, который жил в соседней комнате, умер от передоза.

«Но от травы не бывает передоза!» – смеется Курт.

(Из интервью Кобейна, данного репортеру Melody Maker под занавес 1993 года за четыре месяца до смерти. Напечатано в NME №4 от 10 февраля 2003).

Училище встретило меня как родного. Выяснилось, что багажа знаний, которым я запасся в школе, хватит надолго. Контрольные работы по математике я делал за десять минут, потом помогал другим за деньги.

Историю нам преподавала особа под два метра ростом, откровенная как порнографический журнал. Ей не хватало

крыльев, чтобы стать гарпией. Половина урока, как правило, посвящалась вопросам сексуального воспитания молодежи. Кто-то спросил ее, почему она упорно не носит сережек, заменяя их клипсами.

– Я считаю, что все дырки, которые мне дал Бог, у меня есть, – ответила она, намекая на желания оставить свои уши без перфорации.

Рассказывали, что как-то раз после преподавательской предновогодней пьянки умельцы вылепили во дворе скульптуру в виде детородного органа. Нетрезвая историчка была застигнута с поличным, во время попытки сделать минет снежной фигуре.

Будучи старостой, я курировал процесс выдачи стипендии. Был у нас в группе один учащийся-фантом, который тотально не посещал занятия, но в списках продолжал значиться. Деньги за «мертвую душу» приходилось получать мне. Стоит ли говорить, что я находил им достойное применение. Так продолжалось до тех пор, пока в училище не наведалась его мамаша, чтобы забрать документы сына. Попутно она выяснила, что все это время сыну полагалось сорок рублей в месяц. Неизвестно, что происходило в то время в ее личной жизни, но известно, что она ворвалась в мастерскую, где сидело три человека, включая меня, со стремительностью спецназа, и тут же продемонстрировала возможности своих голосовых связок. Я забивал косяк, мои напарники Кабан и Вадик распивали пиво – картина более чем умиротворяющая. Кабан, убрав под стул банку, спросил:

– Вы к кому?

В следующий момент в него полетела киянка, которая, как будто специально, снесла с верстака тетрадный лист, на котором мирно покоились мои конопляные зерна. За киянкой полетел не менее тяжелый предмет – фраза с требованием вернуть деньги.

Эксцентричную мамашу удалось угомонить. Никто, кроме меня, не знал о судьбе стипендий, предназначенных для ее чада, а я тактично помалкивал. Она ушла, угрожая нам всем крупной разборкой. Я изрядно струхнул и полез под верстак в надежде собрать коноплю, рассыпанную по полу. Она смешалась с отходами деревообрабатывающего производства. Не знаю, что почувствовал Лермонтов, когда его накормили пирожками с опилками, но я чуть было не выплюнул легкие, когда затянулся хэшем, в котором имелись инородные примеси древесного происхождения.

Вместе с еще одним будущим столяром по имени Толстый, мы стали наведываться в «Трубу». Так и поныне называется подземный переход возле Гостинного двора – место сборища любителей побренчать на расстроенных гитарах и поклянчить за

это деньги у проходящих мимо горожан. Наблюдая за теми, кто исполнял вокальные произведения различной значимости, я начал ловить себя на мысли, что хочу делать так же. Стоять в переходе, орать «Гражданскую оборону», чтоб вокруг увеличивалась популяция прохожих, взирающих на меня со сладострастием.

Событийность того времени сейчас представляется матрешкой, которая, разоблачаясь от деревянных клонов, ведет к последнему пункту, после которого уже нет ничего, только деревянная кочерыжка. Я познакомился с Мишей, который уж больно проникновенно исполнял песни Егора Летова. Миша позвал меня в гости, вручил гитару, мы приступили к репетициям, чтобы доблестно дебютировать буквально underground, под трамваями и троллейбусами, которые массировали рельсы и провода на перекрестке Садовой и Невского.

Что такое глиссандо, я не знал, и, слава Богу, потому что провести по грифу выданного мне инструмента было невозможно – пальцы цеплялись за лады, которые были высотой миллиметра три. Полоса препятствий, а не гриф. Соло у меня выходило примерно такое же, как и у «Гражданской обороны» – тупое, кривое, мимо нот. Зато гитара была электрическая, что немало мне льстило.

Вооружившись сумкой-тележкой на колесах, утилизированной в качестве санок для двух комбиков, мы, обвешанные гитарами и барабанными стойками, стартовали от улицы Ударников в сторону центральной концертной площадки, где нас пока никто не ждал. Дебютировали вдвоем, без ударника. Миша на басу, я на гитаре, пели по очереди.

Сейчас, переслушав уйму музыки, я начинаю понимать, что Летов – гениальный мелодист и автор проникновенных текстов. Неслучайно «Song №2» Blur – вариант песни «Сид Вишес умер у тебя на глазах». Врял ли Мэт Дэймон был знаком с творчеством Летова, но факт остается фактом – риф слизан с «Гражданской обороны» копейка в копейку. Наверное, мелодии, как и любые творческие идеи, витают в воздухе, концентрируясь в разное время в разных местах. И как только эта концентрация превышает допустимое предельное значение, идея шлепается на автора, как яблоко на Ньютона, и автор может всю жизнь не догадываться, что его голова не единственная, на которую она упала.

На концерты Летова я не ходил и не хожу, чтобы не испортить ощущения юности. Пусть он останется для меня тем культовым персонажем, чьему голосу мы внимали, слушая записи отвратительного качества. И никому не приходило в голову, что

нужны ротации на радиостанциях, съемки видеоклипов, что нужно мастерить свои альбомы в Лондоне. Человек записывался у себя дома на обыкновенный магнитофон, и эти записи слушала вся страна. И не потому, что там присутствовало слово хуй. Просто его душа перетекала на пленку, он выкладывался на 200%.

Моя привязанность к trash metal перетекла в привязанность к hardcore. В Питере долгое время функционировал группа «Мародеры». Их вокалист любил вставать в позу ортодоксального исполнителя hardcore, к которому ныне всегда присовокупляется приставка old school. Таким образом он противопоставлял себя широкоштанинным рэперам, которые, утяжелив речетативную музыку, получили мегапродаваемый гибрид nu metal. Сейчас сложно разделить поп и рок, фанк и диско, рэп и метал – эклектика стала нормой для современного музыкального процесса. Но я еще застал то время, когда между попсой и альтернативой лежала четкая демаркационная линия, охраняемая критиками-пограничниками, и переступить ее музыканту порой было невозможно.

Одним из каналов поступления информации с Запада по-прежнему оставалось радио. На канале «Россия» в вечернем эфире раз в неделю вещал кекс, который ставил в эфире Kiss, Halloween и прочий металлообразный антиквариат, уже мало меня интересовавший. Помимо него, был еще один человек, имени которого я не помню. Но хочу выразить ему респект за то, что он делал. Именно от него я узнал о существовании толстопузого Билли Милано с его проектами S.O.D и M.O.D; о Miss fits, на чьих песнях росли Кирк Хэммет и Ларс Ульрих, а на одном из промежуточных альбомов Metallica 1987-го года есть даже несколько перепевок Miss fits; о группе Old lades drive (O.L.D) с полоумным фронтменом. Это был тот самый hardcore середины 80-х, который пришелся к российскому двору начала 90-х.

Альтернатива, предлагаемая Летовым («Я сяду на колеса, ты сядешь на иглу») касалась меня напрямую. Под Exployted или Tankard Павлик знакомился с таблетками – круглыми друзьями тонких существ, двуногоходящих. Кабы еще знать, какие таблы оптимальны для потустороннего мира, ради возникновения которого, ты их заглатываешь. Сначала пресловутый демедрол: ешь столько, сколько не страшно. Потом циклодол. Потом все остальное. Эксперименты, нами проводимые, удивили бы даже бывалых торчков. Нам было мало таблетки глотать. Мы их толкли на столе, мешали с гашишем, забивали получившийся порошок в штакет и приводили штакет в действие. Серия фотографий в моем альбоме, сделанная Толстым, демонстрирует меня, Вано и

Жеку после раскуривания такого косяка. Мы втроем играли в машинку: я был водителем, и рулил, сидя на детском пластмассовом говносборнике, а Жека с Вано имитировали руками автомобильные дворники на воображаемом лобовом стекле.

Выяснилось, что чай тоже торкает, если его выварить основательно. Я выварил. Высушил. Курил неделю, потом перестал, потому что не торкало, а только блевать тянуло.

Кто-то сказал, что можно есть белену, в ней тоже содержатся вещества, способные принести облегчение подростку, ищущему новых ощущений (как я потом выяснил, это действительно так, в белене содержится атропин и скополамин, способные вызвать галлюцинации, отсюда общеизвестная поговорка «Белены объелся»). Но до белены дело не дошло. Я был не шибко силен в ботанике и не знал, как она выглядит. Зато познал, как выглядит искаженная таблами реальность.

Галлюцинации – одна из главных причин поглощения транквилизаторов. И купить их можно в любой аптеке без рецептов. То что невозможно в реальной жизни, возможно в нереальной. Можно пойти в туалет, сесть на унитаз, повернуть голову и увидеть, что стена исчезла, и в двух шагах от тебя ходят люди. Можно считать круги, образовывающиеся на стене, воевать с самолетами в небе под потолком, разговаривать с собакой, которая оказывается вдруг способной высказывать суждения о Бердяеве. Это кинотеатр души и разума, где ты смотришь фильмы, и каждый раз сценарий непредсказуем, равно как и жанр.

Муравьи ползали по ногам, я водил их пальцами. Они пытаясь собрать муравейник, я все хотел, чтобы он был построен на коленке. Муравьи были крупные, каждый размером с пчелу. Каждый норовил залезть мне в трусы, чего я очень боялся, мало ли укусит. Поэтому одна рука сжимала яйца и член, другая подпихивала муравьев к коленке.

Полдня пытался натянуть струну. То есть мне казалось, что этот процесс занял у меня буквально несколько минут, а выяснилось, что несколько часов.

У создателя «Человека невидимки» и «Машины времени» Герберта Уэллса есть малоизвестный рассказ «Красный гриб». В нем повествуется о мистере Кумсе, который, повздорив с женой, ее подругой и другом подруги, отправляется в лес проветрить голову. Гуляя по дорожкам, он вспоминает свою женитьбу, осознает, насколько же его утомило существование в обличие мелкого лавочника. Мистер Кумс решает покончить с собой, и начинает перебирать в голове всевозможные и доступные

способы. И тут взгляд его падает на красный гриб, растущий рядом с дорожкой. Не исключено, что речь идет о красном мухоморе, Уэллс этого не уточняет. Красный мухомор содержит несколько различных химических соединений, обладающих нужным для наркомана эффектом. Мистер Кумс поедает гриб с непосредственностью деревенских детей в советской довоенной деревне, которые были уверены, что крыжовник по определению зеленый, потому что им не хватало терпения дождаться, когда он созреет. Но вместо смерти от яда мистера Кумса настигает наркоманский приход.

«Запах у гриба был острый, резкий, но не противный. Он отломил кусочек; свежая мякоть была светло-кремовой, но не прошло и десяти секунд, как она превратилась в изжелта-зеленую… В своем возбуждении он и не заметил, как проглотил первый кусочек. Он чувствовал удивительную беспечность. Отдавшись новым впечатлениям, он забыл о своих горестях. У него как-то странно закололо в пальцах на руках и на ногах. Сильнее забился пульс; кровь зашумела в ушах, как жернова. "Еще кусок… попроб…" – пробормотал он. Он повернулся – ноги плохо слушались его – и поглядел по сторонам. Неподалеку он увидел красное пятно и попытался подойти к нему. "Недурной закусон, – бормотал он. – Э, да тут их еще…" Он рванулся вперед и, протянув к грибам руки, повалился ничком. Он вдруг забыл обо всем на свете. Как бы там ни было, тоска его рассеялась, на душе стало весело и легко!»

В итоге герой уэллсовского рассказа приносит домой цилиндр, наполненный до краев грибами, и пытается накормить ими жену и гостей. Потом выпивает две бутылки портера и засыпает на куче угля в подвале. А в финале мы видим мистера Кумса через пять лет. Он уже устоявшийся буржуй, и обязан этим исключительно грибам, которые сорвали ему башню в один из несчастных осенних дней. После этого дела мистера Кумса пошли в гору, потому что он, находясь в наркотическом опьянении, смог показать жене, кто в доме хозяин.

Рассказ написан 1897-м году. Уэллс помимо своей воли намекает на то, что грибы способны в корне изменить нашу жизнь в позитивную сторону. Спустя почти сто лет этого мнения придерживался и я, выслушивая народные сказания от наркоманов нашего городка. Было боязно есть мухоморы. Пищевое отравление – самый щадящий исход в данном случае. Поблизости не наблюдалось ни одного грамотного химика или биолога, который смог бы по пунктам рассказать, что можно потреблять, а что нельзя. Зато было достаточно исследователей поганок, которые, исходя из собственного опыта, объясняли,

какое количество шляпок нужно проглотить, чтобы упасть в перину снов, подтверждая свои доводы самыми расхожими апокрифами наркоманского устного творчества, как, например, таким.

Сцена первая.

Молодой человек, страдающий от одиночества, решил поесть грибов семейства Psylocybe. Для чего приобрел у товарища пару десятков шляпок с ножками из тех, что собираются в районе платформы Ковалево. Но к чувству сенсорного голода примешалось чувство голода физического. Поэтому молодой человек решил удовлетворить одновременно как естественные потребности своего организма, так и неестественные. Для чего соорудил себе на сковороде жареху. Ацтеки и майя, называвшие псилоцибиновые грибы «теонанактл», («тело богов»), частенько потребляли их с медом, так почему бы молодому гражданину государства российского не потребить их с картошкой.

Жареха получилась объемной, целиком в молодой желудок не поместилась. Выбрасывать жалко, поэтому сковородка с остатками трапезы была заботливо убрана в холодный мир металлического ящика, волшебным образом превращающего электроэнергию в мороз. Далее у молодого человека случился приход, и он покинул дом в состоянии тополиного пуха.

Сцена вторая.

С работы приходит папа молодого человека – бухгалтер, или крановщик, или работник ЖЭКа. Типичный папа российского гражданина. Голодный, как сто шестнадцать бухгалтеров, или крановщиков, или работников ЖЭКа. Открывает дверь холодильника и обнаруживает на полке сковородку с едой. «Вот, – думает он, – молодец сынок. Приготовил отцу пожрать». После чего сковородка подвергается воздействию горящего газа, нагревается до положенной температуры, и ее содержимое отправляется на встречу с желудочным соком, плещущимся в животе у папы. Происходит схватка разных по своей природе компонентов. Мозги у папы распрягаются, настроение улучшается, голова наполняется воздушными хлопьями и ватными шариками, которые катаются туда обратно, туда обратно. Перед глазами возникают интересные картины. Легкий экстаз, такой неожиданный для окончания трудового дня, посещает папу. Папа прется.

Сцена третья.

Молодой человек, он же сын, возвращается с прогулки домой, и видит человека его породившего (в системе Тараса Бульбы), находящегося в промежутке между осознанием своего кайфа и осознанием причины, этот кайф спровоцировавшей. Сын садится

напротив папы, видит пустую сковородку, и начинает смеяться. И папа начинает смеяться. Потому что в это момент забывается безденежье, быт, срач и прочие атрибуты совкового существования. Грибы являются суррогатом воскового ангелочка из рассказа Андреева, который, понятное дело, к утру растает.

Занавес.

Эл Йоргессен из Ministry по пути к дому Джулиана Коупа заставил таксиста проглотить несколько таблов с амфетаминами, после чего ехал всю дорогу, крепко вцепившись в водителя. Всю дорогу ему мерещились еноты, готовые броситься под колеса.

Нынешний барабанщик AC/DC Фил Рууд был уволен в свое время из этой же группы за неадекватное поведение, вызванное потреблением наркоты. Во время тура «Cannon and bell» на Фила накатывали глюки. В своей комнате он наблюдал странников и ангелов, которые не собирались выметаться. Это лишь малая толика из множества фактов, которыми напичканы биографии известных музыкантов.

В училище я, находясь под воздействием разных препаратов, ходил по коридорам со шваброй в руках и охотился на ежиков. В дальнейшем это стало притчей во языцах, местным анекдотом про Павлика.

Я вылавливал водолаза из стакана с чаем, когда мы ездили в Павловск. Был такой ритуал. Пойти к статуе Бронзового (так мы его называли, на самом деле, я не знаю, что это за персонаж), у которого отсутствовал подпупочно-надколенный скульптурный элемент. Вставить ему шишечку в нужную дырку. Выпить вина (водки, пива) покурить травы (гашиша), достать бутерброды, которые брали с собой предусмотрительные девочки, чтобы непредусмотрительные мальчики их съели. Согреться чаем (зимой дело было). А в чае есть чаинки, которые иногда могут стать водолазами, если перекурить. Трехлитровая банка вина «Анапа», пара коробков с марихуаной – Павловск становился землей обетованной.

Отрезок шестой

Вторая поездка в Астрахань плавно проистекала из первой. Шаг длиной в один учебный год был сделан вполне уверенно. Я имел планы по поводу растений, произрастающих в крае бахчей и лососей. Процент-расклад мальчиков и девочек был таким же, как и в прошлый помидоросборочный сезон, а посему Павлик твердо решил стать мужчиной. Этому способствовали многие мелочи, как, например, полог.

В Астрахани тьма комаров, поэтому спали мы под противомоскитными марлевыми колпаками, именуемыми пологами. Поскольку в палате, где я жил, присутствовало всего семь юношей, было решено модернизировать скудные интерьеры лагерной лачуги. Я сдвинул вместе две кровати. Сверху положил три деревянных щита, накрыл их шестью матрасами. Из двух маленьких пологов сделал один большой, который подвесил над получившимся лежбищем. Делал я это, следуя примеру старших товарищей. В итоге были созданы все удобства для того, чтоб водить в гости ударниц прополки.

Лагерь располагался на берегу Волги. К берегу пристали два военных корабля, распахнув кормовые пасти, из которых на сушу сгружались непонятные предметы. Корабли перегородили полреки, что никак не мешало ни нашему купанию, ни нашему отдыху, который случался лишь вечером и по выходным. Все остальное время – грядки и бахча. В это связи мой первый половой контакт был very funny.

В один прекрасный вечер барышня (не помню, как ее звали, пусть будет Наташа), предложила вечером ополоснуться. Пустынный пляж, теплая вода, две корабельные посудины слева по курсу, мелкий песочек, девушка в откровенном купальнике, юноша в семейных трусах. Минут через пять после начала водных процедур, стало понятно, что Павлик поразил мишень женской тоски по сексу. Вспомнив некоторые кадры из некоторых фильмов, я поддался внезапно возникшему порыву, испытывая при этом дикий мандраж, поскольку в первый раз в первый класс.

Не вылезая из воды, мы прилегли на берегу, замаскировавшись под представителей отряда земноводных. Целуя свою потенциальную избавительницу от номинального мальчишества, я судорожно соображал, какая конструкция, составленная из двух тел, наиболее подходит в данной ситуации. Казалось, что мурашки бегают по внутренней стороне кожи. А по мне тем временем бегал луч прожектора.

Любая военная калоша, бороздящая моря и океаны, оснащена, помимо матросов, кока и трюмных крыс, световой системой, которой бы позавидовал любой устроитель многосуточного open air. Эта система по ночам защищает корабль от врагов (судя по всему), освещая территорию вокруг себя. Если вы смотрели хоть один советский фильм про войнушку, то наверняка видели сцену ночной высадки морского десанта. Свист пуль, колючая проволока, ножи лучей прорезают густую темень хоть-глаз-выколи ночи. Вот такой нож, который шарился по водной глади матушки-реки, распорол сэндвич, слепленный из двух молодых туловищ. Сразу после того, как доблестные матросы обнаружили тандем «полуголый мальчик – полуголая девочка», с борта корабля, словно якори, посыпались тяжеловесные возгласы типа «давай!», «парень, мы сейчас поможем!» Это поспособствовало нашему скорейшему удалению из воды.

Казалось, что в эту ночь я так и не буду посвящен, но у Наташи разыгрался аппетит, который, как известно, приходит во время процесса поглощения пищи. Пищей был я. Мы направились за душевые кабинки, где я постелил на траву строевку (куртку строительного отряда, символизирующую все понты стройотрядовской жизни). Две юные задницы еле уместились на матерчатом островке цвета хаки. Ничего не получалось, я как подслеповатый щенок пытался обнаружить мамкину титьку. Наташа взяла инициативу в свои руки, ноги и все остальное. В самый ответственный момент откуда-то сверху донесся голос лагерного доктора:

– Ну-ка, завязывайте.

Пришлось завязать. До поры до времени. Период teen стартовал.

Сложно было привыкнуть к валявшимся повсюду тушкам осетров. Методы их отлова даже варварскими не назвать. Берется электрод, который используют в своей работе газосварщики. Конец его загибается и заостряется. Такие крюки привязываются к толстой леске (либо веревке), и получившаяся гирлянда натягивается поперек реки ближе к берегу. Рыба идет на нерест, проходит через заградительные железные водоросли, цепляется за них, и остается болтаться в воде, пока браконьер не вытащит ее на берег. Там он вспарывает ей брюхо, вынимает икру, похожую на черное сердце. А больше ему от рыбы ничего не надо. Как и охотнику за бивнями больше ничего не надо от слона. Все мужчины здесь либо отсидели, либо сидят, либо готовятся присоединиться к первым двум категориям за браконьерство. Особо выделяю этот факт, потому что благодаря ему, я был

избавлен от некоторых домогательств.

Девушки занимались разводом местного мужского населения, что потом сказывалось на мужском населении лагеря.

Местное мужское население ближе к вечеру наведывалось к баракам, зазывая участниц помидоросборки на гостинцы. Участницы зазывались, уходили с местным мужским населением в местные зеленые насаждения, где угощались тающим на языке балыком и рассыпчатой икрой. А потом цинично уходили, оставляя местное мужское население наедине со своими желаниями. Местное мужское население от этого страдало, но решало, что в следующий раз звезды на небе расположатся в ином порядке, и удача скривит свою улыбку, мелькнув где-то поблизости. Но в следующий раз все происходило, как и в предыдущий, как и во все последующие. Девушки поедали приносимые дары, выпивали домашнее вино, и удалялись навстречу сну и утренним тяпкам. Неудивительно, что глаза местного мужского населения постепенно наливались кровью, как глаза быка на корриде. Кровь начинала бурлить, просясь наружу. Последствия этих процессов мы ощущали на себе в виде тучных взглядов, якобы ненамеренных толчков в спину и явных намеков, что в последнюю ночь нас всех перережут, предварительно совокупившись с каждым в отдельности.

Про эту последнюю ночь ходили легенды на подобие страшилок, которые рассказывают друг другу дети в пионерских лагерях. Мол, были случаи, когда приходилось заколачивать двери и окна, как это делал главный герой повести «Птицы» Дафны дю Морье, и отсиживаться до утра внутри бараков. Половина девушек собиралась ночевать у нас в палате, опасаясь за свое здоровье. Мы же отпиливали у кроватей ножки, запасались гвоздями и молотками, готовясь к обороне. Потому что с какого-то момента стало небезопасно ходить в туалет, который отстоял от лагеря на небольшом расстоянии. Кучки сидящих на корточках субъектов отпускали в нашу сторону реплики, после которых складывалось ощущение, что сейчас начнется кулачное месиво.

Эти люди говорили по-русски, но смысл их речи был скрыт от собеседника еле заметным акцентом и полным раздраем в голове говорящего. Они были готовы порвать нас на части. Их можно было понять. Живешь тут себе, браконьеришь потихоньку, мастурбируешь на первую полосу журнала «Работница», и вдруг приезжает двести молоденьких русских девушек, которые ходят в одних купальниках, раздражая зрение, потребляют браконьерскую икру, а отдаваться не хотят. И так два месяца.

Матросня, благодаря которой мой первый половой акт

оказался прерванным, решила затеять дискотеку. Под открытым небом. С мощным звуком (на корабле, оказывается, имелась аппаратура). Наша пропахшая арбузами палата, которая была крайней во всех смыслах, стала источником электроэнергии. Розеток в бараке не было, и чтобы заиметь счастье прослушать магнитофон или вскипятить чай, нужно было разобрать выключатель и присобачить нужные проводки к нужным клеммам. Соответственно, свет, на тот период, пока розетка используется не по назначению, глох.

Вечерком в субботу поляна перед столовой превратилась в танцпол с примятой травкой. Боцман, к вокальным данным которого нельзя было применить понятие «голосовые связки», поскольку их уже давно развязали медицинский спирт и папиросы, выступал в роли ди-джея, хрипя в микрофон, как астматик во время приступа. Девушки принарядились, юноши помыли ноги. Вечеринка носила полуаристократический характер.

Пришли молодые люди с окрестных деревень (поселков, селений, аулов). Среди них был один с нерусским именем. Мистер X. У него было лицо, за которым сразу же начинались оттопыренные уши. С мистером Y они направились к нам в палату, где застали меня за интимным процессом подстригания ногтей на ногах. Освещала меня свечка для торта (лампочка была умерщвлена на время дискотеки). Мистеры прикрыли за собой дверь и, собирая в полумраке остатки трезвости, стали предъявлять мне претензии о качестве полового обслуживания местного мужского населения питерскими барышнями. Я хотел было отшутиться, уже прицеливаясь к выходу, поскольку компания эта вызвала у меня неприятные ассоциации. Мистер X пошарил по тумбочкам, схватил какой-то предмет и приставил мне его к горлу. Это была классическая открывашка, которая между ребер не пролезла бы, но кровь с ее помощью пустить можно запросто.

– Может, прирезать? – поинтересовался мистер X у мистера Y.

– Пусть живет.

Прирезать меня сим предметом было бы сложно. Зато вот ножницами, которые кололи мне зад (я на них сел с перепугу) очень даже возможно. Мистеры покинули помещение, пообещав, что спокойной жизни ни у кого (а у меня особенно) в лагере не будет.

Сидя в темном бараке, я прислушивался к своим ощущениям, которых хватило для того, чтобы пойти к лагерному начальству. Это был жест отчаянья.

С начальством у нас были отношения более чем

напряженные. Начальство и молодой трудовой коллектив представляли собой диполь – два электрических заряда противоположные по знаку. Соприкасаться нам было запрещено. Потому что стоило потереть шерстяную тряпочку начальского терпения об эбонитовую палочку нашего тинейджерского беспокойства, как тут же проскакивала искра. Начальство хотело, чтобы дети работали, по ночам спали, чтобы девушки не шарились с местными. Но дети не выполняли стройотрядовские заповеди, что рассматривалось как нарушение административного порядка. Например, такое нарушение.

Детям захотелось выпить, но пить было нечего кроме волжской воды. Денег тоже не было. Поэтому дети расположились на полу, образовав круг из пятнадцати человек, и стали пить ненагруженную алкоголем природную влагу. При этом атрибутика пьянки была тщательно соблюдена (закуска в виде помидорного салата и зажаренных карасей, тосты, чоканье). И надо сказать – торкнуло. Такой коллективный психоз на почве желания опьянеть. Я повторил этот опыт несколько лет спустя, распив три литра бифидока из рюмок. Эффект тот же.

Дети были взяты с поличным на месте преступления лагерным начальником, который готов был головой об стену биться, дабы выискать под матрасами самогон, в тумбочке марихуану, презерватив в подушке. Он вбежал с криком: «Попались!» Схватил бутылку. Понюхал, попробовал, понюхал, попробовал. «Там должен быть спирт. Или самогон». Так говорили его удивленные глаза. Но в бутылке была вода. Самая обыкновенная волжская жидкость. Аш, мать ее, два о. В то, что дети от астраханской хандры начали пить воду, как водку, он так и не поверил. Зато ему пришлось поверить, что открывашкой можно не только банку со шпротами откупорить, но и вены на шее, если она в руках у мистера Х.

Выход был найден довольно простой. Меня пригласили к милиционеру, периодически дежурившему на территории лагеря, и популярно объяснили ситуацию с местным мужским населением (сидело, сидит, будет сидеть). Одна заявка в письменно виде – и от меня отвянут тут же, поскольку этот лист бумаги будет висеть дамокловым мечом над мистером Х и над мистером Y. Я поначалу упирался, вследствие антагонизма моей панковской натуры и милицейских протоколов. В системе моих морально-нравственных ценностей, вытекающих из юношеского максимализма, такого тандема не подразумевалось. Мне было объяснено еще раз, что это единственно возможный выход (мирный) из сложившейся ситуации. Я посоветовался со своими сожителями и написал заяву. Мистеры тут же отклеились от

меня, как отсыревшие обои от бетонной стены. Даже свои косые взгляды попрятали в брови.

Ближе к отъезду мы стали запасаться в столовой пустыми коробками из-под геркулеса для того, чтобы использовать их в качестве тары. Трава сохла в укромном месте. Каждый планировал увезти пачек по десять. Надеялись на то, что на вокзале никто шмонать не станет, поскольку погрузка стройотряда в вагон – это психдом. Все шло в нужном темпе. Рассматривались даже варианты запихивания коробок с «овсяными хлопьями» в ящики с помидорами, так, чтобы их не было видно.

Активней воровались арбузы с бахчи. Дети ходили ночью охотиться на зеленых полосатых колобков с розовой мякотью вместо мозгов (у колобка есть мозг?), обернувшись поясами. Это были тренировочные штаны, которые использовались как мешки. Штанины снизу завязывались. В каждую штанину влезало по два больших арбуза – итого четыре. Перекинув получившиеся ноги через плечи, компания людей, которых непременно осудили бы Тимур и его команда, удалялась в сторону лагеря. Здесь мы кормили арбузами девиц, а они кормили нас икрой, которой их снабжали сексуально озабоченные браконьеры. Икра в чистом виде Павлику не шибко понравилась. Может, сработал эффект горожанина, который, приехав в деревню, попробовал парного молока, и чуть не исторг его обратно, настолько он привык к пастеризованным продуктам в упаковках Tetra pak.

Уезжал я с багажом эмоций: потеря девственности, южный загар, прощальный костер, в котором директор лагеря сжег сто пятьдесят коробок из-под геркулеса. Это был неожиданный удар. Засушенная трава, преодолев Россию с юга на север, приобретала приятную для подростка ценность, которую можно было выразить в конкретном денежном эквиваленте. Но мечты обогатиться за счет астраханской флоры улетели вместе с ароматом, который она источала, сгорая под пристальным наблюдением директора и нашими грустными взорами. Запах разлагающейся конопли заползал в ноздри, выдавливая из глаз слезы обиды. В конце концов, на сбор и переработку этого урожая было потрачено достаточно сил и нервов. Пришлось отправляться с грузом помидоров и баклажанов на радость родителей. Мечты о сбыте марихуаны затаились еще на год.

Отрезок седьмой

Воробьи – двукрылые хироманты, изучающие ладонь города, пронизанную линией судьбы по имени Невский проспект. Они медленно падают на мостовые, мягко втыкаясь в асфальт, как ложка в пудинг. Улица утыкана саженцами, у которых вместо ветвей дрыгающие лапки. Рядом идет прыщавый подросток, выдергивает птиц за хвосты, и ест их, словно морковки.

– Не желаешь? – предлагает он мне сочащуюся красным соком тушку.

Я перехожу на другую сторону. Между домов расщелина, в ней виднеется Обводный канал, в котором плавают рыбы. Почему-то вместо чешуи у них перья. Плюшевые головы селедок валяются вдоль набережной, с одной из них играется жирный кот.

– Не желаешь? – предлагает он мне обглоданную рыбью кость, похожую на схематическое изображение елки, которое можно встретить на некоторых топографических картах и рекламах новогодних базаров.

В кафе на столе горстка зубов, сломанный фотоаппарат, коробка с шурупами, плакат с изображением группы Cure. Прямо на лице замакияженного Роберта Смита тарелка с пивом. Клеенка покрыта толстым слоем сала, в нем утоплены жвачки и окурки, будто мамонты во льду.

Я сажусь на стул и уже не могу сдвинуться с места. Тело как будто разобрано по частям. Я – начинка киндер-сюрприза, несколько звеньев от Lego. Рука не принадлежит плечу, она сама по себе. Совершенно не важно, в каком состоянии находятся глаза, в открытом или закрытом. Это космос, где живут кислородные шарики. Ими можно питаться вечно, пока они не закончатся.

На борту самолета голые стюардессы. Кресло, в котором я сижу, зубоврачебное. Одна из стюардесс наклоняется ко мне, шлепнув по щеке своей грудью. В руке у нее теннисный мячик, который она настырно пытается пропихнуть мне в рот между крепко стиснутыми зубами.

– Не желаешь? – в недоумении спрашивает она, после чего садится на меня верхом, и изо рта у нее вываливается длинный, как ремень, язык.

В иллюминаторе трясется крыло, и я опасаюсь, как бы оно не отвалилось. Вспоминается чаша Ереванского аэропорта, откуда мы вылетали, пелена облаков, запах апельсинов в салоне. Этим рейсом меня доставят в черную дыру Веселого поселка, где

придется тщательно вспомнить все этапы трипа, чтобы рассказать о них приятелям. Участившееся биение сердца, легкая испарина подмышками, разговор в соседнем купе и шлагбаум в конце тоннеля. Взлетная полоса перерезана рельсами, самолет должен сесть строго на рельсы, строго на рельсы, строго на пластмассовые рельсы, уложенные на пенопластовые шпалы, чтобы не произошло катастрофы. Чтобы все выжили, чтобы все насладились постполетной радостью человека, покинувшего зубоврачебное кресло, обитое жестким брезентом. Сознание восстанавливает привычные для обыденности картины. Я возвращаюсь. На полу обертки циклодола. В зеркале маячит тип с бледным лицом. Он смотрит на меня, а я на него. Пустота.

Отрезок восьмой

«Когда тебе 18 лет, ты куришь анашу, пьешь пиво, тренькаешь на гитаре и тебе говорят: «Ну сделай выбор в жизни», ты так, в легком ахуе, поступаешь в первый попавшийся институт, только чтобы в армию не идти. Пакет анаши стоил три рубля, а бутылка водки – десять. И вот думай, чем тебе заняться»

(из интервью Шнура журналу «Ом» (июнь 2003)).

Трехлитровая банка пива, помноженная на два – приемлемый объем для человека с улицы, зашедшего в бар. Пол-литровая банка – тара, из которой поглощается пиво в баре, потому что кружки ушли погулять в неизвестном направлении. Каждая банка снизу помечена красной краской, словно засохшая кровь прилипла к донышку. Это для того, чтобы банки не ушли вслед за кружками. То есть у хозяев заведения были опасения, что кто-то будет воровать их банки. И они их метили.

В «Трубе» Павлик познакомился с двумя пятнадцатилетними барышнями, одну из которых звали Зайцевой. Они жили на улице Партизана Германа. Туда можно доехать на электричке с Балтийского вокзала, если выйти на станции Лигово. Стали общаться.

В компанию к нам с Мишей набился барабанщик, который стучал только в рабочий и в хэт. Барабанщик тоже жил на улице Партизана Германа. У Миши мы разучивали песни, чтобы играть их в переходе. Менты предъявляли смешные претензии. Например, электричество воруем. Миша предложил оплачивать украденные киловатты.

Играли за идею. Никто не обходил публику с шапкой, выпрашивая купюры и медные кругляки. Но деньги все равно кидали.

Номер журнала «Контр культура». Полномера посвящено Янке и Летову. Статья про Джелло Байафро из Dead Kennedys. Я

как раз подбирал на гитаре риф песни «To drunk to fuck». «Посмотрите, во что превратились R.E.M?» – взвывал Байафро к читателю. R.E.M только-только выползли из небытия на российские просторы с песней «Loosing my religion». И оказывается, они уже успели превратиться во что-то не то. Спустя некоторое время, сдружившись с Ministry, Байафро сфотографировался со стоячим членом. А Россия внимала Майклу Джексону и Жене Белоусову, этакой отрыжке «Ласкового мая».

Зайцева была красивой девушкой. Некоторое время ходила, прицепив к джинсам колокольчик, имитируя сексапильную коровку. Постоянно малевала рот. «Я так себя уверенней чувствую». Визжала, когда кто-то оставлял на столе пустые бутылки.

– Денег не будет, – кричала она, хотя денег и так не было.

Была очередная пьянка у меня дома. Беспозвоночные снежинки налипали на остов города, два путника по имени Вано и Панын, снаряженные ключами и подробными инструкциями, направлялись ко мне в квартиру, чтобы сварить макарон, для последующего добавления в них тушенки. Туристический деликатес для урбанистических нищих. Макароны они варили по собственному рецепту, который не требовал воды, то есть просто кидали их в кастрюлю и ставили на огонь. В результате вместо пищи получалась сухая соломка, на которую даже мерин не позарился бы. Я это понял, когда с остальными гостями переступил порог собственного дома.

Паныч, как и подобает шестнадцатилетнему юноше, кричал, что не пьянеет. Я разоблачился до семейных трусов, что делал всегда и везде, поскольку чувствовал себя в таком обличие максимально комфортно. Пили мы так называемую «красную шапочку» – напиток бомжей и законченных алкоголиков. Или спиртовой напиток «Два орла», прозванный так за этикетку с изображением имперского двуглавого герба России. Ядерные смеси. При этом на столе всегда стояла засушенная роза, которую я вынимал с балкона и опускал в вазу, чтоб ее ссохшаяся нога немного отмокла.

Паныч напился и вырубился на тахте. Веселье переместилось на кухню, а мы с Зайцевой, сдвинув поближе к краю одежду Паныча, в которой находилось его тело, возлегли. Тахта приняла три массы, две из которой обладали кинетической энергией, а одна потенциальной. Сила трения между мной и Зайцевой возрастала, атмосферное давление увеличивалось, сопротивление уменьшалось, воздух уплотнялся от винных выхлопов. В тот момент, когда я уже готов был приступить к процедуре секса,

Паныча бортануло от края. Он перевернулся на другой бок и со скорченным ртом соорудил у меня на трусах импрессионистскую композицию. Весьма содержательную, если иметь в виду содержание его желудка. Я выскочил из комнаты и помчался в ванну. С моими сексуальными притязаниями на Зайцеву было покончено.

В «Трубе» появился мужчина, которого природа обделила ростом. Звали его Леней. Он ходил с гитарой наперевес и пел песни. Характерная особенность Лени заключалась в том, что во время игры он не зажимал аккордов, работая лишь правой рукой, которая ожесточенно лупила по струнам. Поверх звучания и без того расстроенной гитары, Леня накладывал свой вокал, диапазон которого ограничивался двумя нотами. Таким образом Леня был артистом-универсалом, исполнявшим любую песню, какую не попроси. Миша, здоровался с ним, как с коллегой, и каждый раз говорил:

– Леня, давай «Мальчишник» – «Я хочу тебя».

– Ща, только поднастроюсь, – отвечал Леня, крутя колки, после чего начинал истошно орать, – я имел ее в окне, стоя на голове, я хочу тебя!

Встречались порой уникальные субъекты, которые приехали с другого конца в страны в Питер, как в Мекку рок-н-ролла. Приехали без денег, не имея здесь ни друзей, ни знакомых. Они вписывались по квартирам, где стирали свои посеревшие от времени джинсы. Поскольку джинсы сохнут долго, они сушили их утюгом, проглаживая каждую штанину раз по двадцать восемь. Иногда я давал приют этим деятелям, потому что уезжая в ноль часов ноль минут из центра города, не бросишь на улице человека, которому некуда идти, и который выгребает из урны ее содержимое, дабы обнаружить там недоеденную булку или остатки эскимо. Это называлось «приколоться по ништякам». У всех подобных пришельцев была отличительная черта – не имея средств к существованию, они умудрялись доставать где-то средства, которые позволяли это существование на время скрасить. То могла быть упаковка транков, пакет гашиша, бутылка спирта в конце концов. Реже – кислота или «винт».

Девушка с сальными волосами и дырявыми ботинками была мною подобрана на Климате. Звали ее Настей, она приехала из Самары на перекладных. Цель своего визита в Питер так и не смогла объяснить. Дома у меня Настя первым же делом залезла в ванну и не вылезала оттуда час, пока не перестирала все свои шмотки и все части своего тела. Когда она зашла на кухню, я ее даже не узнал. Посвежевшая, хорошо пахнущая, с мокрыми волосами она лишь отдаленно напоминала зачморенное

существо, попрошайничавшее на Невском проспекте. Я жарил картошку и варил сосиски.

У меня есть кое-что, – сказала Настя и полезла в свою котомку, бывшую когда-то рюкзаком.

На столе очутились маленькая колба с круглыми таблетками и бумажный пакет, о содержимом которого даже догадываться не стоило. Я лишь ухмыльнулся. Она была старше меня лет на пять. На руках хиповские фенечки из бисера. Ей ничего не стоило сняться с насиженного места (хотя трудно было представить, что это должно быть за место, которое она может насидеть) и рвануть в другой город. До эпохи интернета, мобильной связи и виагры оставалось несколько лет, когда подобные типы вымерли за ненадобностью. Но тогда я воспринимал их как нечто само собой разумеющееся, уже догадываясь, что рано или поздно сам окажусь в их шкуре, что и произошло чуть позже. Но только моя поездка на другой конец страны была отчетливо мотивирована – конопля. А их вояжи даже паломничеством не назвать. Люди вне системы. То, что называется обиходным в литературе словом маргинал. Люди, которые не искали смысла в этой жизни.

После ужина мы закинулись по таблетке (на все мои вопросы, как они называются, они лишь хитро улыбалась) и выкурили косяк. Какое-то время я пытался сосредоточиться на картинке в телевизоре, но потом рядом присела Настя, сжала мне член своей вымытой детским мылом ладонью и уложила меня в себя, как в кресло-качалку. Тело стало гибким и податливым, как у ртутного Терминатора. У этого секса не было конца.

Ночью я разговаривал с пластинкой Джо Дассена, пытаясь у него выяснить, почему он умер. Джо Дассен не реагировал, видимо, воспринимая мои вопросы так же, как воспринимали вопросы вождя краснокожих горе-похитители из рассказа О'Генри. «А почему апельсины круглые? А почему ветер дует? Потому что деревья качаются?».

Настя уехала в Самару и написала мне оттуда письмо, что выходит замуж. У меня осталась ее фенечка.

Отрезок девятый

Это было ближе к весне. Зайцева давно промывала мне уши словесами об одной своей подруге, которая вернулась из Москвы. Мы постоянно играли в Трубе, я ездил в «Там-Там». Потом эта подруга появилась. Белая рубашка, черная юбка, короткие черные волосы, зеленые глаза. Звали Машей. А меня Пашей. Вот и познакомились.

Я ходил в темно-зеленом плаще, в круглых черных очках, как у кота Базилио, и с длинной челкой. В подкладке плаща всегда имелась заначка с косяком. Так, чтоб менты не нашли. Поселилась в мозгу зубная боль, но что это за боль такая, я не понимал. Нечем еще понимать было. Потом Маша приехала второй раз. Ближе к вечеру. В черной полупрозрачной блузке, демонстрировавшей кружевной черный бюстгальтер. И все остальное черное – туфли, чулки, лак на ногтях.

Прогулялись немного по Невскому. Я уже начал догадываться о природе зубной боли в голове. Зайцева тащила Машу к себе, бросала на меня косые взгляды. Но потом сама куда-то усвистала с очередным хахалем. Мы поехали ко мне. Травы она никогда не пробовала, что меня удивило, поскольку ее в нашей компании не курил только ленивый. Выдули косячок, потом еще один, а потом выдули друг друга.

– Паша, зайка, поставь чайник.

Она произнесла это, сидя на тахте, закалывая волосы на затылке. Междометие «зайка» скосило меня, как пуля травинку, поскольку до этого в уменьшительно-ласкательном режиме ко мне обращалась только мама. Я полез вверх по синусоиде настроения. Выяснилось, что кончились сигареты. Мы вышли на улицу.

Перед домом, где живут мои родители, покоится гора, с которой зимой катаются на санках дети и всякие прочие. За горой ныне можно наблюдать Ледовый дворец. Летом эта земляная насыпь, столь редкая для плоскодонного Питера, зазывает погулять владельцев собак, любовников и местную гопоту.

Мы шли по траве, цвет которой ночью разобрать невозможно. Я пытался любоваться звездами, которые тараканами заползли в пазы неба. Я был близок к обмороку. Это происходило со мной. Сейчас. Это слово, рифмуемое с кровью и морковью, вырастало на языке, и клонило свой стебель к губам, готовое сорваться с них и рухнуть в пропасть назревающего лета. Шептались в ушах недавно произнесенные звуки, елозили на шее отпечатки

поцелуев, голова проросла крыльями, готовая слететь с шейного стрежня.

Маша говорила о том, что нужно опять возвращаться на работу, что она расслабилась. Я поинтересовался, что за работа.

– В конторе, – ответила она.

И потом произнесла несколько фраз, которые придавили меня всей тяжестью подросткового разочарования.

Я пытался соотнести то, что мне довелось только что узнать, с тем человеком, который шел рядом. Шестнадцатилетняя девочка. Самая красивая из тех, что мне доводилось встречать в своей жизни. С завораживающим голосом, о котором потом одна моя знакомая сказала: «Я бы влюбилась в нее только за этот голос». Она картавила, шлифуя слова р-содержащие, сглаживая их рычание. Находка для логопеда. И для любого мужика с деньгами. Для любого, кто может позволить себе заказать проститутку. Вниз по синусоиде настроения.

Когда тебе семнадцать лет, то каждого мудака, который трахал твою девушку до тебя, ты воспринимаешь как личное оскорбление. Я получил сотню пощечин за один раз. Самолюбие размякло и растеклось где-то внутри. Раскромсала бессонная тварь карамельные сны под подушкой. Изучаю лунный букварь. Вновь сдружился с чайною кружкой.

Две половинки ночи разделили, распилили счастье, даже не дав возможности опомниться.

Наутро поехали на Петроградку забирать из ремонта ее туфли. У нее вокруг юбки барахтались висюльки, наверное, для пикантности они были помещены на этот кусок материи, облегающий женские бедра. Маша постоянно цеплялась висюльками за мимо проходящих мужиков, что усугубляло мою невеселость. Я встал не то чтобы не с той ноги, я лег не с того боку. Город смердел обыденностью, чавкал хлопающими дверьми автобусов, издавал звуки каменной природы, которую освоили пять миллионов человек. Я положил в карман номер ее телефона, записанный на сигаретной пачке.

Привычное течение жизни оказалось нарушено. В твердом теле зарождавшегося понятия о том, как нужно жить, образовались дыры, из которых вытекал накопленный кислород уверенности в себе.

У Маши было два младших брата, одного звали Юлий. То есть Юля. Уже тогда я смотрел с сожалением на пятилетнего носителя всех возможных кличек в начальной школе. Дети очень внимательны к любым отклонениям от нормы. Помню статью в «Ленинских искрах», где школьница с негодованием писала о своей однокласснице, которая носит крестик. Уж не раз ей

говорилось, чтоб сняла, а она ни в какую. А мальчик Юля – первая мишень для подросткового бесовства. И Цезарь не в счет.

У меня в голове стали возникать голливудские планы о том, как я зарабатываю кучу денег, как увожу Машу в теплые края, где не придется вспоминать о ее прошлом.

В квартире, где она жила, были холодные обои и слегка пожеванное стиркой пастельное белье. Там не было ни одной исправной розетки. На кухонной плите всегда горел вечный огонь, иначе, за неимением спичек, можно было остаться без горячего чая. Дом отстоял от улицы Партизана Германа метров на сто, улица Партизана Германа отстояла от моего жилища на полтора часа езды. Нужно было поменять две электрички (подземную и наземную, синюю и зеленую, теплую и холодную), добраться до железнодорожной станции Лигово и, если повезет, проехать три остановки на автобусе. Чаще не везло, и приходилось разминать опорно-двигательный аппарат.

Волосатые ноги, разведенные родители, разные по разнокалиберные глаза, неудачный первый половой контакт, изнасилования. Девушки с таким багажом разных по своей природе характеристик составляют группу повышенного риска. У них есть все шансы стать проституткой. Где-то я об этом вычитал.

Свой первый визит помню хорошо. На кухне чай перетекал из чашки в рот родительницы, я же сидел с Машей в комнате, наблюдая у нее явный сдвиг по фазе, природу которого можно было бы легко обнаружить, пораскинув мозгами по внутренним стенкам черепа и присмотревшись к оберткам, валявшимся на столике. ТА-БЛЕ-ТО-ЧКИ. Но я этого не делал, потому что был парализован весь, за исключением подпупочной области, ответственной за семяизвержение и мочеиспускание. Там происходил акт орального секса, первый в моей жизни. Что потрясло меня больше всего, так это антураж сцены: мама могла в любой момент закончить чайную трапезу и зайти пошуршать своими тапками по комнатному полу, за стенкой мог проснуться Юля и приползти на зов электрического света. Ни того, ни другого не случилось.

Уезжать приходилось с расчетом, чтобы успеть на последнюю электричку. Я позвонил на следующий день, и мои уши проткнул голос Машиной мамы. Маша была не в себе, потому что наглоталась таблеток всяких разных. Раньше за ней подобных пристрастий не замечалось. Я приземлился в их прихожей через два часа и провел в этой квартире двое суток, забив на учебу и ряд обязательств перед своим графиком. Маша спала, потом очухивалась, я вел ее в ванну, где намыливал ей спину, грудь и промежность, испытывая при этом смесь любопытства и робости.

Я пытался заботиться, но все мысли мои роились под трусами.

На обоях выписывал маркером строчки, потом отрывал кусок бумаги, скрывавший бетонный позор стены, и, скомкав его, выкидывал в окно. Неугомонный холод проник и в тебя тоже. И организм расколот, и побледнела кожа. И из родной кровати сбежать не так-то просто. Болеющий подросток. Болеющий некстати.

У нее на спине была красная ссадина. Постоянно. Это из-за того, что она мылась в ванной, как в раковине. Душ не работал, его заменяла тонкая струя воды, льющаяся из крана. Она пыталась распределить ее поток по всему телу, для чего садилась на корточки и, съеживаясь в комок, наклонялась в разные стороны, поворачиваясь вокруг своей оси. Вставая, она всегда задевала спиной за кран.

Я пытался забаррикадироваться в комнате от Юлиных поползновений, иногда это удавалось, иногда нет. Маша проявляла чудеса стыдливости, раздеваясь передо мной только при выключенном свете. Это никак не вязалось с ее профессией.

Покинув ее обиталище с еле отапливаемыми батареями, я вернулся в круг повседневности, но голова была полна Машей.

Она отказывалась брить ноги и складывать деньги в кошелек. Так и хранились они по карманам в виде разноцветных оберток. Доставая охапку скомканной бумаги, она могла запросто выдать кассирше сто рублей вместо десяти и наоборот. Кассирша ругалась, разворачивала купюры, пытаясь вернуть им опрятный вид, что было бесполезно.

Ее не раз насиловали. С этого начал первый мужчина, выдав ей тем самым инструкцию на будущее, как нельзя начинать свою половую жизнь. Увы, точка отсчета в таких делах всего одна. Ее же вместо точки угораздило окреститься пятном. Для меня, семнадцатилетнего цыпы, это все было, как обухом по голове. Каждая ступенька в ее парадной была вымазана моими соплями.

Я пытался выпытать, что это был за представитель рода человеческого, который поступил таким неделикатным образом с пятнадцатилетней девочкой. Она, естественно, не помнила. Тип из эфира.

Был в свое время, когда паук, соткавший мировую паутину интернета еще даже не помышлял тянуть свои щупальца к советским телесетям, такой молодежный способ проведения свободного времени, как газета «Сорока», предварившая появление интернетовских чатов. В ней помещались объявления, содержание которых могло бы поконкурировать с монологами Бьюиса и Баттхеда. Мальчики и девочки вырезали купоны, заполняли их загогулинами печатных букв, отправляли в

редакцию, и с нетерпением человека, страдающего диареей, ждали выхода номера. Потом читали свои подростковые излияния и были счастливы. Или несчастливы, если их персону кто-то обидел. Сорокоманы встречались каждую неделю то на Черной речке, то в Трубе.

Аналогом «Сороки», только более живым, был эфир. Звонишь на определенный номер и попадаешь в эфирное пространство, где общаешься не с одним абонентом, а сразу с несколькими. И каждый, кто знал этот номер, мог присоединиться к общей болтовне.

У всех эфирщиков были свои клички. Встречались они по субботам на площади перед Финляндским вокзалом, где Ленин тянет руку в поисках еще одной кепки. Наверное, это представляло определенный интерес: посмотреть на персонажей, которых ты не видел, а только слышал. И голос служил единственным источником информации о внешности человека.

Этому типу было под сорокет, он затащил Машу к себе домой. Дело происходило где-то на Гражданке. Она, клуша малолетняя, повелась на россказни бывалого увальня, за что и схлопотала по полной программе уголовного кодекса. Замечательный дебют на арене секса. Я доставал ее расспросами о местожительстве ее первого мужчины, но она даже улицы не могла вспомнить, чего уж там говорить о номере дома и квартиры. Да и прошло с тех пор больше года.

В другой знаменательный раз она села к ментам в «ГАЗон», и те подвезли ее до следующего изнасилования, растянув девочку на троих. Выкинули у станции метро и уехали исполнять опасную и трудную службу, не видную на первый взгляд. Все это я переваривал и пытался понять, какого ж рожна на одну голову, такую красивую и молодую, свалилось столько дерьма.

А потом Маша отправилась в Москву то ли к тете, то ли к бабушке, и там стала зарабатывать деньги нехитрым способом, для которого ни лицензии, ни диплома не нужно. Разумеется, под присмотром заботливого сутенера, обучившего ее азам камасутры по-русски.

По возвращению в Питер, ее угораздило встретиться со мной в тот самый моменту, когда я планировал очередную поездку в Астрахань с длинноволосым парнем, знавшим секрет жизни. Секрет этот заключался в следующем: есть способ избегать конфликтных ситуаций.

Отрезок десятый

Я встречал не так много психически уравновешенных личностей. Мне постоянно приходилось и приходится общаться с истеричками (явными и неявными). Серега был человеком с проволочными нервами, которые загибались в разные стороны, в зависимости от обстоятельств. Эластичность его характера не сразу бросалась в глаза. Поначалу казалось, что человек просто сроднился с марихуаной, которая заменила ему волю и план действий на завтра. Но, познакомившись с ним поближе, становилось понятно, что излучаемый этим типом пофигизм, есть следствие натуры, а не результат внешних воздействий.

Ему было двадцать три года (против моих семнадцати). Он был родом из Москвы, а в Питере просто колбасился, что было свойственно тогда многим москвичам. Лет в шестнадцать ему случилось откровение из неизвестных источников о прелести цветных металлов, которую они приобретают, если сдаешь их в нужные руки. Он еще застал то время, когда, всучив сторожу бутылку водки, можно было ночью подогнать к заводским воротам грузовик, и забить его кузов медными и латунными болванками.

Проблема была в том, что Серега и его коллеги по медному бизнесу, были детьми рок-н-ролла, и являли собой инверсию новых русских. То есть тоже не знали, что делать с такой кучей денег, и тратили их порой самым неожиданным образом. А так же, к великому сожалению, вполне ожидаемым. Серегин приятель, которого я однажды имел счастье лицезреть, умер от передозировки героина в своей собственной квартире, в ванной. Нашли его там только через месяц, когда труп начал разлагаться, распространяя смрад на весь подъезд.

Серега рассказывал мне, что в России девяносто процентов гашиша -трава, сваренная в ацетоне, а мацанка или пластилин – это пыльца, которую собирают проводя руками по конопляному кусту. Ладони покрываются темно-зеленым слоем, который потом скатывают в козявки, а козявки в плотные шарики, похожие на кусочки пластилина. Он снабжал меня травой, дифференцировал ее по сортам, снабжая каждый сорт подробной рекомендацией, денег за это не брал. Я накуривался в Трубе до состояния сомнамбулы и ехал домой в Веселый поселок. Электричка постоянно делала финт ушами, скакала с ветки на ветку, как белка, и ехала с Гостинки до Дыбенко, для чего совершала перегон на станции Площадь Александра Невского. Посреди этого

перегона она, как правило, останавливалась, и вместе с ней останавливались мои мысли. Сидения превращались в уютные диваны, надписи на стене в доверительные посылы братьев по разуму, и вечное «Не писаться» вместо «Не прислоняться» вызывало ощущение постоянства. Вот я сижу внутри вагона, который, как таблетка, катится по пищеводу города. Метрополитен проглотил меня ртом центральной станции, а испражняться мною он будет уже на питерских задворках. В такие минуты в сознании человека наступает штиль, и можно выловить в запруде души неожиданную идею. Как, например, идею о том, что ты кого-то любишь. Вот здесь и сейчас, находясь в катакомбах сырой почвы.

Мне нравился мой стиль жизни. Заниматься спортом было не круто. Или круто для идиотов. А для таких как я писком моды было опустошить аптечные прилавки и, закинув в желудок несколько таблеток, спасающих от реальности, отправиться в «Там-Там», в единственное место, где играла близкая мне музыка, и где собирались близкие мне люди. Такие мифические термины как «кокаин» или «героин» были из области фантастики. Рэйверская культура только зарождалась, но она протекала параллельно мне. Дети с красными волосами и не менее красными глазами, занюхивали порошки, чья консистенция вызвала бы недоверие даже у таможенной овчарки, после чего отправляли сжигать килокалории на танцпол под сет ди-джея. Рэйв в тогдашнем Совке был антиподом панку, но сидел с ним в одной грядке. И ди-джей был сродни апостолу новой веры, супротив нынешней ситуации, когда рулевые дискотек клонируют друг друга каждый месяц, превратив андеграунд в шоу-бизнес.

В «Тоннеле» разливали три напитка: чай, сок и водку. Динамики были заботливо упрятаны за железные решетки, потому что у бандитов, наглотавшихся таблеток, была привычка нырять головой в омут техногенной музыки. А это имело плачевные последствия для акустических систем, изрыгающих унц-унц-унц. Бандитские головы, понятное дело, оставались невредимыми.

Мой приятель Костя рассказывал про знакомого боксера Колю, которого он встретил при входе в один из баров. Тот сидел на скамейке, на руках новые боксерские перчатки, которыми Коля периодически бил себя по голове, прислушиваясь к ощущениям, возникающим от удара.

– Коля, ты чего? – спросил у него Костя.

– Да вот, перчатки новые купил, пробую, – ответил Коля.

– Так ведь больно же! – возразил Костя.

– Ты чего? Это ж голова! – ответил Коля.

Такие Коляны стучали лбами в стены «Тоннеля», создавая дополнительный звуковой фон. Посетителей первого в России техноклуба выпасали наряды милиции. На протяжении пути от станции метро «Горьковская» до разукрашенного бомбоубежища стояло несколько кордонов, которые живо реагировали на тонких подростков в зеленых башмаках. Им предлагалось вывернуть карманы, распрощаться со спидами и экстази (если те неграмотно запрятаны), и следовать дальше – на дискотеку. В худшем случае – пройдемте в отделение. А какая дискотека без таблов?

Ди-джеев на входе встречали бычьи шеи, окантованные цепями девяносто шестой пробы, и наставительно вещали:

– Значит так, ди-джей. Ставишь четыре песни хардкора, потом одну песню Шуфутинского. Потом опять четыре песни хардкора, потом опять Шуфутинского. И так все время.

Ди-джей кивал, потому что ничего другого ему не оставалось, разве что присоединиться к рисункам на стене в виде отпечатка собственного тела, проходил к пульту, к которому бандосам доступа не было. Там он насаживал на спрессованный кусок музыки иглу, похожую на кончик скорпионьего хвоста, и она неслась по заданным беговым дорожкам, впиваясь в виниловый диск. Периметр окружности уменьшался, игла, нисходя по спирали, приближалась к центру пластинки. Быки колбасились, Шуфутинский отсутствовал, ди-джей уходил огородами, дабы оградить свой мозг от сотрясения, а нос от поломки.

В моей среде, где доминировали панк и хардкор (не синтетический, а металлический), принято было дырявить себе руки и пускать по венам такие жидкости, как «винт», «черный», «белый» и пр. Только у меня эти процедуры вызывали антиэстэтские чувства. Я не мог и мысли допустить, что стану протыкать свою синюю жилу на сгибе локтя. Поэтому выжил. Но это уже лирика. Выпад в сторону, пока основной персонаж маячит на задворках памяти.

Было время, когда при выходе из Гостинного двора бабушки торговали портвейном, пивом и сигаретами. Серега умудрялся брать у них вино в долг (представьте себе этих бабушек, которые за недодаденный рубль вас съесть готовы). Вино распивалось в какой-нибудь подворотне, раздраконивалась очередная пачка Беломора, и содержимое каждой папиросины тщательно заменялось на сушеный корм для буйного мозга.

Как-то раз я поинтересовался у Сереги, где его гитара (Fender – родная американская), стоящая ровно тысячу нерублей. Он притаскивал ее иногда в «Трубу» на наши панковские действа. Выяснилось, что гитара ушла за долги – проигрыш в преферанс. Для меня тогда проиграть тысячу долларов было равносильно

потере пальцев. А его это нисколько не колыхало. С таким человеком было не страшно поехать куда угодно и за чем угодно. Астрахань замаячила в моем воображении.

Серега форсировал мои сомнения, предложив отправиться туда грядущим летом. Я дал согласие. Но нужно было предупредить родителей, для чего Павлик отправился в деревню, где они проводили свой трудовой отпуск, за благословением. Разморозив холодильник, в котором все равно редко обитало что-нибудь съестное, я покинул квартиру. Всю ночь перед этим мы с Толстым распивали водку. Толстый, включив на полную громкость Exploited, молотил сковородкой по батарее, вызывая приступы агрессии у соседей.

По дороге к родителям я заехал в деревню к Вано, благо у меня было с собой два лишних дня и десять лишних пакетов с травой. Поделив десять на два, я получил цифру пять, могущую означать что угодно. Для меня же она означала приятное времяпрепровождение на пять баллов. Вановская компания встретила меня более чем радостно. В первый же день мы пошли в баню, узкую, как чулан в «хрущевке». Вано, намылив голову, наклонился к шайке с водой, упершись при этом задом в раскаленную печку, произведя на свет звук, будто бизона трактор переехал. С утра он пас коз, я же спал до трех часов дня после бурной ночи, и его бабушка интересовалась, а не умер ли я? После чего готовила мне яишенку из десяти яиц, плюс молочко, плюс творожок, плюс жареные грибочки, плюс блины. Я невольно вспоминал Чехова, рассказ про глупого француза, но все съедал.

В город возвратился с четырьмя трехлитровыми банками маринованных грибов и родительским «добро» на поездку в Астрахань. Одна банка разбилась, и в вестибюлях подземки за мной стелился мокрый, клейкий след, будто улитка проползла, оставляя за собой элементы секреции в виде грибных шляпок. Дома я засунул в холодильник пачку пельменей, и оправился переговорить с Зайцевой на предмет Маши. Типа за советом. Никакого совета не получил, а только процеловался с нею полчаса у Казанского собора, потому что мне нравилось, как она целуется. Вернувшись домой, понял, что холодильник так и не включил. В морозилке меня ждала растаявшая пельменная масса. Штепсель вонзился двумя хоботками в розетку, о чем я пожалел на следующее утро, потому что замерзшая пельменная масса превратилась в сталагмит, который было невозможно отодрать от днища морозильной камеры. Мы с Толстым жарили на сковородке пельменный пирог, разрезая его потом, как каравай. И это последнее, что я помню из подготовительного периода перед пересечением России с севера на юг.

Отрезок одиннадцатый

«Путешествие развивает ум,
если, конечно, он у вас есть»

(Г. Честертон).

Отчаливали с Московского вокзала со скромной суммой денег, рюкзаком и неуверенностью в завтрашнем дне.

Между мной и Машей еще не произошло объяснений, но суть проблемы уже отчетливо вырисовывалась. Она пообещала, что завяжет с проституцией. Я в это смутно верил. Мне она казалась опытной барышней, которая знает чего хочет, и в состав этого «чего» я не вписывался. А вписаться очень хотелось. Астраханские дары выглядели как призовой фонд в гонке за счастьем. Рассказы о том, как клиенты катали ее в спортивных машинах по ночной Москве выводили меня из себя.

Серега попыхивал Беломором, который курил постоянно, предпочитая его сигаретам. Всегда была возможность забить косяк. Группа «Калинов мост» поразила его в самое темя, и он постоянно напевал одну из их песен. Я пил пиво и тупо пялился в стеклянную перепонку окна, кусая ресницами уставшие глаза. Засыпать в поездах – дар, дающийся нам свыше. Меня им не наградили. В напряженном раздумье я вспоминал Машины черные волосы, маленькую грудь, овалы ушей с запятыми сережек. Любовный энцефалит в голове прогрессировал.

Мы ехали в Москву, пополнить запасы Серегиных денег. Жил он на ныне печально известном Каширском шоссе в отдельной двухкомнатной квартире, которую ему соорудила мама, работавшая на пряничной фабрике. По этой причине сын ее к пряникам был равнодушен.

Из коммерческих лотков группа Ace of base распыляла при помощи пульверизаторов акустических систем свой первый хит. С железнодорожными билетами творилась что-то невообразимое. Их было не достать. Никуда. Жители нового государства с непривычным названием СНГ стремились уехать или приехать, сдвинуть себя с мертвой точки. Пришлось купить два места в плацкартном вагоне и прибыть в Волгоград. Пока колеса приминали позвоночники рельс на хребтине дороги, я курил план в тамбуре с открытой дверью, чего во время следования поезда

делать запрещается. То есть, дверь открывать.

В граде на Волге, как и в Астрахани, разливное пиво темнее янтаря и гуще, чем слабоалкогольный контент бутылок с этикеткой «Жигулевское». Это было весьма кстати, потому что билетов до Астрахани в кассах не было. Мы купались на городском пляже и пытались разрубить гордиев узел обстоятельств. Единственное, что приползло на ум – сесть в электричку, которая следовала примерно в нужном направлении, и доехать до куда-нибудь. Всяко, это будет ближе к конечному пункту. А там посмотрим. Русский авось съел нас с потрохами.

Я не помню названия городишки, где мы вышли на перрон, после того, как машинист проскрипел в вагонных динамиках свой прощальный привет. Типичное южное захолустье. Дебаркадер, построенный еще большевиками. Дома, сдавленные тутовыми деревьями. Посинелая штукатурка на стенах, гофрированная трещинами. Собаки, утыканные слепнями.

Серегин язык пошевелил в нужную сторону, выдав несколько точных фраз, и мы зацепились за старичка, который выказал чудеса гостеприимства. Это был одинокий пенсионер, у которого, видать, и родственников-то не наблюдалось. Он привел нас к себе домой, где мы смогли съесть нехитрый холостяцкий обед, помыться и трезво взглянуть в глаза действительности. Глаза действительности моргали и щурились.

Я предлагал построить плот. Или скоммуниздить лодку и добраться до Астрахани по Волге. Тем более что жить мы должны были не в городе, а на туристической базе, ниже по течению. Идея с плаванием по реке целиком и полностью завладела моим воображением. Дело дошло до того, что я поверил в реальность подобной затеи. Ночевки на берегу, ловля рыбы, уха. И течение реки совпадает с направлением нашего пути.

Старичок, узнав о моих гелькеберрифиновских планах, снял со шкафа коробку и начал выкладывать на стол всевозможные рыболовные принадлежности, попутно объясняя, какая из них для каких целей предназначена. Более того, по завершении своего рыболовского семинара, он отложил в пакет те крючки и снасти, которые, по его мнению, нам сгодились бы. Я честно пообещал отдать их на обратном пути. Не отдал. Снасти не понадобились, а старичок этот, чье одиночество было нарушено двумя перекати-поле, до сих пор у меня из башки не выходит.

Он дал нам дельный совет. Ночью поезд, идущий в Астрахань, делал в городишке минутную остановку. Можно было забраться в вагон и смешаться с пассажирами, если найдется пустое место, потому что проводники к этому времени поголовно пьяны. Ночью мы подкараулили нужный состав, залезли в вагон

со спящими хьюманами и улеглись на верхних полках. Рука проводника потеребила мою пятку, но дальше этого процесс выяснение наших личностей не пошел. Утром мы были в Астрахани.

Одним из самых больших удивлений для меня в южных городах являются незагорелые люди. Мне, с моей северной ментальностью, кажется, что все здесь должны ходить коричневые, как спелые желуди. Сложно поверить в то, что южане, так же как жители северных болот, могут просиживать все дни в душных конторах, а на пляж выбираться два раза в месяц. Так же для меня было откровением, что и здесь арбузы могут продаваться. То есть я думал, что стоит выехать за пределы города – и вот они бахчи. Набивай багажник и сваливай.

В городе протусовались недолго, хлебнули пива, съели по вяленой рыбе и отправились на пристань, где погрузились в теплоход. Серегин безымянный палец опоясывало кольцо со здоровенной железной блямбой в виде крылатого черепа. Попутчики интересовались:

– А вы металлисты?

Этот вопрос мне показался трогательным в свете представлений местного населения об облике металлиста. Во время недолгих остановок я нырял с крыши речного судна в теплую волжскую жидкость. Потом сплюснутый теплоход лениво отчаливал, и за кормой возникала кильватерная струя, глядя на которую на тебя накатывает блаженство круизера. Серега бренчал на гитаре, оказавшейся у кого-то из пассажиров, рассказывая окружавшим его любопытным ушным раковинам о городе Питере. О городе Москве он благоразумно помалкивал, потому что москвичей в России не любят, тогда как к питерцам проявляют пиетет.

Через полтора часа качания на волнах, теплоход откинул на пристани свою челюсть в виде узкого трапа. Берег должен был стать для нас родным на ближайшие две недели. Здесь располагалась типичная туристическая база в виде домиков, отстоящих друг от друга метров на тридцать. В каждом домике было две кровати. У крыльца располагалась печка, на которой можно было готовить пищу. При условии, что ты имеешь желание разводить костер в ее железном брюхе.

Мы сняли одну из хижин. Нужные кусты располагались на другом берегу, где росли совхозные яблони, охраняемые сторожами от посягательств шантрапы. Поскольку весь каботаж разобрали до нас предусмотрительные соседи-туристы, пришлось переплывать великую российскую реку на гибриде корыта и ванны. Весел так же было не достать, поэтому гребли двумя

обрубками, вследствие чего наши водные прогулки напоминали плавание коренных жителей Америки. Мы выкуривали дежурный косяк, утрамбовывались в корытообразную пирогу, и приступали к нелегкому делу по преодолению водного пространства, шириной не меньше километра.

Лодка (сколько лести сквозит в этом слове по отношению к нашему плавающему тазу, все равно что «Запорожец» «Лексусом» назвать) изначально ставилась под углом, дабы течение не снесло нас к бабушке черта или к его маме. Двигать руками и тазобедренным суставом приходилось активно, модулируя в спортивном темпе, еле-еле достигая пяти кабельтовых в час. Корабли имели привычку проплывать туда сюда, а наша маневренность оставляла желать лучшего. Все равно, что скорлупа грецкого ореха в ручье доживает свой последний надводный миг. Серега, как правило, садился вперед, я назад. Не хватало только несущейся следом «Из-за острова на стрежень».

Достигнув заветного берега, каждый из нас брал здоровый бумажный мешок из-под сахара, и мы, крадучись как два капера, отправлялись на сбор гербария. Для этого нужно было миновать заросли камышей, перелезть через забор и найти нужные растения, которые порой были выше нас ростом. Мандраж присутствовал, хоть мы и понимали, что находимся в астраханской жопе, где ментов не должно наблюдаться. Периодически издалека доносились выстрелы, что только добавляло нервозности.

С полными пакетами мы возвращались к лодке, поклажу размещали таким образом, чтобы, не дай Бог, на нее не попала вода, и начинали обратный отсчет водного пути. Дома раскладывали листья под кроватью на газеты. Сушить на улице не решались, к тому же я был уверен, что марихуана сохраняет все свои волшебные качества, если доводить ее до кондиции в тени, а не на солнце.

Вечером я садился на крыльцо и вперял свой взгляд в небо, которое потоптал звездный мальчик, оставив в нем вмятины. Каждая вмятина наполнилась со временем фосфорной слезой Луны, и стала светиться, раздражая пытливые мозги астрономов. Я думал о Маше, ежился от сомнений, и пытался представить, чем она сейчас занимается. Волга чмокала берег губами волн, Серега разводил костер, и запекал в золе яблоки и картошку. Я потягивал косяк и травил душу воспоминаниями.

Иногда мы выбирались в город. Садились в теплоход и плыли, рассматривая через иллюминаторы иной мир южного края. В Астрахани устраивались на скамейке у пивного ларька, поблизости у воды, покупали вяленую рыбу, вкуснейшее пиво, и

застывали в позе созерцателей прекрасного. Время перетекало из пустого в порожнее. Трава сохла под нашими кроватями медленно. Это был пока что единственный повод для беспокойства. О том, как мы будем ее вывозить, я старался не думать. Была идея отправиться в Москву по воде. Получалось дороже, но безопаснее, потому что теплоходы менты не шмонали.

Плавание с берега на берег стало привычным занятием. Сбор листьев, редкие выстрелы, попытки быть спокойным. Нас застукал местный сторож. Он выскочил откуда-то сбоку с ружьем, которое наставил мне прямо в лоб. Немая сцена. Я уже представил себе, что придется говорить представителям правоохранительных органов. Все застыли, как фигуры в игре «Море волнуется раз». Сторож произнес в стиле армейского прапорщика:

– А-а, вы это…

Опустил ружье и с вкрадчивостью иезуита спросил:

– Не видели, кто яблоки ворует?

– Мы не видели. Честное пионерское.

Окончательно успокоившись, он отправился восвояси. По полям прокатился наш облегченный вздох, опережая жгучий зюйд-ост. Пленка испарины на теле становилась все тоньше по мере удаления человека с ружьем. Сторож перестал быть опасностью.

Оскар Уайльд говорил, что скука – это постаревшая серьезность. Наша серьезность готовилась отдать концы на старости лет, поэтому от скуки мы решили сварить молока. Способ его приготовления примитивен, как рецепт яичницы. Берется молоко, в него кидаются листья конопли, которые варятся несколько минут. Затем молоко сливается, а оставшееся травяное месиво собирается в марлю и выжимается в стакан. Все, что удалось сцедить, подлежит употреблению. Молоко Серега выпросил у хозяйки турбазы, под предлогом, что его приятель, то бишь я, простудился. Для чего мне для виду пришлось пару дней походить с перевязанным горлом, лицедействуя напропалую, изображая жуткий кашель.

Нужный продукт был приготовлен в тот же вечер. Несколько столовых ложек мне, полстакана для Сереги. На вкус мерзость. Но и водка на вкус тоже не сахар. Спустя несколько часов меня посетила измена, первая в жизни. Казалось, что в горло вставлена стеклянная трубка. И стоит только сглотнуть, как трубка треснет, и стеклянные осколки посыпятся в желудок. Натуральный кошмар, ощущения, реальные на сто процентов. Избавиться от них не было никакой возможности. Если ты пьян, ты можешь принять холодный душ, проблеваться, лечь спать и забыться на

несколько часов. Но здесь ничто не спасало.

Я выскочил на берег и понесся вдоль воды. Паучьи лапы пальцев корчились по периметру ладоней. Треск в голове нарастал, я боялся разбить стеклянную колбу, потому что живо представил, как куски стекла впиваются в мои внутренние органы, и я кончаюсь прямо здесь, пуская кровь ртом. Паралоновый песок проминался под ступнями, в лицо дышала астраханская ночь, сплевывая в глаза сгустки темени. Никаких ориентиров, дисбаланс мыслей, верчение веток вокруг стволов деревьев.

В какой-то момент я остановился, огляделся, понял, что зашел слишком далеко и побрел обратно. Купаться боязно, потому что вода – жидкое стекло. Войдешь в нее, она застынет, и ты, как корабль, скованный льдами, заночуешь там до наступления смерти.

Рыбы смотрели на меня с удивлением, растопырив плавники, как зэки пальцы. Их чешуя поблескивала в лунном свете, в ней отражались мои скученные зрачки. Я стал подпрыгивать на одной ноге, боясь, что сейчас из-под коряги выползет гадюка и меня настигнет участь вещего Олега. Астраханские змеи ждали мою голень за каждым кустом, нагло демонстрируя язык, похожий на шнурок. Колба внутри подрагивала в такт страху, расплясавшемуся по коже мурашками.

То ли черепашки, то ли крабы, будто нюхнув спидов, скакали вдоль берега, издавая одну протяжную ноту. Я чувствовал с ними связь, они пытались сказать что-то важное, что могло бы повлиять на ход событий в будущем. Истина где-то рядом, вод здесь, в песке, надо ее только раскопать и опознать.

Нырнув в лачугу, я бросился на кровать и простонал:

– Серега, у меня измена.

– У меня тоже, – донеслось откуда-то из темноты.

Еще два часа кувырканий на кровати и сон, сжалившись, оглушил меня своей кувалдой так, что я впал в беспамятство.

На следующий день отправились в Астрахань. Меня отпустило, а Серегу продолжало колбасить. Полегчало только после пива. У пристани встретился штрих, который занял месяц назад у Сереги денег, еще в Питере. Ошалело на нас уставился.

– Земной шарик круглый, – произнес Серега и прошел мимо.

В другой раз, курнув, как следует, мы сидели на крыльце и рассматривали огни на той стороне реки. Волга постанывала, как тракторист с похмелья. Апулея я на ночь не читал, но увидел осла. Натурального, на четырех ногах, с болтающимися ушами. Он мирно проплелся мимо, даже не повернув голову в нашу сторону. За ним проследовал еще один. Я поморгал, поерзал,

довел до сведения Сереги, что у меня животноводческие глюки. Ослы мерещатся. Серега ответил, что у него такая же беда.

Весь вечер в четыре глаза мы наблюдали шествие ослов, удивляясь одинаковости нашего восприятия ирреальной действительности. Средства передвижения Хаджи Насредина не проявляли признаков агрессии, топали, уставившись в землю, будто она большой экран, где показывают кино. Наутро выяснилось, что это пастух перегонял свое стадо. Стадо ослов. Естественно, он не знал, что на берегу сидят два неадекватных миру существа, которые восприняли шествие его подопечных как привет от белой горячки.

Отрезок двенадцатый

Время проходило, трава сушилась медленно. Один из соседей зашел к нам в гости и посоветовал прекратить конспирацию, поскольку уже все вокруг знали, чем мы занимаемся, и кинуть коноплю на крышу. За один день она превратилась бы в нужное для нас сено. Но решиться на такой откровенный шаг было непросто.

Сосед рассказал, как местные жители курили марихуану раньше. Ее собирали в определенном месте в определенное время. Когда она доходила до кондиции, резали и жарили молодую собаку (обязательно кобеля-девственника). Коноплю курили через кальян, таким образом проходила ее первичная дистилляция. После чего съедали по кусочку пса, выходили на крыльцо и сплевывали на землю черные слюни. Легкие очищались от той гадости, которую не смог отфильтровать кальян, в организме оставался дурман в чистом виде, без примесей. Мясо кобеля, кстати, помогает при туберкулезе, по той же самой причине. Собачек жалко, но в жизни и не такое бывает.

План действий был прост, как наша пирога. Сушеный продукт народного потребления упаковывается в рюкзак и доставляется на поезде в Москву. Там делается привал, после чего мы отправляемся в Питер, где разворачиваем активную деятельность по сбыту собранного ударными темпами урожая. Я прокручивал в голове разные ситуации, мысленно разрезал вагон вдоль и поперек, пытаясь найти в нем доступные пассажиру полости, где бы мы могли поместить небезопасный груз. Мне казалось возможным пихнуть рюкзак в другое купе к чужим шмоткам. Тогда в случае его обнаружения мы были бы не при чем. Задача сложная, но ведь нет на свете невыполнимых задач. Как, например, протащить траву в вагон, мимо ментовских взглядов, задрапировавшись толпой.

В Астрахани выяснилось, что до Москвы билетов нет. Есть только до Волгограда. Купили до Волгограда. Просочились в вагон, никто на нас даже внимания не обратил, ни одного стража порядка на перроне не наблюдалось. Труп конопляного кайфа начал разлагаться – трава запахла, и отнюдь не сандалом. Рюкзак был убран под сидение. Полпути я провел в тамбуре, наблюдая проносящиеся мимо степи, которые весной красивы, но не про мою честь, потому что мне не представилось возможности наблюдать их в этот период года, любоваться морем цветом, источающих убийственный аромат.

У Сереги закончился «Беломор», он вытряс из кармана остатки табака и стал делать самокрутку.

– Что, травка? – поинтересовалась рядом стоящая бабка.

– Да нет, табак, – ответил Серега.

Я нервно передернул плечами.

– Эх, ща бы планца дунуть, – сказала бабка, томно закатив глаза.

Павлик сполз по стене. Люди юга. Какой там Амстердам!

В Волгограде происходил апокалипсис. Мы попали в его эпицентр, располагавшийся на вокзале. Количество двуногих на один квадратный метр площади превышало все допустимые санитарией нормы. Гул стоял невозможный, к кассам было страшно подступиться, потому что там шла битва за билеты, которых, как тут же выяснилось, все равно нет, даже у спекулянтов. Поэтому было непонятно, за что же сражались люди, размахивая руками, жестикулируя скулами, как базарные торговцы (не исключено, что ими они и являлись). Раскрасневшиеся тетки с кулаками размером с недозрелую тыкву. Ощетинившиеся (в прямом и переносном смысле) мужики, щеки которых заросли черным мхом, вследствие чего они стали похожи на моджахедов. Бабки с детьми на руках, орущими так, будто они только что покинули утробу матери.

Серега порадовал меня новостью, которую приберег на десерт – он потерял остатки денег. Возникшая мысль о теплоходе, который бы доставил нас в столицу, растаяла так же, как купленное мороженое. Я сел на скамейку, опустил голову на грудь и решил было заплакать. Потом передумал и просто уперся взглядом в пол, размышляя о бренности бытия, отдав Сереге все свои банкноты.

Он вернулся через пятнадцать минут, загадочно улыбаясь. Я встрепенулся. В руках у него было два билета. ДВА БИЛЕТА ДО МОСКВЫ. Правда, в общем вагоне. Но я готов был ехать хоть на крыше.

– Как? – недоуменно спрашивал я. – Где ты их достал?

– В кассе, – ответил Серега, который был для меня в тот момент Воландом, как минимум.

Он просто подошел к толпе, как-то протиснулся к кассе и спокойно попросил у девушки, сидящей по ту сторону баррикады, два билета до Москвы. И она ему их дала. Может, сработала реакция на неожиданность. Посреди гвалта и грохота, упреков, истерик, угроз, рассказах об умирающих дедушках и болеющих внуках, которых нужно срочно навестить, а иначе кирдык, в окошке возник спокойный молодой человек и спокойно заявил о своем праве покинуть этот бедлам за определенную сумму денег.

А может, Серега действительно обладал экстрасенсорными возможностями, которые активизировались в зависимости от ситуации. И тогда он мог убедить собеседника в чем угодно. Даже на концерты он проходил бесплатно таким образом.

Денег оставалось в обрез, хватило только на камеру хранения для заветного рюкзака (шляться с ним по городу не было никакого желания), на два литра пива и несколько рыбин, что составило наш завтрак-обед-ужин. Серега говорил, что несколько дней может прожить только на пиве, потому что в нем есть килокалории. Мне, к сожалению, все-таки требовалось запихивать в рот что-то более твердое, хотя бы хлеб.

Разморившись на солнышке, прикорнули прямо на пляже. Проснулись через пару часов, искупались, съели печенье, оставленное компанией тинейджеров (детки порезвились и ушли, забыв прибрать за собой на мое счастье). Отправились на вокзал.

Общий вагон – это плацкартный вагон, где на каждой лавке сидит по три человека. Мы ехали в мегаобщем вагоне по жаре в тридцать градусов. Он был переполнен в три раза, люди сидели по очереди, и по очереди стояли в тамбуре, где можно было словить ветер и остудиться. Даже на третьих полках, на которых и чемоданам-то порой не уместиться, лежали тела, источающие аромат свежевыделенного пота. Наш рюкзак вонял, как скунс, но его перебивали запахи плавящихся пассажиров.

На остановках все вываливались на улицу, глотая воздух большими порциями.

– Какая музыка живет дольше всего, и нравится всем и всегда? – спросил меня мужик, чей блестящий лоб демонстрировал человеческую возможность расставаться с выпитой влагой через поры кожи. И сам ответил. – А такая, чей ритм совпадает с ритмом сердца.

В подтверждение своей гипотезы он запел битловскую песню, сопровождая каждый притоп и прихлоп междометиями «Оп, хэй оп. Оп, хэй оп».

– Вообще-то, сердца у всех бьются с разной скоростью, – возразил я. – Исходя из Вашего утверждения, можно заключить, что маленьким детям и людям с повышенным давление нравится трэш-метал, а покойникам тишина.

– На счет покойников – это ты верно заметил.

В проходе копошились дети, визжали, как поросята. Туалет представлял из себя кучу дерьма. Под ней угадывались очертания унитаза. Пассажиры мужского пола ссали прямо из поезда, распахнув дверь в тамбуре. Их мочу тут же сносило в сторону следующих за нами вагонов, на лица тех, кто решил насладиться потоком ветра и высунуться из окна.

– Да прибудет с нами облегчение! – орал седовласый дед, сотрясая перед проносящимися мимо нас домами своим двадцать первым пальцем, с которого слетали последние капли. – И Божья сила!!!

Пол ходит ходуном, небо, как чистый ватман – не одного облачка. Дед напился самогона и разревелся, причитая:

– Я войну прошел! Я в Берлине портянки сушил. А эти бляди мне билет в общий вагон.

Меня подкармливали в разных отсеках психдома на колесах. Народ сплотился и старался как можно меньше нервировать друг друга. Серега резался в карты на спички. Одна женщина слезла со второй полки, и чуть ли не силой затолкала меня на ее место, обосновав свои действия тем, что она выспалась, а вот на меня смотреть страшно. Долго уговаривать меня не пришлось, я распластался на куске дерева, затянутого кожзаменителем (даже грязных матрасов нам не полагалось), и вырубился. Пока спал, Москва приближалась.

Отрезок тринадцатый

Никаких угрызений совести, по поводу предстоящего драгдилерства я не испытывал. Марихуана – не наркотик. Железный отмаз. Когда в древнем Риме сын спросил у отца-скупердяя о плате за нужники, тот ответил, что деньги не пахнут. Императорская прихоть пережила тысячелетия, и платные сортиры нас не удивляют, а деньги перестали пахнуть сразу же после их появления.

В Москве выгрузились без проблем. Проникнуть в подземную дорогу пришлось зайцем. Я зажал створки выскакивающих костылей руками, как делал это в Питере. Серега просто прошел мимо вахтерши. Он всегда проходил в метро таким образом, и вахтерши никогда ни о чем у него не спрашивали. Сложнее было в наземном транспорте. У него была договоренность с бригадой контролеров, работавших на линии «Серегин дом – метро “Каширское шоссе”». Он платил каждый четвертый раз, как они его ловили.

Пластмассовые кругляшки московского метрополитена казались мне пародией на питерские жетоны – монетами, взятыми из детской игры «Менеджер». На эскалаторе я вздохнул с облегчением, потому что начал верить в успех затеянного предприятия.

Дома у Сереги отмылись, отъелись, отоспались. Задерживаться в столице не было желания ни у него, ни у меня, поэтому на следующий же день выехали по направлению революционной (три раза) колыбели. Московское бутылочное пиво после астраханского разливного показалось водой.

Северная Пальмира усыхала под присмотром палящего солнца. Родители были все еще в деревне. У меня в квартире мы расстелили газеты, вывалили на них почти уже засохшую коноплю. Комнаты наполнились характерным резким запахом. Я долго ходил вокруг телефона, потом, набравшись смелости, позвонил Маше.

Август кончался. Август – пик горы под названием лето. Забираешься на нее дольше, чем скатываешься. Хочется сомкнуть створки глаз и остаться в вечности зеленого леса, ягодно-грибного сезона, продлить экстаз северного человека, которого закутала заботливыми руками теплая погода.

Встретились в Трубе. Маша была растеряна, поехали куда-то на Гражданку забирать ее вещи. Из конторы. Что за контора, я понял потом. Догадка возникла с неожиданностью утреннего

прыща, вскочившего посреди лба. Предъявлять претензии было бесполезно. Претензии не башмаки – за порог не выставишь. Астраханский август перетек в август питерский, трансформировав кончики ожиданий, которые топорщились из меня, как антенны космического спутника.

– Ты же обещала.

Маша приехала на очередную встречу, одетая в старый мамин пиджак, сапоги и длинную юбку. Стала хватать меня за руки, тужиться при произнесении фраз, выдавливая их из себя, как последний мазок зубной пасты из тощего тюбика. Тряслась иознобилась. Мы взошли на движущуюся, ступенчатую дорожку эскалатора, она прижалась ко мне и еле-еле прошептала:

– Я тебя люблю.

Такое впечатление, что она не ела полторы недели, а эти слова были хлебными корками, попавшими ей в рот. Наверное, я ослышался.

– Я тебя люблю.

Не ослышался.

В кармане мелькнула бумажная пачка, явно приобретенная в аптеке. Я не обратил внимания. Потому что все внимание было поглощено ее губами. Сзади ехал барабанщик, который подыгрывал нам с Мишей во время концертов в Трубе, наркоман и каратист. Он жил с ней на одной улице. На время я забыл о его существовании.

Всю дорогу Маша сбивчиво пыталась объяснить мне, что у нас с ней ничего не получится. Уже в пригородной электричке меня заинтересовала бумага, нагло торчащая в прорези ее пиджака. Я потянул за краешек и вытащил пустую упаковку феназепама.

– Это что?

– Таблетки.

– Ты их ела?

– Да.

– Зачем?

– Чтобы покончить с собой.

Сначала она стояла у обочины и выбирала транспортное средство, под которым ей удалось бы осуществить заветное желание Шопенгаура – сдохнуть сразу после рождения. Только у Маши период между «рождением» и «сдохнуть» затянулся, и она решила покончить с этим. По простой причине – невозможно трахаться за деньги, имея в душе брешь, из которой сочится ненужное в данный момент жизни чувство. Вполне логичный вывод для шестнадцатилетней особи женского пола с таким багажом впечатлений за плечами. Некоторые в ее годы боятся

произносить слово мастурбация, а что такое изнасилование знают только по фильмам, где зачастую happy end выравнивает баланс зрительских эмоций. Решив, что, бросившись под машину, она подставит водителя, Маша наглоталась таблов.

Мы не доехали до Лигово. На первой же остановке я вытащил ее из вагона, барабанщик Серый вытащился следом. Машу затрясло как во время приступа эпилепсии. Серый побежал искать таксофон, я попробовал выпытать у нее информацию о количестве съеденных пилюль. Она купила девять упаковок феназепама, по десять таблеток каждая. Итого девяносто точечных ударов по здоровью, которое от такой атаки легко могло бы заключить паритетный договор со смертью.

Сейчас эти подростковые нюни кажутся вполне обыденными. Не исключено, что у любого случайно выловленного из общества индивидуума сразу после полового созревания наблюдались суицидальные наклонности. Я стоял на питерской окраине и прижимал к себе любимого человека, вибрирующего как мобильный телефон. Мир рухнул так же, как рухнули спустя несколько лет два Нью-йоркских дома, устремленных в небо вдогонку за наглостью архитекторской мысли. В течение часа ощущения пробежали длинную дистанцию от точки «счастье» до точки «отчаяние». И финиш был уже близко.

Прибежал Серый и сообщил, что скорая вызвана. Она не заставила себя ждать, и приехала буквально минут через десять. Машу погрузили, выяснили причину обморока. Когда я назвал количество съеденного феназепама, эскулап в голубом халате отвернулся и залез в машину. Я уговаривал его взять меня с собой, но уговоры так уговорами и остались. Ответа на вопрос: «Какие шансы?» не последовало. Последовал адрес больницы, куда можно было обратиться за справкой.

На утро я был на Будапештской улице, в больничном комплексе, где располагалась реанимация. Встретил там Машину маму. К Маше меня не пустили, но она была жива. Деньги. Срочно нужны были деньги.

Привезенный нами товар оказался беспонтовым. Выяснили мы это слишком поздно. Еще я стал замечать, что горло мое ведет себя не так, как обычно. Мне было больно петь. Глотать. Первого сентября я явился в училище, обвязав шею черной банданой, считая, что таким образом ограждаю себя от посягательств простуды на иммунную систему. Но это была не простуда. Стало понятно, что пора завязывать с курением. Слишком часто и слишком много я потреблял дыма, жгучего, как кипяток. Он скатывался в легкие по желобу гортани, оставляя каждый раз на ее стенках еле заметные зазубрины.

Родители, вернувшись из деревни, обнаружили под письменным столом рюкзак. Его содержимое заставило их попросить меня «спустить гадость в унитаз». Гадость перекочевала к Сереге, хотя хранить ее у меня было надежнее.

Отрезок четырнадцатый

Маша вышла из больницы. Ветер покорежил языки пламени, но они возгорелись с прежней силой, следуя теории Ленина о судьбе искры. Ее неудавшаяся попытка самоубийства дала мне немало пиши для размышлений.

Сидели у нее на кухне. На полу лежали тени – черные трафареты двух человек почти в натуральную величину. Проецируемые мощным потоком света от лампы, они утолщалась. Лужа тьмы наливалась соком ночи. Обсуждали многостраничную teen-book «Идиот». Эта книга с детства вызывала у меня трепет своим названием и толщиной. В ней не было ни одной картинки, соответственно интереса для ребенка она не представляла никакого. В отличие, скажем, от трехтомника О'Генри, иллюстрированного в духе рисованного кино. Эти страничные вкрапления приковывали внимание недозревшего до литературы двуногого овоща. В школе книги, рекомендованные программой (Достоевский в особенности), вызывали у меня рвоту. Что далось к семнадцати годам, так это творения двух кумиров интеллигенции эпохи застоя, которые пролезли тонкой нитью своих романов сквозь игольное ушко советской цензуры. Не поскупились на изображение коммунистического будущего, повернув его на свой манер – манер братьев Стругацких.

Миша, напарник по игре в Трубе, помимо любви к «Гражданской обороне» отличался патологической страстью к книгам Стругацких. От него я перенял потребность в чтении чего-либо, выходящего за рамки «Пушкин-Горький». Персонаж Перец в «Улитке на склоне» засел в голове столь плотно, что впоследствии выместил мою настоящую фамилию на страницах питерской прессы. Было непонятно, что это: имя или кличка. Я и не предполагал, что в этот момент в Лос-Анджелесе напропалую концертирует перченый квартет, который состоит из музыкантов, органично сочетающих страсть к тренажерным залам и белым тонким дорожкам, правда, не беговым. С дорожек они соскочили, что не сказалось на их музыке. Спустя пару лет она просверлила в моем сознании дырочку, через которую улетучились все песни отечественных рокменов. Эпигоны русского рока не в состоянии жонглировать слабыми долями так, как это делали и делают до сих пор Китис amp;Co. Улитка сползла со склона, став литературной премией, которую оставшийся в живых брат вручает молодым дарованиям. На свет появился Павел Перец.

Маша прочитала «Идиота». Усвоение романа прошло

двойную стадию восприятия – что написано Достоевским, и как это мог воспринять я. Этому сопутствовали бесконечные споры, вызванные моим неуважительным отношением к женскому полу, отсутствием у меня сострадания к униженным, оскорбленным и далее по списку.

– Будет лежать в луже пьяная женщина, ты пройдешь мимо, даже не попытаешься ей помочь, – говорила она.

– Совершенно верно, – соглашался я.

Ехали на день рождения к Вано: я, она и Толстый. Маша опять завела свою шарманку.

– Толстый, – обратился я к Толстому, – будет лежать в луже грязная, пьяная женщина. Ты пройдешь мимо?

– Не пройду, – ответил Толстый.

– Вот видишь, – запрыгала вокруг меня Маша, – твои друзья, в отличие от тебя что-то понимают.

Я с удивлением воззрился на Толстого.

– Почему не пройдешь?

– Ну попинаю немного…

Маша смолкла и продолжила свой путь так, будто впереди нее следовали восемь мужчин, несущие гробь с ее чистыми помыслами. Мороз захлопнул ее рот, повесив щеколду холода на обветренные губы.

Собственные ошибки – лекарство от дурости, чужие ошибки – дальний свет, пронзающий автостраду, по которой мчится авто жизни. Манеры у меня отсутствовали, как отсутствует боль в зубе с удаленным нервом. Выходя из автобуса первым, я бросил ей через плечо:

– Не ебнись.

С Машей случилась молчанка-истерика.

– Даже те, кто трахал меня за деньги, – говорила она, – относились ко мне так, что я чувствовала себя королевой.

На манерного парня Павлик не тянул.

Ночью все менялось. Хотя долгое время это была лишь игра.

– Что ты чувствуешь? – спрашивал я, стягивая презерватив.

Маша проводила пальцем по моей руке.

– И ничего более, – добавляла она.

Как Муха в «Голой пионерке». Все бы хорошо, если б не этот штырь внутри. Тогда я сползал с кровати, пытаясь напрячь все свое воображение, осмыслить только что услышанное. Наверное, где-то есть любовники, которые одним свои присутствием увлажняют женские трусики так, что их хоть сейчас закатывай в банку и продавай любителям подобных фетишей, как это делается в Японии. А моя семнадцатилетняя башка каталась шарниром на шее, не нагруженная знаниями о женском оргазме.

Подростковый секс в нашем случае долго был игрой в одни ворота. Она пропускала голы, как мамаша-вратарь, которая натурально бросается за мячом, и не ловит его, чтоб не расстраивать сына-голкипера. Полностью атрофированная чувствительность в постели вследствие ремесленных привычек. И вместо думающего, понимающего мужика, который смог бы вывести это тело из оцепенения, учащийся СПТУ Павлик Петров, готовый осеменять любую щель промеж девичьих ног, но не имеющий ни малейшего понятия, что же на самом деле нужно обладательнице этих самых ног.

Проститутка в постели затмит любую актрису. Она разыграет оргазм, как опытный шахматист простую партию. Мат в три хода. Стены расползутся по швам от натуг ее голосовых связок. Кожа у клиента хрустнет, как яблочная кожура от надкуса – страсть заставит щелкать зубами, разгрызая несуществующие орехи. Ногти углубятся на полсантиметра в спину партнера, – партия.

И только подмываясь в душе, она посмотрит на себя в гостиничное зеркало, и хорошо, если усмехнется. Браво, дорогуша, «Оскар» за роль второго плана. И конечно же, мастерская работа звукооператора. А замысел режиссера чего стоит?

Клиент в экстазе, он почувствовал себя жеребцом, обскакавшим табун себе подобных. Плешь, арбузное брюхо с пол-литра виски внутри, в котором плавают плитки шоколада, стейк и листья салата, арбузный хвостик под пупком.

Маша рассказывала, как она училась у своей подруги тонкостям пастельных сцен. Их имели двое мужчин на соседних кроватях, и у нее была возможность из-под тешка наблюдать за более опытной коллегой по блудному цеху. Та вела себя так, будто именно этой ночью ей довелось встретить своего суженого. Со временем Маша освоила азы притворства, что сказывалось на цене за услуги. Клиенты платили сверху, в обход сутенеров. Но со мной все было иначе. Перед тем, как она начнет раздеваться, приходилось выключать свет.

Толстый работал ночью в ларьке – продавал пиво и «сникерсы» ночным активистам потребления легкой пищи. Он жил в коммунальной квартире, состоящей из двух комнат. Ванны не было. Соседка слыла агентом милиции, жилконторы и петербургской телефонной сети. Ее ноздри-уши торчали между звуковых сигналов в телефонной трубке и во всех щелках, где могло пролезть бабье любопытство. Поскольку это был первый этаж, то занавесочка на окне, придерживаемая ее заботливой рукой, подергивалась каждый раз, как хлопала входная дверь.

Толстый отдавал мне ключи, и мы с Машей ехали на

«Ломоносовскую» в дом, именуемый в народе «колбасой». Он имеет вид вытянутой, чуть загнутой кишки, если смотреть сверху. Один из соколов сталинский архитекторы хотел построить монументальное здание, которое с высоты птичьего полета читалось бы как серп и молот. Не достроил. Можно считать вышесказанное байкой, если бы не одна парадигма на проспекте Стачек за одиннадцатым номером дробь пять. Школа, возведенная в 1927 году, являет собой серпасто-молоткастый символ тоталитаризма, только оценить его могут лишь вороны, летающие поверх крон деревьев, да обладатели компьютерной программы «Топ-план Петербург», где изображен каждый дом города (вид сверху). Еще один подобный нонсенс – Центральный академический театр Российской Армии в Москве, сооруженный в виде пятиконечной звезды. А сколько их еще возводилось в эпоху первых пятилеток по всей Стране Советов, известно только усопшему Джугашвили.

Конфигурация «колбасы» в итоге получилась настолько несуразной, что являет собой шараду. Вот идешь вдоль серого фасада, будничного, как утро в похмельный понедельник. Экстерьер неприметного здания ничем тебя ни удивляет – обыкновенная каменная коробка, каких полно в спальных районах. Но вдруг ноги начинают немного косить вправо, и дом, как Колизей, закругляется. А дальше обрыв – пустота. Как гигантским тесаком рубануло. Логика требует продолжения, но его не предвидеться. Архитектура – не сериал, продолжения не будет.

Здесь, в убогой комнате с чуткой (от слова чутье) маньячкой за стенкой, мы с Машей проводили сеансы дознания друг друга. Утром следовало убираться восвояси – Толстый приезжал отсыпать то, что не удалось урвать у сна в холодном ларьке. Соседка рычала на него, что по дому шляются голые извращенцы. Ночью я нассал ей в борщ. Судя по всему, здоровья у нее после этого только прибавилось. Напоследок написал на стенке в подъезде: «Вот зевает напротив несимпатичная тетя. Хоть бы прикрыла ладонью рыло».

Отрезок пятнадцатый

Первый опыт оказался неудачным. Им я дискредитировал всех драгдилеров мира.

Павлик приехал в «Трубу», встретил двух торчков и предложил им раскумариться за недорого. Торчки пошли искать того, кто обладал деньгами. Минут через десять в переходе появился парень, которого я до этого видел раз или два. Сказал, что деньги есть, но надо за ними сходить. Тут рядом. Я, как покорная шавка, пошел, куда сказано. У меня с собой было пять пакетов. Я, естественно, нервничал.

Парня звали Лешим, лицо его покрывала сетка волдырей, джинсы требовали немедленной стирки. Мы прошли до Климата, обогнули Казанский собор, зашли в одну из подворотен. Здесь Леший встал посреди двора жертвенным столбом, на который воззрились мои языческие очи. Обернувшись, я наткнулся на стену непонимания, которая встретила меня вполне реальной кирпичной кладкой. Попытавшись подняться, я словил несколько неточных ударов, затем мне под бровь с устремленностью мухи, нацелившейся на варенье, залетел комок мужской плоти, который получается, если сложить пальцы в кулак.

Когда удалось принять стоячее положение, то оставшийся в целости глаз смог различить трех человек с неприветливыми физиономиями. Щеки мои окрасились в темно-бардовый цвет (не от стыда), рассеченные участки лица плакали кровью.

– Гони травку, – произнес один из субъектов.

Шесть лет спустя я опознал его по плоскому, как палуба авианосца, носу и джинсовой куртке с характерной заплатой на спине. Дело было на Московском проспекте, неподалеку от нашей репетиционной точки. Он сидел в табачном ларьке. На следующее утро ему пришлось чистить зубы, количество которых уменьшилось на два. Я стучал его головой об стену до тех пор, пока он не вспомнил хотя бы мое имя. Умилила даже не его рожа, отупевшая еще больше, а нежелание сменить за столь долгий срок верхнюю одежду. Вся его фигура говорила о том, что в течение этих шести лет он употребил декалитры спирта. Но тогда, в подворотне на улице Плеханова, он был царь и Бог (а точнее Шеф) для многих детей, которые обрели себя в двух центральных подземных переходах города (в Трубе теплой и Трубе холодной). У него был напарник, некто Кира, которого все звали Председателем. Кира – маленький человек с брюшком под рубашкой, курящий «Беломор». В отличие от Сереги, он

остановил свой выбор на этих папиросах в силу их стоимости. В принципе, любой хрен, которому больше негде распылять свои амбиции, мог бы прийти тогда в Трубу и сказать, что он Председатель. Квартира Киры вскоре был вычислена, и долго потом Председателя видно не было. А вот Шеф испарился сам. Но успел запечатлеться в моей памяти, благодаря претензиям на марихуану.

– Гони травку.

– Какую травку? – автоматически выдал я.

Через четыре столба

Будет кулак у лба

Живот словил ботинок Шефа, я согнулся, как страус, пытаясь спрятать голову в асфальт. Леший и еще один участник описываемого действа, ни имени, ни внешности которого я не помню, стояли в стороне. Ухо треснуло от удара. Перед глазами заплясали маленькие лужи, и мне пришлось пикирующим бомбардировщиком рухнуть на посадочную полосу, помеченную местными кошками и собаками. Тяготили бомбы в виде пяти пакетов, которые пришлось сбросить, пока они не взорвут фюзеляж изнутри.

Кричать о помощи в подобной ситуации было глупо. Если бы нас застукали менты, то еще неизвестно кому бы больше досталось – мне или Шефу. Поэтому я отдал ему траву. За что получил еще один пинок.

Со временем Павлик избавился от комплексов разбитой рожи, потому что ходил с ней в юности частенько. Раз в пионерском лагере мы качались на качелях, являвших собой железную перекладину, сидя на концах которой, можно было испытывать детскую радость полета, а так же делать «блинчики». Чтобы сделать «блинчик», нужно было сильно стукнуть перекладину о землю, и тогда сидящий напротив слегка подпрыгивал, испытывая еще большую детскую радость полета. Я подпрыгнул так, что слетел с сидения и, приземлившись на качели, поцеловался с железкой. Щека моя распухла как при флюсе.

– Вынь сливу изо рта, – сказала воспитательница, встретив меня на улице.

– А у меня там нет сливы, – ответил я.

Воспитательнице поплохело.

Частенько я возвращался с изменившимся цветом лица после концертов в СКК. Но то, во что превратилась моя физиономия после общения с Шефом, поразило всех, включая меня самого. Щеки сравнялись с носом, как при аллергическом отеке. Мастер в училище долго смотрел на меня, потом сказал, что такие

последствия бывают после очень точного удара в затылок. Я не стал рассказывать, как дело было, особенно учитывая причину, побудившую Шефа обратить на меня свое пристальное внимание. Облепившись дома мокрыми газетами (мама сказала, что свинец, содержащийся в типографской краске, вытягивает синяки), Павлик плевал в потолок и пытался выстроить в уме безопасный алгоритм сбыта легких наркотиков. Выход нашелся сам собой.

Нужно было найти, во-первых, безопасную точку, во-вторых, человека, который бы осуществлял акт купли-продажи без моего непосредственного участия, получая за это необходимый процент. Таким местом являлся клуб «Там-Там». Таким человеком был Серый – барабанщик, наркоман и каратист.

К моим рукам деньги никогда не липли. А если и липли, то тут же отваливались. Так поступают последние ноябрьские листья относительно веток. И стоял я голым тополем посреди чистого поля, созерцая пустынную, неоплодотворенную коммерцией целину собственной жизни.

Расфасовав траву по бумажным пакетикам, Павлик ехал днем в «Там-Там» и рассовывал их по всем окрестным парадным. Днем милиция более лояльна и не пристает к человеку в драной кожаной куртке и в ботинках с железными носами. Куртка была одеждой летчиков, в которой, видать, после них работал лесоруб. У нее было минимум кожи и максимум потертостей, дыр, и прилагаемых к дырам заплат. Молния не работала, поэтому я собственноручно наклепал кнопок, заменивших пуговицы.

– Я с тобой в такой куртке никуда не пойду, – говорила мне потом девушка Алиса, и садилась в прихожей. Я выходил один и ждал. Она со слезами на глазах меня догоняла.

Ботинки, в которых газосварщики и монтажники пребывают на своих рабочих объектах, после чего с радостью их снимают, служили мне будничной и выходной обувью. Мы их протестировали в мастерской, разбив несколько бутылок о железные нашлепки. Ботинки придавали мне уверенности.

«Там-Там» работал с четверга по субботу. Вано как-то позвонил мне в воскресенье и предложил потамтамиться.

– Родной, – ответил я, – там сегодня пусто, как в моих карманах.

– Почему это?

– Потому что сегодня воскресенье.

– А что, субботы не было? – озадачился Вано.

– Для тебя, видать, не было.

Цепляясь зубами за малейшую возможность заработать легких денег, я выстроил цепочку продажи наименее экстремальным образом. У меня была ходячая рекламная тумба –

наш барабанщик Серый. Промобой зеленого листа. Я, как опытный супервайзер, выдавал ему несколько пакетов. Один пакет стоил на те неденаменированные деньги две тысячи рублей. Серый барабанщик накидывал свои пятьсот рублей, бегал и продавал. Я сидел на скамеечке и принимал от него деньги. Затем мы выходили из клуба за очередной порцией, и все повторялось.

Раз в парадную нагрянули менты-козлы-обычно-злы. Репутация клуба была всем известна, поэтому они иногда совершали вояжи по окрестным подворотням. Я шагнул навстречу, с готовностью подняв руки. Хэндэ хох, Гитлер капут, бабка, яйки, шнеля. Я был чистым. Амплитуда колебаний сердца достигла экстремума. Кардиограмма, сделанная в тот момент, откосила бы меня от армии. За несколько секунд, пока они меня обходили, Серый с проворностью фокусника Акопяна успел выкинуть опасный груз в подвал. Пронесло.

Время протекало почти что весело. Если не считать того, что многие знакомые от недостатка эмоций садились на иглу, как куры на насест. Травка травкой, но это ведь так, для детей. Два моих одноклассника умерли от передозировки. Все кругом торчали на «винте» и предлагали присоединиться. Я наблюдал ходячих трупов в американских зеленых куртках и высоких ботинках на шнуровке со зрачками размером с головку от булавки. Они периодически сваливались с гепатитом, оказываясь в Боткинских бараках, где и подыхали.

На «Приморской» в доме на курьих ножках, больше похожем на космический корабль, жила девушка Ира. Приехав откуда-то из российской глубинки, она сняла квартиру, поступила в институт, и дорвалась до свободного времяпрепровождения, когда не нужно каждый вечер звонить строгому папе с подробным отчетом о своих планах и своем местонахождении. Пару раз я бывал у нее с компанией тех, кому негде приткнуть свою больную голову. Наблюдал за процессом варки белого компота из салутана. Длинное жало шприца прокалывало узкую синюю ленту на сгибе локтя, и очередной претендент на недолговременное счастье отправлялся на встречу со своими грезами. Я смотрел с любопытством. Люди погружались в пучину новых эмоций, становились заторможенными, как кроты.

Квартира являла собой образчик интерьерного минимализма. В комнате кровать и большое зеркало с пахучими пузырьками духов перед ним. Холодильник на кухне никогда не работал, потому что в нем никогда ничего не лежало. Черный чайник, несколько раз сгоревший, в туалете надпись «Поднимай стульчак».

Ира, изменив в организме соотношение лейкоцитов и эритроцитов посредством введения в кровь наркотических средств, произведенных кустарным способом, лезла ко мне в штаны, примурлыкивая. Я уходил в ванну, закрывал дверь на защелку, и погружался с ней в хлорированную воду. Каждый раз она меня спрашивала, почему я не хочу попробовать. Поторчать вместе – это же такой кайф. Каждый раз я говорил, что завтра. У меня всегда была с собой трава, которая открывала мне двери в этот сквот.

– Представь, что мы очутились в другом измерении, где нет никаких правил, где ты ведешь себя так, как тебе хочется. Здесь тепло, уютно. Здесь происходят фантастические вещи. Ты расслаиваешься, тебя становится много, ты можешь заниматься сексом одновременно с сотней партнеров. Каждая часть тебя – как единое целое. Краски сгущаются, пространство наполняется новыми предметами, которые имеют непривычную для нас форму. Тебе нет смысла о чем-то думать, ты разгружаешь свое сознание, оно становится пустым и не тяготит тебя больше дурацкими мыслями. Меня облепила тысяча губ, тысяча языков. Эти ощущения не передать словами, это нужно испытать, прочувствовать, – говорила она, и эхо в ванной создавало реверберацию произносимых ею слов.

Я слушал, и начинал чувствовать потребность в смене системы координат. Мы живем в трехмерном пространстве, и если бы Лобачевского не родила земная женщина, то его породили бы наркотики. В какой точке плоскости я живу?

Наевшись циклодола, я заползал на Ирину спину, и долго не мог слезть, потому что тело не давало мозгу никакой информации о том, скоро ли наступит оргазм. Я смотрел в трехстворчатое зеркало, видел в нем двух особей в обезьяньей позе и пытался сконцентрировать внимание на своих ощущениях, но это было бесполезно. Как будто вата обволокла голову, и рессоры ног амортизировали движения – полное отсутствие статичности, а соответственно, полное отсутствие точки опоры. Кончить я не мог. Разрабатывая молодое влагалище, я совершал трипы в зеркало. Меня тянула за член, как за веревочку, вотчина героини Льюиса Кэрролла. Я трахал Алису, Шалтая-Болтая, Черную королеву, Тру-ля-ля и Тра-ля-ля. В каждой шахматной клетке сидело новое существо с дыркой промеж ног, и дырка эта сочилась, как свежая зарубка на сосне. Смола пахла Ириной промежностью, запах этот аккумулировал все запахи мира, заползал в ноздревые туннели и скатывался в шахту носоглотки. Вселенная сконцентрировалась в головке члена, уместилась в нескольких кубических сантиметрах. Не было Финского залива и

квартиры с пожухлыми обоями. Был ковер-самолет в виде кровати, который совершал рейс в толщу фантазий, увязал в меду галлюцинаций. Патока сна наяву вытекала из сот повседневности. Циклодол делал свое дело.

В то утро Ира разбудила меня со словами, что пора выметаться. Я перевернулся на другой бок, мне было не открыть глаза. Сон наползал уверенно, как лед на речку в декабре месяце. Она опять стала трясти меня за плечо. Я откинул одеяло и, не раслепляя век, стал на ощупь искать трусы. Когда наконец растопырил ресницы, то увидел перед собой женщину с неприятным выражением лица – выражением, не предвещающего ничего хорошо. Это была Ирина мама, которая приехала в бывшую российскую столицу проведать дочь. Заодно и меня проведала.

Серый барабанщик, который меня сюда приволок, относился к процессу приема переработанного салутана со скрупулезностью фармацевта. Он всегда носил с собой личный шприц, который никому не давал, всегда ширялся последним. Никогда меня не науськивал.

– Не хочешь – не надо. Дело твое, – говорил он.

Когда Маша заняла территорию моей души целиком и полностью, я поехал к Ире прощаться.

Дверь открыл мужик с мочалкой бороды на лице. Глаза его немигающим взором поприветствовали нового гостя. Я вошел внутрь и тут же наступил на тело неизвестной личности, которая, притворившись половым ковриком, мирно посапывала у самых дверей. Оставалось только ноги вытереть.

Мужик сплюнул и прошел на кухню. Я проследовал за ним. В раковине лежали чьи-то носки, накрывшие грязную тарелку.

– А где Ира? – спросил я.

– Какая Ира?

– Такая. Которая здесь живет.

Мужик почесал репу, как это делают павианы, и кивнул в сторону комнаты. Зайдя в нее, я вскрикнул. На кровати лежала голая Ира, слегка подрагивая. Зубы выбивали чечетку, пальца тряслись. Я не видел ее три недели, и мне казалось, что за такое непродолжительное время человек не может настолько измениться внешне. Лицо осунулось, и приобрело цвет, вследствие которого было непонятно – это синяки под глазами, или один большой синяк разлился кляксой от подбородка до лба.

– Ломает, – послышалось сзади. – Закурить не будет?

До этого мне не доводилось наблюдать наркоманский бодун. Премьерный показ ломки для юного зрителя. В фильме «Игла» все снято вполне правдоподобно. Рядом с кроватью стояла

консервная банка, содержимое которой от обилия хабариков и харчи превратилось в пепельный пудинг. «Га… га… го…», – доносилось из непрестанно вибрировавшей Иры. Звук исходил явно не изо рта, откуда-то из пупка. У жизни кончились мелочь, и она стала платить по-крупному.

– А скорую вызвать..? – начал было я и осекся. Мужик продолжал чесать репу, будто она лишаем поросла.

– Закурить точно не будет? – спросил он.

О том, что Ира умерла, я узнал случайно в «Там-Таме» спустя две недели. На улице ковыляли амебы в пальто, сторонясь прямого взгляда. День к основному блюду подал трудноусваиваемый гарнир. Приятного аппетита. Две копейки в письку телефона-автомата, диск вращается от зеро до единицы.

Я вызвонил Машу. Ночевать было негде, поехали к Сереге, который тусовался в очередной общаге у очередного кореша. За вахтерским бруствером сидела дочь пулеметчицы Анки, глаза вот-вот вылупятся, по неприятелю пли. К кому, куда, на сколько, есть ли с собой спиртное, не шуметь, на гитаре не играть. Пустила.

Серега обязался продать товар оптом по демпинговым ценам и вырученные деньги поделить пополам, но поскольку трава оказалась слабенькой, покупателей не находилось. Следовало более тщательно прозондировать рынок, а на это требовалось время. У меня времени не было. А денег, зарабатываемых в «Там-таме» хватало только на мелочи жизни.

Комната, в которой Серега на тот момент проживал, была оформлена полками с пластинками, кассетами и магнитофонными бобинами (магнитофон-бабинник ныне еще больший раритет чем проигрыватель «Вега»). Энциклопедия музыки от Чака Берри до Sisters of merci. Курнули гашика, легли спать. На следующее утро я понесся в ларек, купил аудиокассету и приступил к процессу записи понравившихся композиций. Сведение музыкальной массы в конечный отрезок времени 90 минут – ровно столько вмещал аналоговый носитель с коричневой лентой внутри. По одной песне, выборка, выжимка зе беста из мешанины записей. Впоследствии кассету сожрала Машина собака.

У нее дома жила борзая, которая периодически хавала понравившиеся ей предметы в независимости от их съедобности. Борзая – факт, содержащий в себе долю каприза. Неустроенная семья, мать одиночка, у которой дочь приторговывает телом по частям и в сборном варианте, но при этом в квартире собака на кузнечиковых ножках из породы тех, что ассоциируются с русским дворянством и аристократией, поскольку моду на них

ввел Николай I. Маша зачитывалась Толстым, «Анна Каренина» была настольной книгой. Борзая была далеко не первой псиной. Второй. До этого была другая борзая, которую сбила машина прямо на глазах у Маши. Еще один излом детских впечатлений. Историю эту она мне поведала на крыльце магазина во время одной из выгулок четвероногой подруги. Проспект ветеранов пустовал, предвкушая зиму, когда машин станет поменьше. Это чувствовалось, исходило от асфальтного покрытия. Маша выгуливала собаку и меня, я выгуливал свои мысли и деньги, собака выгуливала свой мочевой пузырь и тоску по охоте. На перекрестке росли голубые ели. И между нами тоже что-то росло. Вырастало. Без конца и края.

– Я тебя люблю, просто бля-пиздец, – говорила она мне и смеялась, а я думал, что готов жениться хоть сейчас, но тому были преградой возраст, социальный статус, отсутствие норы в железобетонном холмике с антеннами сверху. Где-то жили дети, проводившие каникулы на Альпийских склонах в обнимку с лыжными палками и сноубордами. Глядя на хронометражную линейку своего возраста, они знали, что цифра 18 принесет им автомобильные права вкупе с самим автомобилем. И меньше всего хотелось сетовать на судьбу, на то, что мама моя, окончив университет с отличием, стала секретарем-машинисткой. От постоянного общения с печатной машинкой она зарабатывала больше мозолей на пальцах, чем денег.

– Я тебя люблю.

Следовало осилить две вещи – толстые бумажные утяжелители сумок, содержащие мириады букв, и чувство, юное как революция во время гражданской войны. Разговоры о книгах, книгах, книгах, там я искал ответ. Сейчас большинство из них я прочитываю у себя в туалете. Либо романы стали тоньше, либо читаю я быстрее, либо говна в моем организме поприбавились. Последнее наиболее вероятно. Остается вслед за Раневской удивляться количеству фекалий, содержащихся в человеке.

Отрезок шестнадцатый

В свой хэппибездыр Павлик поехал в Лигово. Прямиком из «Там-Тама». Серый барабанщик подарил пластинку «Нож для фрау Мюллер». Лаунж мьюзик там не было и в помине. Пресс для мозга – натуральная непопса. Пластинки, которые выпускал лейбл Стаса Намина и «Feelee» прорвали мощным потоком говнорокерскую плотину в виде пиратских винилов «Мелодии», когда издавался концерт набравших уже популярность групп, и сами группы узнавали об этом задним числом. Новая музыка (от Meomtraitors до «Коррозии металла») вышибла пробки в системе электроснабжения, которая обслуживала мозг любителей андеграунда.

Валил снег, я сжимал под мышкой картонный квадрат, внутри которого покоился виниловый круг, создавая тем самым гармонию подарка в целом – музыкальная мандала. Серый барабанщик, одетый в куртку американской инфантерии, покуривал на платформе Балтийского вокзала косячок, рискуя оказаться в каталажке. Электричка, наполненная пустыми скамейками, приволоклась с опозданием. Внутри нее было жестко и мутно от тусклого света, но все это были мелочи по сравнению с ожидаемой встречей. Нет ничего тоскливее пригородного питерского электропоезда в зимний период, оправляющегося с Балтийского вокзала в десять часов вечера. Как будто люди, в него севшие, выметаются вон из города из-за фатальной прихоти судьбы, которая не оставила никакого другого средства времяпрепровождения, кроме как сидеть внутри полого вагона с унылыми мордами лиц.

Я уставился в окно, наблюдая тысячи раз описанные и сотни раз заснятые сцены, возникающие вследствие передвижения пассажирского железнодорожного транспорта относительно местного ландшафта, – он не представлял собой ничего особенного на тот момент.

После станции «Ленинский проспект» Серый барабанщик занервничал, заерзал, будто у него трусы из наждачной бумаги сшиты.

– Не туда едем, – прокомментировал он свое напряженное состояние.

Вышли на станции «Аэропорт». Ветер вырывал из рук пластинку, меломан бестелесный. Я матерился и подсчитывал, сколько будет стоить уехать отсюда на машине. Оказалось, что нисколько, потому что машины здесь не ходят. И ничего не ходит.

Кругом пустошь, подразумевающая, судя по названию станции, посадочные полосы для летающих крестовин. Но ни самолетов, ни пилотов не наблюдалось. Аэропорт находился в нескольких километрах отсюда.

Обратная электричка должна была прийти через час. Растянуть этот час на двоих не представлялось никакой возможности. Из-за дальнего поворота выполз фонарь, протыкающий тьму иголкой луча. По рельсам катилась механическая платформа: дрезина, или останки бронепоезда, на котором красноармейцы гоняли Колчака. Я вытянул руку, зажав в руке пластинку. Мальчик с хренью на перроне. Поскольку мне не икалось, вряд ли меня кто-нибудь вспоминал в тот момент. Но кому-то я шибко понадобился, потому что пердящая техническими парами шняга остановилась, и я даже удивился, почему ниоткуда не послышалось: «Станция «Аэропорт». Осторожно, двери закрываются».

Из пробоины окна выглянула геометрическая форма, схожая с той частью тела, что принято называть головой. Голова открыла рот, из которого вывалился набор звуков речи. Недолго думая, мы с Серым барабанщиком запрыгнули на борт. Дверь-люк приоткрылась, впуская нас внутрь.

Машинист был пьян. Я слышал от выпускников Академии имени Макарова рассказы о прохождении кораблей по Неве, когда рулевого шатает, будто корабль попал в шторм. Вождение в нетрезвом виде автомобиля чревато последствиями. Ну а попробуй-ка вписать сухогруз в узкие ворота моста лейтенанта Шмидта, когда во лбу пол-литра хлебной. Один раз не вписался, вытаскивали несколько недель. С дрезиной вроде проще – катись по рельсам, никуда рулить не надо, только все равно мандраж хватает за пятки.

– Это что? – пукнул ртом машинист, выпуская наружу мощный выхлоп, в котором содержалась информация о принятых не далее как час назад спиртных напитках.

– Пластинка, – ответил я, пытаясь сообразить, а не ошиблись ли мы транспортом.

– Как называется? – не унимался он.

– Нож для фрау Мюллер.

– Это что, рок?

Сашечку в армии застукали за чтением Мережковского и поинтересовались: это боевик или эротика?

Дрезина тряслась, ее лихорадило от переизбытка прожитых лет. Сидя в люльке, которая несется по американским горкам, я чувствовал бы себя гораздо спокойнее, чем в этой коробке на колесах, скачущей по отполированным рельсам. Аннушка точно

не стала бы покупать подсолнечное масло в этот день – результат не сложно предугадать.

Машинисту требовалась лишняя пара ушей, чтобы поведать свое мнение об устройстве мира. Серый барабанщик совместил жопу и какой-то ящик, и принял сидячее положение. Через лобовое стекло, обконченное атмосферными осадками и дорожной пылью, на меня поглядывали проносящиеся мимо фонари. Здесь, внутри пепелаца из фильма «Киндзадза», посреди технических запахов, которые заложили нос, стало понятно, где находится центр вселенной. Он находится в руках у девушки, которая отказывается брить ноги и знает точное расстояние до моего сердца. Преодолеть это расстояние можно одним лишь словом, пустив его бегать по телефонным проводам, запечатав в конверт или написав маркером на обоях. Как только не лопнула моя черепушка от такого количества чувств – моих и ее? Балтийский вокзал – «Лигово» – улица партизана Германа. Голубые елки на перекрестке. Рядом с ними кинотеатр, в который я никогда не сходил и не схожу. За кинотеатром поликлиника. За поликлиникой дом-корабль. Мне надо в рубку.

То чем ты завлекла
След слюны с губ слизала
И в рукав затекла
Дальний путь от вокзала
– Это что, рок?
– Нет не рок.
– А что?
– Хардкор.
– Хор? Какой хор?

Мы вышли на станции «Ленинском проспекте». Расплатились пакетом травы.

– А, я про это слышал. Говорят, ничего, шибает, – сказал машинист, засовывая пакет в просмоленный соляркой карман.

Проспект Народного ополчения сдружился с железнодорожной колеей, будучи параллельным ей на протяжении нескольких километров. Количество километров измерялось в денежной сумме, которую я готов был отдать человеку, чьи ноги давят на три педали, чьи руки держат маленький обруч руля, чье тело покоится внутри автомобиля, чей автомобиль катится по проспекту.

Жигулина, обозванная самой мелкой деньгой, которая рубль бережет, притормозила у бордюрного камня. Игра вопрос-ответ, мы внутри, Серый барабанщик на переднем сидении, я на заднем. Деньги вперед для успокоения молодого водилы. У меня бездник, я перенапрягся, нужно расслабиться.

– Курить можно? – спрашиваю бритый затылок.

– Можно.

Приоткрываю окно, чуть стягиваю с беломорины тонкий папиросный гандончик, сильно дую в штакетину – табак вылетает, как малафья из члена, осыпаясь на посеревший от выхлопов придорожный снег. Разворачиваю бумагу, начинаю забивать хэш. Затылок интересуется:

– Это у тебя что?

– Хэш. Не желаешь? Менты все равно не просекут, даже если в трубку дуть придется.

Машина притормаживает у обочины.

– А ты знаешь, что менты – это я?

Еб. Тво. Ю. Мать.

Интермедия между основными действиями спектакля, заявленного на афишах, как «День рождения Павлика только раз в году». Хватит событий, хватит, хочу к Маше и покурить, больше ничего.

Серый барабанщик, борзый, как Машина собака, интересуется:

– Удостоверение есть?

Затылок вынимает из-за пазухи широких штанин дубликат бесценного груза в красном оформлении, обмахивает им мое вспотевшее лицо.

– Что мальчики, допрыгались?

– Это ты сейчас допрыгаешься! – с этими словами Серый распахивает дверь и пускается наутек в ущелье между домами. Оросив заднее сидение «копейки» несколькими каплями пота и измельченной травой, объемом в четыре косяка, я выскакиваю следом и бегу в заданном предыдущим спринтером фарватере. Сзади хлопает дверь, шаги в мою сторону. Потом тишина (остановился?), шаги удаляются.

Через три минуты скамейка перед незнакомым домом, два широкораспахнутых рта. Человек дышит легкими. Мы дышали тяжелыми. Сердце размером с грудную клетку. Серый барабанщик утирается снегом. Я беру с него пример, и остужаю самоварную рожу нулевой температурой.

– Я знал, – произносит Серый, отдышавшись, – что он машину не оставит.

– Откуда? – спрашиваю я, массируя щеки сырьем для производства снеговиков.

– Да по нему видно. Ему в лом бегать.

– Хуев мент. Зачем я ему деньги вперед отдал? Пакет жалко.

– Забей, – Серый встает со скамейки. – Нам повезло. ПО-ВЕЗ-ЛО.

Серый барабанщик, наркоман и каратист, борзый, как Машина собака, идет, расправив плечи. Уникальный экземпляр питерского андеграунда, мой личный комиссионер по сбыту конопли. Я завидую его самоуверенности. Он продает хэш в «Там-таме», разруливая возникающие в этой связи ситуации. Получает пятьсот рублей с пакета, я получаю две тысячи. В этом бинарном союзе мы нужны друг другу. Мы довольны устаканившимися между нами relationship.

Не доходя до проспекта Ветеранов, ныряем в какой-то подвал, где я наконец забиваю жирный косяк. Зерна взрываются, трескучая канонада игрушечных пушек, глубокий вдох. Обертка «Нож для фрау мюллер» чуть помялась. Я еду к Маше. Все будет окейно.

Отрезок семнадцатый

«Я не употребляю наркотики для того, чтобы словить кайф, как делают другие люди, или думают, что делают это ради получения удовольствия. Я совершил огромную ошибку, когда подсел на это дерьмо. Моя печень никуда не годится, она почти не функционирует, меня постоянно рвет. Это самая страшная боль в мире»

(Лэйн Стейли, вокалист Alice in chains (царство ему небесное). Напечатано в журнале Classic rock №5 за 2003 год).

Я все меньше старался курить, все больше пить. Горло першило. Поршень языка гонял туда-сюда слюну, пытаясь использовать ее как смазку. Не помогало.

Есть такие маленькие объявления на стенах (сниму-продам-куплю-сдам), а внизу бумажная лапша, нарезанная ножницами. Ее следует оторвать, если информация заинтересовала. На кусочке бумаги, величиной с полпальца, как раз умещается номер телефона. Перекурившись и перепившись, я нарвал бумажной лапши, и пытался просунуть ее в ларек, уверяя, что это новые деньги.

В училище травой не торговалось, хотя это был самый простой способ поменять ее на деньги. Не хотелось быть застуканным кем-то из учителей или мастеров. Это, во-первых. А во-вторых, в-третьих, в-четвертых, трава была слабенькая – бывалым людям не продашь. А лохам можно и зверобой втюхать. В фильме «Экстази» (не путать с романом Уэлша) героиня продает на вечеринке аспирин, и народ колбасит с аспирина не хуже, чем со «скорости». Там есть замечательная сцена, когда молодые люди сидят в машине, приняв по таблетке, и ждут прихода, дабы выяснить – стоит им брать еще или нет. Квазедилерша сидит рядом и подначивает их:

– Да ты подожди немножко, сейчас тебя накроет.

И тогда один из маменькиных сыночков начинает вещать о том, что его действительно накрывает, еще как накрывает. Опьянение водой в Астрахани – из той же серии.

Приходилось придумывать разные варианты, чтоб продать свою травку, но не от своего имени. Для этого я выцеплял в училище каких-нибудь столяров-первокурсников, которые еще молоток толком держать не научились, но уже горели желанием покурить чего-нибудь зажигательного в самом широком смысле этого слова. Разворачивался план действий.

Хэш есть

Но не у меня

У друга

Который живет в моем районе

Можем съездить после (во время, вместо) учебы

Только покажите сначала деньги

Отлично, тогда поехали

После чего я звонил какому-нибудь своему приятелю и говорил:

– Ты будешь дома в течение получаса?

– Буду, – отвечал приятель.

– Я к тебе зайду.

– Зачем?

– Ни за чем. Просто зайду и выйду. Ты, главное, дверь открой.

– ???

– Жди.

Мы ехали к мифическому дяде Вове, у которого есть турбо-мега-ультра-хэш. По дороге я сооружал у себя в голове историю, которую выдавал маленькими порциями, для лучшей усвояемости собеседников. История эта, как правило, тоже имела изначальный план.

Хэш у дяди Вовы просто улетный

Собирался в Чуйке (Чуйской долине)

К дяде Вове со всего города приезжают

Поэтому он фильтрует посетителей и обслуживает только постоянных клиентов

Я – постоянный клиент

Поэтому мне он верит

А вам не поверит

И вообще, лучше вы со мной в квартиру не ходите

Да вас и не пустят

В парадняке подождете

А то, блин, кругом менты, не знаешь откуда подставы ждать

Таким образом к моменту нашего прибытия на место, ведомые мной покупатели были окучены. Мы заходили в подъезд, поднимались на нужный этаж, но покупателей я заставлял подниматься этажом выше и ждать. Можно было, конечно, оставить их ждать на улице, но хотелось достигнуть максимального эффекта правдивости и достоверности ситуации. А для этого требовалось, чтоб прозвенел звонок, чтоб открылась дверь, чтоб я зашел, дверь закрылась, дверь открылась, я вышел, дверь закрылась – и все эти подвижки на слуху у клиентуры.

Прямо здесь на лестнице я отдавал им пакет (деньги брались заранее), и счастливые дети бежали за Беломором, чтоб поскорее забить косячок. И они были довольны! На следующий день я интересовался их ощущениями и получал самые восторженные отклики. Овцы целы, волки сыты.

Легенда о неких точках, где торгуют лучшим хэшем, и куда вхож я, и не вхож более никто иной, постепенно обросла нужными рецензиями.

В «Трубе» я все-таки рискнул опять поторговать. Пакеты хранил с той стороны Казанского собора, которую Воронихин так и не достроил. Это такой городской закуток, оазис, где водитель троллейбуса №17 делает привал, бежит оросить унитаз скопившейся в организме влагой. Здесь тишина, покой и невзрачный дом хмурится своим фасадом в сторону прохожих. Бутики выставили напоказ модные шмотки.

Люди находились. Всем хотелось курнуть. Дунуть. Задуть паровоза. Взорвать косяк. Осторожность стала моим верным спутником. Я уже не ходил ни в какие подворотни, сам ставил условия: где и как встречаемся. Они приходили – разные, покупали и отваливали. Я считал деньги. Их получалось не так много, как могло бы быть. Но и на том спасибо астраханскому краю.

В училище все шло своим чередом. Повезло с мастером – он действительно пытался научить нас не просто колотить скворечники, а резать дерево, как будто это живая плоть, и от того, насколько правильно ты с ней обращаешься, зависит то, насколько оно тебе отдастся. На первом курсе я сделал стол. Немного резьбы, две точеные ноги, стандартная столешница. В мастерскую зашел приятель мастера, увидел результат моих усилий в деревянном воплощении и спросил:

– Сколько?

Его интересовала цена. С того момента я понял, что мама моя не ошиблась, отправив меня учиться на столяра. Мастер пытался совместить приятное с полезным – подкидывал халтуры. На квартирах у его знакомых мы приводили в божеский вид двери,

шкафчики на кухне, туалете. От убогих хрущевок до элитных квартир в центре города. Деньги за работу платились ему, он выплачивал нам нехилый процент. Таких работников в группе было человек пять от силы. Чтобы попасть в число избранных, требовалось найти с мастером общий язык, и чтоб не было синдрома рукожопости, убийственного для столяра. Уже потом, благодаря одной из таких халтур, я попал в институт без экзаменов.

Были еще и официальные заказы, которые принимало училище. Заказы на изготовление партии мебели или на оформление и внутреннюю отделку тех или иных зданий. Тогда тебя официально посылали в командировку. Мне представилась возможность съездить в Кингисепп в компании старого маленького мастерового дяди Васи, похожего на большого ежика, и одногруппника Сказки, прозванного так за россказни, которыми он нас потчевал.

За неделю до этого Маша призналась мне в своих сомнениях, связанных с состоянием ее здоровья. По всей видимости, в животе у нее появилась еще одна жизнь, и не без моего участия. Слишком настырный спермотазавр добрался таки по маточному путепроводу до конечной цели. Явных подтверждений тому не было, но ультразвуковое исследование провести не мешало бы. Перед отъездом я договорился с мастером, он в свою очередь договорился со знакомым гинекологом. Это была женщина, которой я делал кухню. Она согласилась посмотреть Машу. В Кингисепп я уезжал в полнейшем неведении о том, папа я или нет. Командировка не могла продлиться больше трех дней, и по приезде в Питер меня должен был ждать ответ.

Ехали на старом уазике, который выжимал на трассе 70 км/ч, притулившись ближе к обочине. Трясся, сморкаясь бензином из всех щелей. Нужно было облицевать листами ДСП холл кингисеппского ПТУ, изготовить панцирь для несущих конструкций. Я не мог сосредоточиться, потому что мыслями оставался в Питере. Вот она идет с утра в женскую консультацию, ничего не съев и выпив несколько чашек воды. Вот ложится на кушетку, оголив живот, который ей намазывают прозрачными соплями, напоминающими канцелярский клей. Ручка-фаллоимитатор скользит по коже, на экране вырисовывается ответ на вопрос.

Когда холл наконец покрылся деревянной чешуей, мы взяли бутылку перцовки и раздавили ее на троих вечером в номере гостиницы (официальное название). Понятно, что это была комната в какой-то общаге. Старенький мастер дядя Вася тут же вырубился, а мы со Сказкой взяли еще бутылку. Работа сделана,

съедено 6 обедов, 6 завтраков и 6 ужинов. Заработано какое-то количество денег, которые должны выдать вместе со стипендией. Сказка морщился после каждой рюмки, я пил автоматически.

Следующим утром трасса, уазик, черепашьи бега в правом ряду. Странные ощущения. Стать отцом – круто. В 18 лет. Непонятно где жить и как, но это круто. Если призвать девственность к ответу, получим ответственность. И я бы ее получил, никуда бы не делся. Детство уползает умирать как кошка в неизвестный угол. Мир меняет очертания, начинает тыкать взрослостью.

Третий курс училища. Серега намекает на то, что траву придется увезти в Москву, его там ждут потенциальные покупатели. Ведь изначально планировалось, что не будет розничной торговли – мы не в универсаме. Продать оптом – деньги пополам, калькуляция выгоды проста как стамеска. Это бы все решило. Тогда можно и отцом стать. Но оптом не получалось. А продавая траву пакетами, денег не накопишь, это я к тому моменту уже осознал. Питер приближался, неизвестность разрасталась.

Дома я бросился к телефону.

– У нас будет ребенок.

Упало сердце и давай валяться. Маша, я люблю тебя. Значит, у нас будет ребенок. Меня даже не волновало, в каком состоянии он был зачат. В стенки разума стучала совесть, орала, что есть мочи. В компании с чистой совестью чувствуешь себя умиротворенно, но скучаешь при этом. В компании с грязной совестью чувствуешь себя неуютно, проявляешь активность. Иногда совесть покидает твою кампанию, и ты остаешься один. В такие минуты человек насыщается всем доселе невостребованным дерьмом жизни. Он просто не знает, что это дерьмо. Совесть – как рецептор вкуса, не позволяет чего-то отведать. С ее отсутствием шлюзы открываются, и человек тонет.

Зима провалилась в яму питерской ночи. Мороз бегал по лицу настырной мухой, раскатывал пластины холода, щипал и кололся. Красные носы прохожих вылезали вперед из под капюшонов и шарфов, светились в темноте, будто их намазали фосфором. Зима сжимала ноги в снежные тиски, и они коченели. Десять маленьких мумий, каждая размером с палец, заживо похоронены в двух ботинках. А десять других мумий скорчились в перчатках. Провода гудят как жилы, в которых стынет электрическая кровь.

– У нас будет ребенок.

Много ли я знал о жизни? Не больше чем сейчас. Пошел к мастеру и изложил суть проблемы. Больше идти было не к кому.

Не хотелось говорить родителям, хотя они все равно узнали. Мастер дал мне словесного пинка, сказал, чтоб я не занимался идиотизмом – никакого отцовства. Не время еще. Та же женщина, что делал Маше УЗИ, согласилась сделать все остальное.

– Ведь что такое аборт, Павел? – говорил мне любующийся собой католик Стогов, когда я устроил ему очную ставку с батюшкой, – это когда мы с Вами пойдем в разведку, а Вы меня предадите.

От одного конца палки до другого конца палки бежит проблема, словно серая мышь стащила мыло на кухне. У бега есть ритм, который начинаешь ощущать, когда его уже не отличить от ритма сердца. И чем старше становишься, тем острее чувствуешь конвульсии маятника, раскачивающегося между полярными точками – там, где начинается жизнь, и там, где смерть делает ей книксен. Аборт можно перевести как «выкинуть за борт». Понятно, какого корабля. Кингстоны вышли из строя, забортная вода затопила трюмы. Кто кого предал? Если только я самого себя. То, что думалось по этому поводу в семнадцать лет – мне известно. То, что думается по этому поводу в двадцать семь лет – мне известно. Эволюция данной мысли вряд ли понравилась бы католику Стогову. «Всякое убийство может быть оправдано только любовью», -говорил Камю. И точка за сим.

Из абортария она поехала ко мне домой. Лежали в кресле-раскладушке. Две гаметы, раздраконившие свою зиготу. Я пытался как-то смоделировать ситуацию, понять, что нужно делать в таких случаях. При этом ничего на ум не шло, кроме слова «секс». Желание засунуть свой детородный орган туда, где еще несколько часов назад железные культи тащили в помойку плод моих же с Машей постельных усилий – за это следовало бы провести человеческую вивисекцию, чтоб законспектировать посылы мозга и вывесить их по отдельности на доске позора с названием «Сучьи мысли Павлика». Член, в состоянии покоя мелкий, как анчоус, при приближении Маши начинал жить отдельной жизнью, конвоировал подростковую похоть, которую трудно распихать по дням недели, когда тебе семнадцать лет. Гранулированная сперма копится в мошонке, плавится, превращается в йогурт, который не каждая девичья ротовая полость в состоянии принять. Вулкан в паху, половой орган как альпеншток втыкается в горку трусов. Маша приняла и это. Стоический женский характер. Маша, профессиональная блядь, показала мне, бляде моральной, что есть любовь. Тогда я этого не осознал. Осознал позже, десять лет спустя, когда почувствовал, как в катакомбах души затихли молоточки, выстукивавшие мелодию памяти. Когда стало понятно, что из всех баб, что

ползали по небосклону моей жизни, я сам вычленил для себя одну, невольно, рефлекторно, потому что она меня любила и никогда не лгала.

Проданная вовремя трава могла все изменить. Может, и не было бы аборта. Легкие наркотики в обмен на моего ребенка. Какова дилемма. Какой-нибудь Ежи Косински вставил бы данный кадр в свой роман между сценами совокупления с трансвеститом и выдавливания глаза ложкой – и он бы поблек на фоне пестрого событийного полотна. Но в моем романе этот кадр не блекнет.

Мама тактично помалкивала в тряпочку. Мама вообще не лезла в мою жизнь, за что я ей благодарен до сих пор. Нас в двухкомнатной квартире жило четыре человека – родители и я с сестрой. Когда приезжала Маша, сестра, которой было еще три года, отправлялась к родителям. Или спала на соседней кровати. Мы с Машей ютились на узкой лежанке, голова к голове.

Отрезок восемнадцатый

Серега уехал в Москву, оставив мне шесть стаканов анаши. Нужно было искать деньги и жилье. Каким-то образом я устроился работать ночным сторожем в здание, где на втором этаже размещалась мастерская по ремонту обуви и магазин, торгующий атозапчастями. Курить я перестал, начав отправлять в рот жидкости, обжигающие гортань. Такое впечатление, что всю водку, которую мне довелось выпить, я выпил там, в помещении, принадлежавшем кооператорам и мастерам сапожных дел.

Здесь были все удобства для жизни – кухня с газовой плитой и диванами, стилизованными под канапе, на которых, если постараться, можно было спать, душ, автомагнитолы, играющие музыку при наличии колонок. На двери висел плакат с изображением лысобородого гитариста Antrax, похожего на душмана. По вечерам приходили музыканты, расчехляли гитары, репетировали. Наличие очага муздеятельности было обусловлено тем, что мой напарник Коля, с которым мы работали посменно, играл на басу.

Аппаратура на день убиралась в подсобки, а вечером вытаскивалась в коридор. Здесь и образовался равнобедренный треугольник будущей группы «Улитки». Одним из катетов были братья Журавлевы с Сенниковым, другим Кирилл. Гипотенуза оставалась за мной. Но до этого еще требовалось дожить.

Коля играл песни «Кино» с загадочным ансамблем «ВВС» («Войди в себя»). Такие группы тогда плодились быстро, как йоркширские свиньи – все они канонизировали группу «Кино», и своими сборищами на «Камчатке» заставляли Цоя перевернуться в гробу. Этакие толкинисты урбанистического толка, которые проштудировали песенное наследие своего кумира, прониклись им, и возжелали продлить прекрасное мгновение на свой лад.

Цоя я любил, и до сих пор люблю, хотя циничная мысль о его своевременной кончине уже тогда присутствовала в умах наиболее трезвомыслящих граждан, достаточно было послушать последний киношный альбом. Вовремя уйти – тоже искусство. Глядя на все разрастающееся море киногрупп, я тоже начал грезить о музыкальной карьере. Не все ж «ГО» в переходе играть. Песни, которые тогда у меня рождались после посещений наркоманской музы, одними своими названиями могли бы показать возраст автора: «Я болен СПИДом», «Моя паранойя» и все в таком духе. Нашлись братья по разуму, согласившиеся их исполнить. Кирилл играл на барабанах. Бас застолбил, понятное

дело, Коля. Стасик играл на гитаре. Стасик – крупный человек, добродушный гамадрил с комплекцией Довлатова. Было непонятно, как такими толстыми пальцами можно играть такие неподражаемые соло. Примочки у Стасика переключались в том случае, если топнуть по ним ногой со все дури. Поэтому перед каждым припевом Стасик начинал колошматить по полу подошвами, и делал это до тех пор, пока не включался драйв.

– Ты, Паша, столько воды не выпил, сколько я пива, – говорил он.

Еще Стасик, взрослый мальчик с размером ноги что-то типа 46, любил компьютерную игру Dendy, приставку для которой таскал с собой даже на работу.

Когда встал вопрос о названии, я открыл книжку Воннегута на случайной странице (есть такой способ гадания), отсчитал некоторое количество строк и наткнулся на удобоваримое словосочетание «Пираты Пинзенза». Единственный концерт «Пираты Пинзенса» дали в зале, принадлежавшему сталепрокатному заводу, что на Косой линии В.О. Организатором выступал товарищ Альберт.

Хроника городских событий потеряет многое, если не упомянуть в ней данного персонажа. Наткнулся я на него в «Там-Таме», где он выступал в роли капельдинера, метя запястья посетителей чернильными зайчиками или рыбками. Такие печати ставились, чтоб можно было входить и выходить из клуба. Пиджак, большие очки, кашне, взгляд, излучающий позитив. Презентабельный дядечка, который еще и несет при этом достаточно логичные речи о том, как и где можно устроить акцию. Этакий молодой партийный деятель. Он кормил меня словесными завтраками о телевидении, радио, фестивалях, помещениях для репетиционных точек. Ну как было не повестить на столь многообещающие посылы, которые на деле оказались пением Сирены.

Товарищ Альберт предложил утроить концерт, которой должен был послужить основанием нового клуба. Товарищ Альберт уже обо всем со всеми договорился, оставалось только начать действовать. Группа «Взрослые дети» готовилась отметить свой день рождения, было решено, что отметит она его в клубе Сталепрокатного завода. В качестве гостей были приглашены я с только что собранным музыкальным коллективом, White cannibal dance (братья Журавлевы с Сенниковым) и пара таких же «мегапопулярных» исполнителей. Я вырезал из детского букваря картинки, написал над каждой имена и клички участников акции и отдал листик маме, которая на работе сделала несколько ксерокопий. Получившаяся афиша гласила: «Годовщина двулетия

(вокалист «Взрослых детей» Добровольский придумал столь потрясающую формулировку) группы «Взрослые дети». Участвуют (дальше шел перечень групп). Вход бесплатный». Афиши были повешены в «Там-Таме», Трубе и прочих местах скопления нужной молодежи.

Мечты о клубе, который мы откроем с товарищем Альбертом целиком и полностью захватили меня. Более того, мне предстояло дебютировать с собственными песнями перед публикой.

В день концерта в зале собралось человек пятнадцать. Сначала по сцене катался некто в простыне, крича в микрофон неизвестное словарю Даля слово швайс, не исключено, что термин этот ничего не означал, равно, как и хрен, его придумавший. Перфоманс сопровождался музыкой в стиле Eisturzende Neubauten. Товарищ Альберт написал на входе, что концерт все-таки платный, но это не сыграло решающей роли. Пятнадцатилетние девочки с грязными волосами и нетрезвые музыканты – вот и весь контингент, присутствовавший на тот момент в здании.

Это было первое профессиональное выступление Павлика на сцене со своим репертуаром. Когда спустя почти десять лет мне принесли материал о группе «Взрослые дети» с просьбой опубликовать, я чуть не прослезился. Вокалист Добровольский – олицетворение портвейного говнорокера все еще жив и поет песни (судя по всему, те же).

Поскольку аншлага на мероприятии не наблюдалось, в течение последующих дней в воздухе, как топор в накуренном помещении, повис вопрос о планах на будущее. Товарищ Альберт в привычной ему манере изрыгал мириады идей, меня интересовал конкретно Сталепрокатный завод. Я наведался к заведующему клуба. Им оказался типичный работяга, которому профсоюз насильно доверил должность культмассового деятеля. Выяснилось, что завод мечтал об арендаторах, чтоб платились деньги в кассу, чтоб всем было хорошо. Когда на следующий день после концерта товарищ Альберт принес сумму, не превышающую бюджет утреннего завтрака для студента, арендодателям стало понятно, с кем они связались. Что и было мне высказано.

В дальнейшем товарищ Альберт запомнился как фронтмен ансамбля «Белладонна». На сцену выходили двадцать человек с разными инструментами, играли кто во что горазд, в то время как незабвенная личность в очках, пиджаке и обязательно в черных кожаных перчатках выдавал оперные рулады. Идея была не нова, но кому какое дело. Подобное выступление оставляло самое радужное впечатление – как будто тебе в одно ухо нежно

фыркают четыре слоновьих хобота вперемежку со звуком работающего электрорубанка, а в другом звучит «Поп-механика». Какие глаза были у Радика в клубе Ten (в народе «Десятка»), когда к нему пришло двадцать музыкантов и каждый привел по гостю, не смог бы передать даже артист Денни де Вито.

Я утвердился в роли ночного сторожа. Маша приезжала по вечерам в сапожную мастерскую. Любовью мы занимались в душе и на канцелярском столе в кабинете местного начальства, откуда при этом доносился равномерный звук ударяющейся о дерево ременной пряжки, свисавшей с моих приспущенных штанов. Водку я пил самозабвенно, как настоящий поэт. Затрудняюсь сказать, была ли это водка, потому что в те времена в бутылке могла оказаться любая жидкость, по виду и по вкусу напоминающая разбавленный технический спирт. Трава закончилась, вместе с ней закончился период ее потребления. Бухал я по-черному, не задумываясь о пище в принципе. Минимум сна, минимум еды, максимум секса и алкоголя – не самый оздоровительный курс. Заедал коньяк солеными грибами, после чего наблюдал эти грибы, вывалившиеся изо рта. Они плавали в унитазе сморщенными жуками. В училище в мастерской всегда стояли несколько трехлитровых банок, и можно было послать гонца за пивом, как только мастер отчаливал по делам.

Синий образ жизни – логичное продолжение зеленого образа жизни. У всех наоборот получается, сначала пьют напропалую, затем соскакивают на наркоту. У меня все как не у людей.

С Машей стал намечаться раздрай. Она сама уже понимала, что в данной ситуации ей бы найти взрослого человека с головой на плечах, а не с дырявой кастрюлей, как в моем случае.

Тело мое, наполненное клетками, которые следует называть нервными, пыталось выдержать осаду спиртного. Словно запломбированный зуб, у которого удалили нерв – единственный важный для зуба хвост, я тупо выполнял функции подростка, пережевывал пищу жизни – бытие. Нужно было ОБЯЗАТЕЛЬНО быть крутым посредством употребления веществ, стимулирующих убиение внутренних органов. Иначе никак. «Грязный бинт и окно за окном», – пел Летов.

В один весенний день меня угостили тареном. Об этих таблетках я был наслышан, поговаривали что с их помощью в психбольницах успокаивают буйных. Тарен стоит в одном ряду с не менее популярным для меня паркопаном, или, как его чаще принято называть – циклодолом. Он является противоядием фосфорорганических соединений, из-за чего входит в комплект военной аптечки для солдат. Принесший мне его человек,

обменял в воинской части блок сигарет на немереное количество этого противоядия.

Я закинулся натощак несколькими таблами (хватило бы и парочки) и совершил трип, который можно было бы прикрепить как постфактум к фильму «Страх и ненависть в Лас-Вегасе». Словно кольцевой червь, каких полно на асфальте после дождя, я углублялся в землю. Тело мое, гибкое и сильное, будто и не червь я вовсе, а змея, внедрялось в грунт буравчиком, распихивая камни, корни деревьев, дырявя неуклюжих кротов, попадающихся по пути. Наверное так ощущает себя рыба в воде, свободно, не испытывая ни малейшего дискомфорта гравитации – чешуйчатый космонавт в открытом космосе. Я стремительно приближался к цели, какой – непонятно. Глубже, глубже, в подземное царство мертвых.

Шея, как нитка, держащая воздушный шарик – голову. Она существовала отдельно от тела. Я мог завязаться морским узлом или вытянуться геометрическим вектором. Я лежал под землей, окруженный привычными для столяра предметами – досками, гвоздями, различными инструментами, канистрами с клеем и растворителем. Было понятно, что под землей ход вещей не может быть таким же, как снаружи. Должно быть характерное отличие от того, что происходит на поверхности. В задумчивости я взял с верстака здоровенный тесак и оттяпал себе член по самое его основание. Не было никакой крови – хер оказался обыкновенной сосикой, чей розовый срез красовался теперь в паху. Я пытался приставить его обратно, приклеить, но ничего не получалось.

Я лежал под землей с отрезанным членом в руке, блаженствуя, сам не зная от чего. Деревянные стенки приближались все ближе, потолок опускался, пол поднимался. Пространство сужалось, уменьшалось. Пахло свежеспиленной березой, я сам не заметил как очутился в гробу и стал задыхаться. Руки уперлись в доски, слова уперлись в горло, оставив взаперти вопль о помощи. Извиваясь, как стриптизерша на шесте, я пытался выбраться наружу, бил ногами в торец гроба, как били в кимвалы доведенные до экстаза древнегреческие трагики в финале пьесы. Я чувствовал, что кислорода остается все меньше и меньше. Маслянистые капли падали на лоб, стекали по щекам к затылку, покрывая лицо пленкой, оборачивали меня мокрым полиэтиленом. Две теннисные ракетки легких отбивали мячики спазмов. Глаза затягивало туманом, сигаретным, едким.

На утро Коля вынул меня из-под прилавка. Я блевал желчью, трясся и глотал воздух. Приходил в себя несколько суток. Ночью боялся заснуть.

По жизни я не страдаю клаустрофобией. Тот жутчайший трип трансформировался со временем в легкий страх лифтов. Я спокойно воспринимаю их туалетное пространство. Но каждый раз перед глазами проносится одна и та же картина: пол в лифте отрывается, и я лечу вниз, по тонкой кишке шахты на самое дно. Заходя в лифт, я ищу глазами какой-нибудь выступ, чтоб ухватиться, затем смеюсь сам над собой, но чувство опасности уже неискоренимо в моем сознании.

Несколько месяцев прошли как во сне. Я просыпался в мастерской, ехал в училище (с Черной речки на Дальневосточный проспект), где принимал эстафету наступающего дня. Перед отъездом во взрослую жизнь, почки мои присели отдохнуть – на дорожку. Мне стало больно нагибаться. Кто-то сажает деревья, кто-то зэков, а я в восемнадцать лет посадил почки. Ни водка, ни таблетки, ни трава меня не радовали. Маша все больше отдалялась. Жизненные ценности девальвировались. И никакого выхода. Тупик.

Часть вторая

Суводь

Отрезок нулевой

Мама научила печь пироги. Наиболее успешным в моем исполнении оказался лимонник. Стандартные компоненты, пара лимонов, пара рук, растущих из нужного места, – и пирог получается отменный. Частенько, приходя в гости, я заглядывал в холодильник, в пенал, где бабушки хранят муку в железных банках, производил в голове незамысловатые подсчеты и произносил:

– Не хватает маргарина.

После чего производился досмотр содержимого карманов, набиралась нужная сумма, и кто-нибудь отправлялся в магазин за дрожжами или сахаром.

Мне доставлял удовольствие сам процесс. Поменяться ролью с женщиной в переднике – подневольной советских кухонь (с точки зрения специалистов, изучающих гендерные проблемы) и произвести на свет изделие, отличное от табуретки или шкатулки, которые я изготовлял когда-то в большом количестве. Погружение рук в тесто – три не-чно: непривычно, необычно, нелогично.

Конечный продукт набухал древесной почкой в духовке, вызревал под чутким наблюдением шеф-повара Павлика. Я тыкал вилкой мягкое, слоеное пузо, чтоб лимонное нутро могло дышать. Французское тесто слегка поднималось и оседало, как девичья грудь перед атакой мужской похоти. Изделие извлекалось из раскаленной газовой печки, аромат расползался по квартире, как туман. Тут же над готовым продуктом начинали кружить проголодавшиеся гости, потому что процесс его выпечки занимал часа два.

Таким пирогом я хотел порадовать девушку, которая работала промо-герл, простаивая по четыре часа в день в универмагах и предлагая кастомерам ликер «Бэйлис». У нее были рыжие волосы и удивительно мягкий характер. Промо-герл училась в «Тряпке» проектироть людскую одежу. Частенько мы с ней прогуливались по стылому городу, захаживая в различные клубы. Помню поход в «Арт-клинику», где играла группа «Ленинград».

– Ты знаешь Леля, Леля, Леля, фотографию твою, я на груди, как партбилет храню, – надрывался Вдовин, облаченный в тельняшку. «Чистяков слился, но дело его живет», – подумал я и оказался не прав, поскольку Федя не изрыгал столько мата, сколько несется ныне из глотки Шнура. С Вдовиным матюгов как

будто меньше было. Хотя какая разница.

Мы инспектировали Марсово поле на предмет впечатлений, жарили взгляды на вечном огне и грели замерзшие носы. Каждый год здесь травятся газом с пяток человеков. Таких, как те волосатые парни, гревшиеся по центру братской могилы с пятилитровой пластмассовой канистрой, на дне которой плескалась жижа цвета ржавчины. Я думал пиво, ан нет – коньяк. Домашний. Парни оказались балерунами. В их глазах проглядывало недостающее содержимое пластмассовой тары.

Выпив с промо-герл по колпачку коньяка, мы уселись на железные решетки, которые раньше стояли возле палящей тумбы. На них сознательные граждане складировали венки. Решетки выглядели как жаровни для барбекю. Балеруны, с волосатостью на голове не меньшей, чем у Джимми Пейджа, долго доказывали, что они классные танцоры, хотя мы с промо-герл не дали им ни малейшего повода усомниться в этом. Один из них, чтобы доказать, что ему, как танцору, яйца не мешают, раздвинул ноги-ножницы и сел на шпагат, растянув свои нижние конечности от одной жаровни до другой. Завис в воздухе, как Троицкий мост, таранящий Дворцовую набережную, до которой от Марсова поля сто шагов. Публика в количестве двух человек восхищенно зааплодировала. Представитель изящных искусств попытался встать, но его ботинки провалились между прутьями, и он застрял. После чего балерун опрокинулся назад, угодив головой в газовую конфорку вечного огня. Я еле успел вытащить его оттуда. Волосы малость подпалились. Теория о Боге, берегущего пьяных, очередной раз подтвердилась.

В один из весенних дней мы договорились с промо-герл поехать ко мне. Я подписал на мероприятие Жеку с подругой. Что-то у меня не срасталось, настроение было ниже уровня моря, и я уже предвкушал вечер в компании приятных личностей. Промо-герл готовила коллекцию к конкурсу «Адмиралтейская игла», вкалывала иголки в ткани. Я позвонил ей домой, и она соорудила в разговоре брустверизвинений, из-за которого ее уже не смогли достать атаки моих уговоров. Бо-бо в сердце, облом в паху.

Пьяный праздник, не то девятое, не то первое мая – когда не работают и бухают. В метро ехала толпа, перегруженная пивом и водкой. Я терся о спины тех, кто узрел в небе разлетающиеся в разные стороны цветные искры – примитивную наркоманскую галлюцинацию. Все, что выходит за рамки обычного, мы привыкли называть салютом. Он только что закончился, и народ ломанулся под землю, чтоб добраться до телевизоров и алкогольных заначек.

У станции метро «Проспект большевиков» юлил Жека.

– Павлик, тут столько телок!!!

Я поведал ему о мировой скорби, которой были наполнены мои мысли. Амальгама депрессии, похуизма и злости. Жека предложил выправить ситуацию right here right now, познакомившись с отдельным индивидуумом в юбке, которых было полно среди тех, кто покидал здание подземной железной дороги. Предложение меня не устраивало никак, мне хотелось тихого праздника в узком, почти семейном кругу. Я отправился на поиск лимонов.

Ларьки изобиловали бутылками и чипсами. Лимонов не было. Я обошел все торговые точки в пределах досягаемости моих ленивых ног. Но это было все равно, что попытаться найти здесь инструкцию по эксплуатации автомобиля «ВАЗ».

Приехала белорусско-еврейская бодрость Инночка с волосами цвета шиномонтажки. Знаток дендрологии и мужских фобий. От нее исходили волны веселья, абсолютно некогерентные тем, что излучали мои зелки. Зелки прикрывали капоты ресниц, обслюнявленные слезами зевоты. Втроем мы погрузились в машину и поехали до ближайшего магазина. Цитрусовые отсутствовали, избавляя аллергиков от соблазна. Удалось выкопать в латке с яблоками один прохудившийся лимончик. Он был грустен, как и я. Как будто его уже нарезали, помакали в чай, потом высушили, склеили и покрыли желатином. Пришлось возвращаться к метро.

Проходя мимо автобусной остановки, я рефлекторно предложил стоявшей неподалеку барышне подбросить ее до пункта назначения. Барышня отвернулась, но когда я, найдя таки еще один цитрусовый желток, держал обратный путь, она преградила мне дорогу своим согласием. Вместе мы уселись в машину, я предложил ей присоединиться к нашей компании, но это не вызвало у нее энтузиазма. Энтузиазм появился спустя пять минут, когда мы подъехали к нужному ей перекрестку Искровского проспекта и улицы Дыбенко, где находится рынок, занимавший тогда шестое место в Европе по обороту наркотиков. Здесь барышня произнесла анемичным голосом:

– Может, ты меня уговорил?

Когда мы выгрузились из автомобиля, зашли ко мне на кухню и включили свет, стало понятно, что у моей новой знакомой кошки на душе выскребли остатки интереса к жизни. Бывают лица, на которых отпечатывается недавнее переживание, оно проступает, как водяные знаки на облигациях, стоит только усилить свет. Переживание не из разряда женских заморочек «у меня сломался ноготь», а нечто более серьезное, с могильным

душком.

Барышню звали Катей. Голубые аквамариновые глаза – единственная яркая метка на лице, все остальное не запоминалось. Возраст – три по десять, юбка обрезком плиссированной трубы, светлая блуза и взгляд, потухший, как сигарета. Стало понятно, что без водки не обойтись.

С Жекой мы сгоняли к метро, купили на редкость неудачный бутлегерский продукт (настоящую водку в моем районе тогда было днем с огнем не сыскать). Она выпила денатурат в одиночку, словно это был чай. До пирога дело не дошло. Пришлось смириться с тем, что коитус отпадает. Как-то неловко трахать девушку, находящуюся в горе. Очевидность данного умозаключения настигла меня заполночь, когда компания уполовинилась, и на кухне остались только мы с Катей. Но, оказавшись в кровати, я даже выдохнуть не успел, как мою поясницу скрепили женские ноги, защелкнув замок в виде двух лодыжек.

– Давай колись, – вытряс я фразу из своего пересохшего рта, после того, как противозачаточные средства употребились по назначению.

– Колись? – ухмыльнулась она, и только тут я заметил норы для иглы, которыми изобиловали ее руки.

Катя ждала ребенка. У ее мужа Егора был друг Андрей, который влюбился в Катю еще до свадьбы. Дела коммерческие – сеть ларьков, общение с братвой слабого посола, редкие командировки на тот свет дальних знакомых за неотданные вовремя долги. Муж с другом мутили новую затею, которая должна была принести немалые барыши. «Крыша» все их подвижки наблюдала в стороне, давая семенам прорости, дабы потом собрать урожай. Затея пустила корни. Муж взял кредит в банке и открыл один из первых магазинов «Интим». Продавал резиновых женщин парням, побывавшим в горячих точках и удобрившим тамошний грунт компостом своих ног, оторванных минами. А так же тем инвалидам, которым живые бабы не давали, а резиновые никогда не отказали бы. В российском обществе такой деликатной проблеме никто никогда внимания не уделял. Люди с ограниченными способностями, как их называют в Европе, у нас живут урывками: выбивают что-то из благотворительных фондов, но, как правило, это костыли, коляска или денежные суммы, такие же мизерные, как их социальный статус. А Егора мамы и бабушки солдатенков, прошедших Чечню, на руках носили. Без женской дырки те стонали и выли, как мартовские коты, которых добропорядочные хозяева не выпускают на улицу, подумывая: «А не сходить ли к

ветеринару». На голом онанизме далеко не уедешь. А так пусть не стопроцентный секс, но хоть какое-то подобие. При этом Егор не строил из себя добродетеля. Для него это была незанятая никем ниша в калейдоскопичном мире предпринимательства. Другие нувориши открещивались от подобных махинаций, предпочитая торговать кроссовками, унитазами и компьютерами. А он не гнушался. Делал свое дело.

Друг Андрей поначалу был пайщиком, но, перед самым стартом испугался изнуряющего марафона и нетрадиционного бизнеса, и сошел с дистанции. А у напарника, к его удивлению, все стало получаться, несмотря на экзотический метод наживы. И Андрей отдал свою долю «крыше», которая спустя некоторое время довела Егора до состояния резиновой продукции, которой он торговал. Катя уговаривала мужа продать дело, но вместо этого Егор нашел на складе веревку покрепче и вздернулся прямо у себя в офисе. На следующий день у Кати случился выкидыш.

После похорон Егора Андрей начал заявлять о себе. Сначала в монотонном режиме. В Катин адрес поступали упреки о том, что это она довела своего мужа до самоубийства. Упреки перемешивались с требованием посетить Андрееву квартиру. Нытье продолжалось месяца два. Он звонил каждый день, и в этой стабильности проглядывалось что-то нездоровое. Затем тон разговора изменился, Катя стала получать в свой адрес эпитеты, которыми награждают публичных девок. К требованию приехать присовокуплялись угрозы о том, что в один прекрасный момент он сломает ей нос, выпорет ремнем, как последнюю суку, будет держать дома на поводке и кормить собственным калом. Катя пробовала не отвечать на звонки. Он звонил на работу, где ей приходилось молча выслушивать словесный понос, дабы начальство не проявляло интерес к происходящему в ее личной жизни. Она все чаще ездила на могилу мужа, пока как-то раз не обнаружила надпись на надгробном камне: «Шлюха, эта смерть на твоих плечах». Кладбищенское графити вывело ее из себя, она написала заявление в милицию, но там посчитали, что повода для разбирательств нет.

Катя начала потихоньку пить. Потом поняла, что этот метод отдохновения от действительности не спасает, и позвонила давнему знакомому, который промышлял торговлей лекарств от депрессии. Катя закупила в аптеке шприцев и приступила к процессу трансформации своего настроения. Каждая внутривенная инъекция приносила облегчение страданием, весь вопрос состоял в том, как прожить промежутки времени между уколами. Андрей не переставал звонить.

Может, в другой период жизни она бы смогла переломить

хребет создавшейся ситуации. Но смерть мужа и смерть ребенка, довлеющие над ней, непрекращающаяся депрессия и погружение в мир опасных грез сделали свое дело. В один прекрасный момент она завязала волосы и нервы в пучок, оделась попроще и поехала к Андрею в Веселый поселок, готовая быть искалеченной, изнасилованной и утопленной в реке Оккервиль. Действовала она с автоматизмом лунатика, мало понимая суть происходящего. Впереди вырастала ночь, несущаяся со скоростью «Формулы-1». Стоя на остановке, она ждала икарусную гармошку сто восемнадцатого автобуса, пока мимо не прошла последняя буква русского алфавита с лимоном в руках.

Мы встретились через полтора года в трамвае. От сомнамбулизма не осталось и следа. До Андрея она так и не доехала. Та ночь, что она провела у меня, стала клином, который вышиб другой клин. Спустя два дня после нашего с ней непродолжительного общения, Катя познакомилась в баре с молодым и горячим работником силовых структур. Тот съездил к Андрею и сделал с ним примерно то же, что Андрей обещал сделать с Катей. С инъекциями она завязала.

Часть третья

Вверх против течения

Отрезок первый

Взаимоотношения с армией начались как у всех. В чреве почтового ящика с выломанной дверцей покоился лист бумаги весом с бетонную плиту – повестка. Ловцы солдатского жемчуга вскрывают раковины квартир таким вот цивилизованным способом. Мне нанесли превентивный удар, стандартный для любого шестнадцатилетнего гражданина РФ.

Утренник обещался быть омедициненным и унылым. Пришлось отправиться в военкомат, прикрыть пол-лица офтальмологическим картонным кружком, идентифицируя черные букашки, изображенные на тест-плакате. Букашки замаскировались под шрифт. Прислушаться к шепоту ухо-горло-носового доктора, повторять за ним цифры второго и третьего десятка. Подставить чашки колен под молоточек у невропатолога. Дать полюбоваться подростковой писей у хирурга. Получить на финише у терапевта вердикт «годен», тяжкий, как известие о наличествующем в организме сифилисе. Приписаться.

После окончания трех положенных курсов в Российском художественном лицее мне светил дополнительный четвертый, после которого я становился мастером инкрустации и резьбы по дереву, и мог поступить в «Лесопилку» без экзаменов. Возникли планы поехать в страну сосисок и бюргеров и там производить изделия под маркой Hand Made. Обратите внимание на днища фарфоровых чашечек в магазинах. НМ – две маленькие печатные мандавошки, увеличивающие цену изделия в десятки раз. Мастер говорил о румынских капентерах, поставляющих на европейский рынок конкурентоспособную мебель. Приводил примеры бывших советских граждан, его сподвижников в деле потребления водки, ныне оприходованных западным капитализмом, которые владели частными мастерскими в Праге и Берлине.

Наша столярная группа готовилась произвести на свет незаурядные курсовые работы: резные трюмо, инкрустированные шкафы с гнутыми дверцами, шкатулки в виде слонов и бегемотов, в животе которых девочки могли хранить колечки, сережки и прочую бабью тряхомудию. Мы ездили по музеям, протаптывали тропинки на зеркальном паркете исключительно ради старинной мебели. Срисовывали понравившиеся модели, штудировали каталоги, бодали сверстниц Гагарина, ставших музейными смотрительницами, профессиональными вопросами, на которые они не могли ответить.

Мастер с апломбом телеведущего ОРТ объяснял, что со

времен Екатерины II в мебельном производстве мало что изменилось (если не брать в расчет убогие кубики современных «стенок» – плоды конвейера). Некоторые секреты столяров прошлого либо утеряны, либо никого не интересуют. Все клеи производились из натуральных компонентов из-за чего мебель, ставшая антиквариатом, по-кремлевски нерушима, в отличие от табуреток и стульев, слепленных на советских заводах.

– Ты знаешь, как собрать остов кровати, чтоб она не скрипела каждый раз, когда трахаешься? – спрашивал мастер, и тут же продолжал. – А они знали. Попробуй-ка царскому вельможе сделать лежбище, которое стонет каждый раз, когда на него ложишься – тут же голову оттяпают.

Он принес в мастерскую четыре доски, зашипованные хитрым образом, и при помощи молотка (никаких гвоздей и шурупов) собрал каркас для будущего матраса. Мы скакали по нему всей группой – доски молчали, будто и не сосна это была, будто не поскрипывала она, стоя в лесу, колыхаемая ветром.

С таким запалом хотелось сделать напоследок что-то стоящее. Да и не на последок. Мастер непрозрачно намекал, что четвертый курс нашего училища (эксперимент лицейского начальства) станет для меня путевкой в жизнь. С трех групп планировалось выбрать восемь человек, и получить из этой сыворотки особый продукт – не только высококлассных краснодеревщиков, но и подготовленных абитуриентов. Учебе отводилось чуть ли не первое место, что несвойственно для СПТУ.

Я был главным кандидатом в привилегированную компанию тинейджеров-четверокурсников. Но поступать в институт не собирался. Сразу после училища планировал начать работать, влиться в поток людей, чья общность образует родительские представления о самостоятельности. В любой профессии есть высший эшелон, и попасть в него можно только за счет наглости, упорства, профессионализма и таланта. В журналистике это глянцевые и деловые журналы, куда заказан вход отформатированным репортерам из ежедневных многотиражек. В столярном деле – это люди, которые не вкалывают на фабриках, производя за месяц немыслимое количество скамеек или кухонных столов. Это те, кто сидят дома с набором ножей и стамесок, или где-нибудь в арендованном подвале с парочкой портативных немецких станков (и станки эти могут хоть сверлить, хоть строгать), и выдают на гора замысловатый шкафчик, стоящий больше, чем весь интерьер в квартире среднестатистического работяги. Это ваятели опилочных масс, зодчие стружечной пыли.

Поперек моих радужных планов лег шлагбаум президентской прихоти. Теннисист Ельцин издал указ о досрочном призыве в армию. Всех членистоучащихся среднеобразовательных заведений выпускали не летом, а в феврале, чтобы они подпали под весенний призыв. В институт поступить никто не успевал. Всю группу с третьего курса отправили в свободное плавание прямо в пасть вооруженных сил РФ. Она клацнула где-то над ухом, эхо этого звука отдавалось по всему городу в виде молодцев в метро, которые вылавливали зазевавшихся клиентов первой чеченской кампании. Столярные выкрутасы пришлось задвинуть, и покорно сделать курсовые работы из ДСП. Заурядная, как выходки первого российского президента, которые уже перестали удивлять кого бы то ни было, наскоро сварганенная бытовая мебель пришибла полет фантазии.

Я принял условия конспирации, заклеймив себя пятном изменника Родины. Когда случалось ночевать дома, и в пять утра в дверь звонились охотники на новобранцев с криком: «Откройте, милиция!», папа посылал их в область анального отверстия, и дверь не открывал. Я косил. Косил надежды моих потенциальных сатрапов в погонах.

Отрезок второй

Ее звали Таня, а его Костя. Таня работала в женской консультации, Костя, ее муж, хирург по образованию, начинал заниматься коммерцией, торгуя медикаментами. К Тане ходила моя Маша со своими женскими вопросами тире проблемами. Я обшивал деревом в их квартире стены, шкафчики, двери, которые сам же и изготовил. Наполнял жилое помещение сосновыми щупами, тонкими, как шоколадная плитка. Длинные дольки желтой древесины преображали кухню. Кропотливая работа, несложная, но изнуряющая.

Когда армейский вопрос предстал во все красе, Костя договорился с кем-то из небожителей Мечниковской больницы, и меня положили туда на обследование. О том, что я «левый», знал только заведующий отделением. Для остального персонала я был пациентом, рядовым, как армейский новобранец.

Мое тельце мутузили по полной программе – анализы всех видов, гастроскопия (глотание длинного техногенного члена с видеокамерной залупкой), комариное высасывание крови из вены через день. Когда я пожаловался какой-то врачихе на то, что при нагибании испытываю боли в пояснице, она, посмотрев поверх очков на мой бухенвальдский торс, констатировала с беспристрастностью гиппократовского клятвенника:

– Почки опущены. Качай пресс.

В палате лежал овощ по имени Николай, который ухлестывал за медсестрой. Почему-то он выбрал меня в качестве исповедника, испражняясь отходами слов, от которых уши даже не вяли – они обесточивались, повисали как два лопуха. Монологи не прекращались полночи, его не трогал нарочитый храп, который я имитировал с мастерством Джека Николсона. Спикер брал пример с шума прибоя в морской раковине, не замолкая ни на секунду.

В один из дней я подошел к медсестре и шепнул:

– Правда, что у тебя лобок зеленый?

Это был единственный факт, запомнившийся из всего безинформационного потока, который исходил из николаевских уст. Забава с медицинским подтекстом – выкрасить лобковый чуб так же, как мы красили волосяные побеги головы в Астрахани. Я рассчитывал на то, что сестра с приставкой «мед» сделает соответствующие выводы по поводу человека-шарманки, названного в честь покровителя российских моряков, с которым ее угораздило закрутить роман, поскольку он рассказывает мне

такие интимные подробности. Но она воззрилась на меня проспиртованными зелками и влепила смачную, с оттягом пощечину. А на следующий день пришла извиняться, напоила чаем с кексами.

Ночью я спал крепко, так же крепко, как какают борцы сумо. Проснулся, пошел в гальюн, достал свой прибор и чуть не вскрикнул. Он был зеленый. Падла подсыпала снотворное в чай и продезинфицировала мне промежность. Наверное, в пионерском лагере ей было не избавиться от привычки мазать зубной пастой обитателей соседней палаты. Я ждал выписки с нетерпением зэка, которому осталось отсидеть пару дней из десяти лет. Час пробил, в карман легла справка-отмазка, прощайте лазаретные харчи.

Радетели в белых халатах не доглядели, не проявили бдительности. Когда я явился в военкомат, тамошний хирург плавно, по-черепашьи, подвел меня к итогу больничных мытарств:

– Дорогой мой, с такими болячками как у тебя, у нас пол-армии.

Таня, узнав о проколе, постановила:

– Запихну тебя в «Бонч».

Она, помимо, женской консультации, работала еще в поликлинике при ПТС, или хрен его знает, при чем. Лечила преподавателей нынешнего Университета телекоммуникаций от деликатных болезней. Гуманитарию не место в техническом вузе, я отказался от Таниной услуги. Решил поступать в Институт культуры, куда, следуя народному поверью, ходят дуры (ЛенБабСбыт, или как там его называют). Потом решил поступать в Театралку. Потом в Университет на истфак. Потом стал судорожно соображать, где есть военная кафедра. А потом Таня, когда я в очередной раз был у них дома, узнав, что воз и ныне там, сняла трубку, тыкнула семь раз в кнопки и произнесла:

– Тут у меня ОЧЕРЕДНОЙ племянник собрался к вам.

Был у меня шарик для гольфа. Пупырчатое белое яйцо с поверхностью, как у вафли, идеальной круглой формы, довольно увесистое. Пальцевое счастье, вертящееся в руке. Буржуи, облаченные в белые одежды ангелов, с хитросплавленными клюшками из разных металлов, шпыняли его, гоняли по зеленым пастбищам, где пасутся миллионеры. Четки успокаивают нервы монахам. Шарик заменил мне четки. С ним я чувствовал себя спокойнее. В тот день по пути к Тане шарик выскользнул из рук и закатился под машину. Достать его не было никакой возможности. Равно как не было никакой возможности избежать армии. Жизнь повернулась задом и пернула что есть мочи. Запах уныния и обреченности донесся из ее крупа.

– Тут у меня очередной племянник собрался к вам поступать.

Таня даже не соотнеслась с моими желаниями. Перед ней сидел восемнадцатилетний оттопырыш, жующий сопли по ходу пьесы, не предвещающей ничего хорошего после того, как опустится занавес. Если бы меня не поставили перед фактом, я бы и дальше увязал в абитуриентской топи, пока б не провалил все экзамены.

– У них есть военная кафедра, – резюмировала она свой телефонный диалог с неведомым мне деканом. – Выпустишься, станешь начальником телефонной станции – не так уж плохо. Приедешь на экзамен по математике (назвала дату).

Если к Тане я шел в горку, то от нее с горки катился. Возле выхода из станции метро «Владимирская» на асфальте промеж ребер люка глаз еле различил абрис чего-то круглого. Есть такой старый анекдот, как мужик просыпается после запоя на полу в собственной квартире, где из мебели остались лишь шкаф да табуретка – остальное пропито. Пребывая в подавленном состоянии неопохмелившегося алкоголика, он достает веревку, встает на табурет, делает петлю и закидывает веревку на крюк, некогда служивший зацепом для люстры. И тут обнаруживает на шкафу стакан с недопитой водкой и сытный хабарик. Слезает с табуретки, выпивает водку, закуривает хабарик.

– А жизнь-то налаживается!

Шарик вновь коснулся пальцев. Уличная грязь стекла на ладонь, заляпав биссектрису линии судьбы. В институт я почти поступил.

– А жизнь-то налаживается!

Старание быть честным заставило слегка выпятить грудь и предпринять подготовку к вступительным тестам. Попытался что-то вспомнить из математики, нашпаргалил подпольных листовок размером со спичечный коробок. Посетил предварительную консультацию, после которой стало понятно, что ось икс предстоящей учебы не пересекается с осью игрек моих эспэтэушных знаний.

На экзамене старательно пытался извлечь из мозга интегралы, чтоб они проступили, как проступает из-под кожи вена на сгибе локтя посредством сгибания и разгибания кулака. Но как участник героиновых битв не в состоянии обнаружить у себя на руке хоть один синий проблеск кровяной жилы, так и я не выудил из головы ни одной формулы для пяти заданных задач.

Через несколько дней позвонила Таня, сказала, чтобы я срочно связался с деканом. Я связался. Было велено безотлагательно приехать в главный корпус «Бонча». В маленькой комнатке, выходящей окнами на Мойку, декан изъял из макулатурной стопки мою работу, порвал ее и выкинул бумажные

ошметки в ведро.

– Сиди здесь.

Он вышел, оставив меня в полном, так сказать, недоумении. Через пять минут в комнату вошел один из тех преподавателей, что контролировали нас во время экзаменов на предмет списывания.

– Ваша работа, молодой человек, меня немало удивила.

С брезгливостью чистоплюя, дающего подаяние запаршивевшему циганенку, он положил на стол два листа – один чистый, другой исписанный математическими криптограммами.

– Здесь правильные варианты, все пять штук. Напишите четыре, не наглейте.

Написал четыре. Не наглел. После чего пришел декан, взял лист с моими ответами и унес с собой.

На экзамене по физике я не пытался корчить из себя юного Эйнштейна – просто оставлял пропуски там, где не врубался в суть проблемы. На следующий день в той же самой комнатке, где мне завизировали баллы за более чем скудные знания одного из самых важных в техническом вузе предметов, я вписал в пробелы недостающую информацию.

Сочинение написал сам, набрав десять баллов из десяти, убедившись окончательно, что стезя гуманитария была бы предпочтительней. Но менять что-либо было уже поздно.

Отрезок третий

«В последнее время в ряде газет и журналов появились весьма разноречивые материалы по культуризму. И хотя ясно, что культуризм – это чуждое нам явление буржуазной культуры некоторые авторы пытаются найти в методике наращивания мускулатуры и в конкурсах красоты нечто рациональное. Более того, даже предлагают использовать это в практике нашего массового физкультурного движения. Мне приходилось не раз беседовать с молодыми людьми, увлеченными идеей использования физических упражнений для улучшения телосложения. Эти люди полагают, что нужно прежде всего обратиться к опыту культуризма (с ним у них знакомство через десятые руки – прочитали пару статей в наших журналах). Они рассуждают примерно так: конечно, в западных странах культуризм идет по неверному пути, на нем сказывается буржуазное влияние, очень многое в культуризме плохо и нам не годится. Но почему бы не отбросить все то, что в культуризме нам идеологически чуждо и взять из него, так сказать, рациональное зерно, создав наш, советский культуризм. Некоторые дипломатично предлагают: можно и назвать как-нибудь иначе, дескать, дело не в названии»

(«Советский Спорт», 23 марта 1963. Статья «Нам

чужд культуризм». Автор В. Зациорский кандидат педагогических наук, мастер спорта).

Институт не дал знаний. Он дал нечто другое, в тот момент более ценное. Смена обстановки явилась лучшим подспорьем для смены образа жизни. Институт стал для меня спортом. В этом заключался мой личный опыт высшего образования.

Поскольку я жил недалеко от проспекта Большевиков, то известие о том, что первые два года придется учиться на соседней станции метро, стало подарком к началу студенческого существования. Возле улицы, названной в честь любовника Коллонтай, был выстроен филиал «Бонча», дом-корабль непонятного цвета. Это северо-восточная окраина Питера. С одной стороны улицы Дыбенко торчат железобетонные свидетельства цивилизации, с другой начинается лес, и если идти по нему долго-долго, то выйдешь не к Африке, как следует из песенки менструационной шапочки, а к Мурманску. Вход в Бонч со стороны Мурманска. Архитекторская ли это новация, поставить избушку к народу задом, к лесу передом, или обыкновенное русское распиздяйство – спросить лучше у автора проекта.

В военкомат я шел с опаской. Как-никак почти полгода пробегал.

– В Бонч, значит, поступил? – встретил меня в окошке старый хрен, хромающий на одну ногу, мечта которого, чтоб все строем ходили. – Ничего, у меня там в военном столе старый кореш работает, мы тебя быстро оприходуем. Вылетишь на первом же семестре, так что еще увидимся.

Давай, папаша, блефуй дальше. Ногу тебе танком отдавило, или по пьяни с лестницы сверзился?

До первой сессии я жил в полном неведении, что поступил не на тот факультет, на который метил изначально (название кафедры ни о чем мне не говорило). Мы представляли собой экспериментальный поток будущих бакалавров. Никто понятия не имел, что такое бакалавр в русской интерпретации, включая многих преподавателей. Учиться предстояло четыре года. Весь учебный процесс свелся к утрамбовыванию знаний, которые следует вдалбливать в студенческие головы в течение пяти лет. Галопом по Европе, где бакалавриат и магистратура древнее города Питера. Профессора относились к нам как к второсортным ученикам. Мне это было только на руку. Карьерный рост в

области радиосвязи, радиовещания и телевидения (так назывался факультет) меня не интересовал. Покажите Павлику транзистор и резистор, и Павлик не угадает, что из них что.

Здоровенное здание Бонча с огромными холлами, по которым можно было рассекать на велосипеде (чем я впоследствии и занимался) приняло очередных соискателей на звание «Человек с в.о.» Некоторые мои одногруппники раскуривали косяк на пятерых, пытаясь словить положенный в таких случаях легкий приход в виде смехопанорамы. Операция производилась с восторгом неофитов, познающих прелести нового учения о кайфе жизни. Большинство из них пыталось законспирировать свою неосведомленность в вопросах, связанных с методами одурманивания сознания. Вырвавшись из-под родительского крыла, вкушая блага, последовавшие за актом освобождения, они задавали вопрос:

– Будешь?

Даже не смешно. Три года назад, когда эти деятели клеили себе на стены постеры с портретом Майкла Джексона и Сильвестра Сталонне, я ползал по астраханским полям, отнюдь не в качестве энтомолога.

Как в любом новом коллективе, люди присматривались друг к другу, пытаясь угадать, с кем предстоит общаться в ближайшее время. В отличие от училища, здесь я не выпендривался, и свои «лидерские качества» (как принято выражаться в некрологах) прятал, как мог. Вопрос о старосте группы проигнорировал. На ближайшие четыре года связал себя с двумя мальчиками Димами, высокими, как и я, лбами. Как и я, малоинтересующимися учебным процессом. Один из них привел меня в тренажерный зал.

Отрезок четвертый

«Твое дело какое: твое дело зарядку делать, – операция выживание, друг, динамические нагрузки, вот ими и занимайся, заботься об организме, об организме заботься, накачивай долбанные мышцы, не отчаивайся, а проси о большем, проси о большем, сражайся, жми дальше, вот твое дело»

(Джеймс Келман. «До чего ж оно все запоздало»).

В самом начале семестра я стал усиленно размышлять, как бы мне стать, э-э-э, мужчиной. Чем бы себя изнасиловать, дабы познакомиться с силой воли. Эта капризная дама предстала передо мной, как испорченная погода перед синоптиком. Не важно, какой путь избрать, важно, насколько ты готов к повороту событий. Штудируя труды по истории Древней Греции и Рима, я осознал, что людские интересы мало изменились с тех пор – секс, еще раз секс, и экшн. Одной из составляющих экшена был бег во всех его проявлениях, будь то нарезание кругов внутри Колизея, или прополка копьями персидских грядок, с произрастающими в них сарациновыми сорняками, и как следствие забеги на полях сражений вслед за противником.

В одно прекрасное утро я надел на ноги кеды и выбежал во двор. Сделав несколько кругов вокруг небольшого жилищного комплекса, приполз домой. Наркоманская тушка, извлеченная из-под никотино-алкогольного панциря, было готова для окончательного свежевания, приносящего избавление от жизни. Стоя под душем, я прислушивался к ощущениям. Если бы не мозг распоряжался действиями таких конечностей, как руки, а, скажем, печень и селезенка, то они бы вытянули указательный палец и покрутили им у виска.

«Качай пресс». Врачихина фраза, словно торчащая из подушки иголка гусиного пера не давала спать спокойно. Я даже не задумывался о технологической стороне дела – каким образом при накачке пресса восстанавливаются почки. С уверенностью

человека, знающего таблицу умножения, я пришел к выводу, что рано или поздно придется заняться столь необычным для себя процессом.

Дима И. был на вид средних размеров полотняным шкафчиком с фрамугами рук и консолями ног, с блондинистым, ровно остриженным газоном, покрывавшим затылок. Предложил растянуть девочку-штангу на двоих. В подвале «Бонча» был зальчик, убогий, как привокзальный сортир, но уютный, если не сказать, душевный. Позитивную роль играло то, что на тренажерах пыхтели такие же студиозусы, как и я. Самое тяжелое для новичка – побороть комплексы, возникающие в связи с осознанием состояния своего тела на фоне здоровых мускулистых хряков. Долгое время в такие залы ходили «качки» – не было никаких фитнес-центров, где можно встретить и пузатого колобка, и шнурка о двух ногах, на котором болтающиеся спортивные трусы пародируют гюйс на флагштоке во время штиля. Только что прибывший мальчик с пальчик знал, что ему придется коммуницировать с людьми, больше похожими на откормленных бычков. И хоть никогда я не сталкивался с недоброжелательностью со стороны завсегдатаев культуристских заведений, где-то под коркой основных сведений о бытие у любого человека лежит боязнь косых взглядов, которые будут кидать на него господа с рельефными торсами. Это – тормозной башмак, из-за которого состав, включающий в себя такие вагоны, как характер и желание достичь намеченной цели, никогда не покатится по рельсам спорта у большинства представителей сильной половины. Попросту говоря – это психологическая трусость, присущая большинству мужчин, в чем они не спешит сознаться. А в умах интеллектуалов неискореним стереотип о том, что человек со штангой – дебил. Они готовы бравировать своими знаниями в искусствоведческих статьях, сублимируя порой таким образом элементарный недостаток физической силы.

Я в семнадцать лет – раб устойчивого понятия: любая активная деятельность мозга сопряжена с обильными возлияниями понятно каких жидкостей, курением как таковым и курением чего-либо отличного от табака, потребление чая литрами во время беседы о «Розе мира» Даниила Андреева или о пресловутом Ницше. Траханные мастера мысли. Вечные разговоры в дыму гашиша, бравирование количеством прочитанных философских трактатов и употребленной наркоты. Обсуждение глюков и приходов. Все это, сидя на кухне с сигаретой в зубах. Все это – комплекс действий и предписаний к тому, как надо жить. Михаил Сапего, директор издательства

«Красный матрос», митьковский кореш, назвал мне необходимый набор качеств для интеллигента 80-х: предрасположенность к алкоголизму, стойкое диссидентское восприятие мира, наличие интеллекта, интерес к искусству. Вся диссидентская литература пронизана одами портвейну и похмелью. Похмелье стало настоящим ритуалом, придерживаясь которого человек борется с устоями жизни.

Был и другой немаловажный момент. Ситуация складывалась проще некуда – быки слушают Алену Апину и Шуфутинского, продвинутая молодежь все остальное: от Doors и «Аквариума» до Sex Pistols и Cannibal corps. А подобная музыка никак не предполагает спортивного образа жизни. Сдохший Мориссон. Сдохший Сид Вишес, который приближался к смерти со скоростью ракеты «земля-воздух». В одном кабаке добропорядочный папаша, узнав, что за соседним столиком сидит безумный Сид, затушил сигарету о свою руку. Мол, могешь так, парень. Вишес вынул нож и полоснул блестящим лезвием себе по запястью. Кровища не заставила ждать. А так, мол, могешь? Папаша вместе со своим семейством срочно переместился на улицу.

Страсть к саморазрушению присуща каждому поколению в период teen. Порой эта страсть неосознанная, как в случае с народовольцами, порой очевидная, как в случае с панками. Для некоторых моих сверстников музыка явилась предпосылкой к наркотикам, будь то вылупившееся из скорлупы заграничного небытия техно, или гитарное психо-сайко. О том, что в мире существует straight edge, мало кто знал. А если и знал, то не понимал, что это такое. Для меня запоздалым веянием благого движения, мощным стимулом, чтобы развязаться со всей дрянью предыдущей жизни, и очиститься, стал Генри Роллинз.

Отрезок пятый

Так называемая альтернативная музыка уже набравшая обороты, обрушилась мощной волной на российских подростков. На ее гребне находился гранж. Stone temple pilots, Tool, Soundgarden, Nirvana, Alice in chains, Smashing pumpkins, Pearl jam и все такое. Далее отдельным списком следовали коллективы, которые своей музыкой тащили меня в тренажерный зал: Panthera, Downset, Rage against the machine, Sepulura. На этот период пришелся пик популярности Rollins band. Зататуированный Роллинз, словно забор, украшенный различного рода надписями, вещал о том, что он лжец («Cause I'm a liar!»).

Альбом «Weight» – золотое время. Роллинз пожаловал в Москву. Сидя у Троицкого в «Кафе обломов» в позе напряженного боксера, которому не дают дать в морду вот тому, вот тому самому абстрактному мудаку, Гена производил впечатление курицы, несущей яйца. В голове не укладывалось, что этот человек пишет книги, владеет издательством, снимается в фильмах, и выступает со своим разговорным шоу, где есть место ЮМОРУ и САМОИРОНИИ. Гораздо больше верилось в то, что он мечтает разбить лицо Боно из U-2 (надеюсь, эта его мечта никогда не осуществится). Бывший менеджер в магазине, торгующим мороженым, ныне культовая фигура.

Роллинз выходил на сцену, обматывал свой кулак микрофонным шнуром так, будто это шея больного скарлатиной страуса в сказке про Айболита, а шнур вместо теплого шарфика. Гена готов был расщепить микрофон на атомы, воздействуя на него своим рыком. Это один из немногих рок-деятелей, которому нет резона опасаться, что какой-то безумный фанат выскочит на сцену, и станет мешать ему петь (карьера самого Роллинза так и началась – в Вашингтоне он выскочил на сцену к Black flag и стал орать их песню, став затем их фронтменом). Гена на сцене – это комок ярости и негодования против мира, в котором есть место дерьму, явно Гену не устраивающего. Мне хотелось стать таким же. Хотелось петь без маечки, потому что на сцене я потею, как Буцефал под Македонским во время покорения Персии. Чтобы при этом мои телеса являлись логичным продолжением музыки, которую я играю.

Не было и нет в российской музыке своего Иена Маккейя. Продюсер первого альбома Rollins band «Lifetime», кореш самого Роллинза, апологет движения straight edge, и поныне играющий в Fugazi. Он заложил фундамент, на котором выросло целое

поколение людей с крестами на руках. Несовершеннолетним панкам в американских клубах при входе ставили крест, дабы бармены не наливали им алкоголь. Этот крест – клеймо американского тинейджера, стал символом straight edge, почему, собственно, и появился фирменный знак sXe. Пожалуй, Маккей находился в аналогичной ситуации, что и я, что и большинство молодых людей, которые интуитивно начинают ощущать, что навязываемый им извне путь личностного развития – дерьмо.

Что такое Америка начала 80-х становится понятно, когда читаешь романы Дугласа Коупленда, которому мы обязаны возникновением понятия Generation X (еще один икс, ставший культовым). Общество потребления поработило личность, вечные ценности ушли на второй план, уступив место погоне за материальным благом. Наркотики становятся единственным способом почувствовать, что у тебя есть внутренний мир, еще незагаженный настырным пиаром – как надо жить. Маккей решил изменить своих фанов, изменив себя. В 1981-м году на свет появилась песня «Straight edge», которую исполняла его первая группа Minor threat.

…I'm a person just like you,
But I've got better things to do.
Than sit around and fuck my head
Hang out with the living dead
Snort white shit up my nose
Pass out at the shows.
I don't even think about speed
That's something I just don't need
I've got the straight edge.
I'm a person just like you,
But I've got better things to do
Than sit around and smoke dope
'Cause I know I can cope.
Laugh at the thought of eating ludes,
Laugh at the thought of sniffing glue,
Always gonna keep in touch,
Never want to use a crutch,
I've got the straight edge.

Я такой же чувак, как и ты,
Но у меня есть занятия получше,

Чем тупо сидеть и трахать себе мозги
Тусоваться с живыми трупами,
Вдыхать носом белое дерьмо,
Падать в обмороки на концертах.
Я даже не думаю о быстротечности жизни.
Просто потому, что мне этого не нужно,
Потому что у меня есть straight edge.
Я точно такой же чувак, как и ты,
Но у меня есть занятия получше,
Чем тупо сидеть и курить дурь,
Потому что я знаю – я в состоянии справиться с собой.
Мне смешно при мысли о глотании таблеток
Или о том, чтобы нюхать клей,
Я хочу всегда отвечать за свои действия,
Мне не нужны костыли,
У меня есть straight edge!

Эти костыли – не что иное, как стереотипы. Джеф Нельсон – ударник Minor threat сформулировал для себя правило «stay punk, stay clean» («оставайся панком, будучи чистым»). Это противоречит всем общепринятым нормам, если говорить о панк-движении с точки зрения обывателя, потому что панки, как принято считать – грязные, уторченные ублюдки, абсолютно невменяемые. Существует версия, что понятию straight edge мы обязаны Нельсону – пытаясь соорудить афишу концерта Minor threat посредством подручных чертежных средств, он сравнил жесткий край линейки со стилем жизни участников коллектива.

В России straight edge не прижился, и вряд ли приживется. Дело здесь даже не в том, что впоследствии приверженцы sXe ударились в крайности, граничащие с откровенным маразмом (вегетарианство и политика – это точно для настоящих панков). Просто главные четыре заповеди straight edge (не кури, не употребляй наркотики, не пей, не веди беспорядочную половую жизнь) никак не соотносятся с тем образом жизни, что мы ведем. Это еще князь Владимир просекал, выбирая религию для русов.

Многие питерские группы, возникшие в начале-середине 90-х, переняли лишь внешнюю сторону straight edge – музыку. Играя хардкор, они орали со сцены о sXe, при этом бухая и смоля напропалую. Все, что мог человек на сцене – это крикнуть о том, что героин – плохо, как это сделал в клубе «Гора» Нильс, певший в группе Sky Hog. Ритм-секция Sky Hog потом перекочевала в «Кирпичи». Барабанщика больше нет в живых, а басист лабает до

сих пор вместе с Васей Васиным и даже собрал собственный проект Spermadonors, смахивающий на Slip knot без масок. Нильс затем долгое время пел в группе Scang, периодически потарчивая, что не могло не сказаться на его поведении. Как-то раз он схватил Сенникова за плечо, сильно сжав пальцы, и начал его трясти, приговаривая:

– Мы ведь реальные пацаны, не пидоры никакие (фраза стала в нашей компании крылатой и употреблялась по поводу и без оного).

В Москве дело обстояло несколько иначе, там действительно играло несколько коллективов, которые приняли жесткие правила игры. Было смешно наблюдать как, приезжая в Питер, они просили не курить в зале. Зал, понятное дело, подобные просьбы игнорировал. В Питере единственным паном-спортсменом on stage был Никита Алексеев – фронтмен группы «Колыбель для кошки», впоследствии просто «Колыбель». Бывший одноклассник Сашечки Журавлева, работал фотомоделью, если к этому занятию можно применить такое категоричное слово, как работа. Модельный бизнес в России отсутствует – есть модельное кидалово, что не для кого не секрет.

«Колыбель» играла то, что играли все – тяжелую мелодичную музыку. Но за счет внешнего вида Никиты, а так же за счет его вокальных данных, группа заметно выделялась среди себе подобных. Ныне им по идее стоять бы в одном ряду с Tequilajazzz, Marksheider kunst, Spitfire, S.P.O.R.T, «Пеп-си», «2Самолета», поскольку «Колыбель» группа именно той волны питерской музыки, игравшая на соответствующем уровне (их барабанщик Наветный ныне стучит в «Сплине»). Одна из песен «Про кота» мелькнула на радио «Максимум» и все. На тот момент уже существовал Everlast, из-за чего многие сравнили Никитин голос с его пением. Ныне гитарист «Колыбели» Миша Егоров играет в «Соусе» Пивоваровой и пасется в «Грибоедове» в качестве администратора, вводя порой в ступор некоторых девочек, желающих попасть в клуб, своим поведением. В Венгрии «Колыбель» сыграла на фестивале, где принимали участие Faith no more. Если ты спел на одной сцене с Майклом Патаном, то, наверное, можно больше не играть. С Никитой мы иногда встречаемся на Литейном, он традиционно пожимает руку по-рэперски, и дальше диалога «как дела – нормально» общение не заходит. Иногда «Колыбель» всплывает на различных фестивалях, но время ушло. Никита стал вторым человеком, побудившим меня пойти в тренажерный зал. Роллинз был далеко. Алексеев был в Питере, всегда можно было сходить на его концерт. Как минимум один человек в этом городе смог совместить штагу и

альтернативную музыку. Значит, это возможно.

Поскольку зал находился прямо в институте, то потихоньку я стал переносить туда свои лекции. С самого начала стало понятно, что учеба будет проходить из-под палки (из-под грифа для штанги). Задача была сформулирована предельно просто: окончить институт, и не важно, с какими оценками. Поэтому тройка на экзамене меня всегда устраивала.

Я стал пытаться нарыть информации о том, как правильно накачивать мышцы. У каждого человека на этот счет было свое мнение. Литературе я не доверял, старался прислушиваться к людям, занимающимся уже не первый год. Возникли такие слова, как «режим», «питание», которые были до этого пустым звуком. Не так уж сильно я следовал режиму, точнее вообще не следовал, но пытался. Стал потреблять в огромном количестве молочные продукты, особенно кефир. Голова была забита следующими постулатами: нужно потреблять белковую пищу, но организм не усваивает за один прием больше 30 г белка (в этой связи я всегда внимательно изучал «выходные данные» продукта, где написано, сколько белков, жиров, углеводов приходится в нем на 100 г); заниматься надо спустя 1,5-2 часа после приема пищи (и ежу понятно, с набитым животом особо не потренируешься); рельеф вырабатывается большим количеством повторений в упражнении с минимальным весом (5 подходов по 12 раз), сила наоборот – максимальным весом (3 подхода по разу); чтобы развить грудную клетку, необходимо не только выполнять жим лежа, но и бегать; тренироваться лучше через день (мышцам нужно время, чтоб восстановиться); никогда не заниматься с бодуна или выпив накануне (прощай сердце). Это наиболее разумные вещи, которые я вынес.

Человек в тренажерном зале – раб стереотипов. Он зацикливается на таких понятиях, как объем бицепса, белок, вес собственный и вес штанги в последнем подходе. Люди не понимают, что современники Диогена ни тренажеров, ни штанг в глаза не видели. Тем не менее мраморные божки, которые попирают полы Эрмитажа и грунтовые дорожки Летнего сада вполне бугорчаты и холмисты, с валунами икроножных мышц. Все эти тривиальные мысли я выкладываю здесь для единственного умозаключения, к которому пришел много позже. Оно стало для меня непреложной максимой: заниматься надо, когда прет; брусья и турник – лучшие снаряды; белок есть во всех продуктах, которые потребляет среднестатистический мужик, поэтому не хрен париться.

Отрезок шестой

“There’re no monks in my band”.

(Red hot chili peppers. “Funky monks”).

Группа «Улитки» просквозила незаметно, как и десятки групп, ей подобных. Дело даже не в том, что не было тогда никакого музыкального рынка или шоу-бизнеса (затрудняюсь ответить, есть ли он сейчас). Просто нужно признать – мы действительно не ахти как играли, пел я на связках, а не брюхом. Но личности, из которых состоял ансамбль, достойны своего места в паноптикуме питерской музыки.

Изначально проект состоял и братьев Журавлевых и Сенникова (плюс сменяющие друг друга барабанщики). Затем присоединился Кирилл и я, вокальный парень.

Сашечка (младший Журавлев) после школы пытался пополнить ряды студентов Театральной академии, на вступительном экзамене пел гимн СССР, танцуя при этом канкан.

– Я был в высшей степени оригинален, – комментировал он свой афронт.

В театралку его не приняли, и он оказался в другой театралке с униформой цвета сгнившего сена, где занимался тем, что рисовал портреты военачальников. В армии, как известно, следует ходить одетым согласно уставу – никаких вольностей, включая запрет расстегивать верхнюю пуговицу на гимнастерке. Сашечка шел по Невскому без синтетической головной наклепки с издевательским для нее названием «головной убор», навевающим ассоциации с уборной. Его тормознул военный патруль, выставив логичную претензию о форме одежды солдата.

– Почему без шапки?

– А она мне не идет, – ответил Сашечка.

Поскольку под мышкой он сжимал портрет очередного генеральского набоба, патрулю пришлось отвалить.

Летом Сашечка работал в Доме офицеров, и ходил в Летний сад спать на скамейке, прикрывшись шинелькой. Стал поваром третьего разряда, уяснив навсегда, что рыбу в армии нужно подавать исключительно с макаронами, а красное пюре – это нормально.

Лешечка Сенников – существо. Ему принадлежит самое гениальное стихотворение, которое я когда-либо слышал или читал.

Нет лобка
У колобка

Служило существо на берегу Тихого океана. Первые дни в армии Сенников ходил, более напоминая «сына полка», чем матроса срочной службы. Ботинки были на два размера меньше положенного, что придавало его походке косолапость прожженного футболиста; бушлат принадлежал герою, павшему смертью храбрых в Цусимском сражении; и, конечно же, бескозырка. Творение безызвестного армейского дизайнера не держали даже в меру оттопыренные сенниковские уши. Без какого бы то ни было переносного смысла можно сказать, что он не успел к шапочному разбору (к бескозырочному). В итоге Лешечке досталось сомбреро с двумя черными ленточками, которые волочились за ним, как ножки водоплавающего жука. Он тонул в плоской шапке с героизмом Чапаев, идущего на дно Урала. Увидев Сенникова в строю в вышеописанном одеянии, прапорщик позволил себе пошутить:

– О! Форма – гвоздь!

Особенности и колорит казарменного пребывания можно выяснить, посмотрев фильм «ДМБ», где наглядно продемонстрирована одна из самых популярных развлекух – «дембельский поезд». Помимо этого, Сенников рассказывал о подметании плаца ломом, о мытье окон шестнадцатикилограммовой гирей, завернутой в мокрую тряпку, о похоронах спички или того, что спичкой принято поджигать. В каждой воинской части есть курилки. Забота солдата и матроса – чистота и порядок. Если чей-то окурок оказывается нагло валяющимся на земле, то в этом случае он вручается виновникам происшедшего (виновником в армии становится тот, кто вовремя не «смылся»). Далее, копается яма размерами метр, на метр, на метр. Это стандартная спичечная могила, размеры которой взяты из неофициального армейского катехизиса, известного любому сержанту. Кубатура может быть и больше, в зависимости от настроения экзекутора. На дно котлованчика кладется труп табачного изделия, после чего процесс лопатомахания повторяется в обратном порядке. Да упокоится прах сигареты с миром.

Здесь, в анальном отверстии земли российской, Сенников познакомился с секретными терминалами. Вся воинская часть представляла собой сопку, нутро которой напоминало своей структурой швейцарский сыр – сплошные дыры, проходы, пролазы. Торпедные шахты, сборочные и тренировочные цеха, командные и наводящие отсеки. «Подземка» жила размеренной жизнью, основной составляющей которой было мытье полов. Сенников установил мировой рекорд по влажной уборке в легком весе, если сложить воедино площадь, протертую им мокрой тряпкой за три года.

Алгоритм, по которому строится работа по запуску торпед, Лешечка, вместо положенных на это трех месяцев, изучил за пятнадцать минут. Помог ему прапорщик, который, ткнув Сенникова носом в какой-то циферблат, и, аккуратно гладя кулаком по затылку, произнес:

– Видишь эту стрелку? Вот когда она заходит за эту метку – хуево. Но если все-таки зашла, дергай вот этот рычаг. Просто так его ни в коем случае не дергай. Понял?

Еще Сенников косил одуванчики. Одуванчикам вменялся в вину сам факт их произрастания, не согласованный ни с кем. Над местом расположения части должен был лететь вертолет, начинкой которого являлся топ-менеджер «Вооруженных сил Советской армии», чьи эполеты украшали генеральские звезды. В недрах сопки располагается торпедная шахта немыслимого стратегического назначения. Сопка пестрит и желтеет – вся в одуванчиках. Никакой маскировки. Непорядок. А с непорядком в армии борются просто.

Всех построили, вручили каждому по тряпичному мешку, сшитому из прошлогодних портянок, и погнали пропалывать холм, торчащий фурункулом на ухоженной коже местного рельефа. Очередной долг Родине нужно было отдать посредством сбора желтоголовых растений, от соприкосновения с которыми руки покрывались зеленой слизью, вонючей и липкой.

Когда последний одуванчик был сорван пятерней измученного защитника отечества, тогда все посмотрели на плоды трудов и мучений. Чудеса маскировки налицо. Все сопки желтеют, как желтели, и лишь одна, замаскированная, совершенно незаметно обрита наголо, зеленея свежей травкой, хоть буренок выпускай пастись.

После армии Сенников и Сашечка украдали (один раз) медь из трамвайного парка, что располагается рядом с Ленинградским дворцом молодежи. Топором перерубалась главная медная кость трамвайного скелета – жирный кабель, располагающийся на крыше. После чего его грузили на санки, которые волоклись по

асфальту, поскольку снег ютился лишь на обочинах. Один сугроб Сашечка все же нашел и опрокинул в него свое жульническое туловище головой вниз, что выглядело, как минимум странно. Сделал он столь внезапно, что даже не удосужился снабдить комментариями не самый ординарный поступок человека, только что спиздевшего полцентнера цветного металла. Оказалось, что навстречу шла знакомая девушка, и Сашечка просто не хотел, чтобы она увидела его в засранном ватнике, с топором руке, волокущего санки с медными останками муниципального транспорта.

Сенников пытался заниматься риэлтерской деятельностью. Устроился в агентство по продаже-купле квартир. Спустя некоторое время его вызвали в офис, пристегнули наручниками к креслу. Под ноги поставили тазик и налили в него жидкий цемент. Накануне в сейф было положено сорок тысяч долларов. А наутро их там уже не было. Директор агентства попросил Лешечку рассказать, чем тот занимался, начиная со вчерашнего вечера. Лешечке рассказывать особо было нечего, потому что если он чем и занимался, так с женой этого самого директора.

Привезли жену. Та поначалу отпиралась, потом созналась в адюльтере. Таким образом, Сенников трахнув в нужный момент жену своего начальника, спас себе жизнь. Член Сенникова спас самого Сенникова.

Провернув пару сделок, Лешечка получил на выходе денежный фарш – одиннадцать тысяч американских денег. На львиную долю капитала он приобрел четыре стены, запаянные полом и потолком, в коммуналке на улице Лизы Чайкиной (Большой проспект Петроградки). Оставшуюся тысячу долларов Сенников инвестировал в клуб «Гора». Точнее в его бар. История показала, что более неразумным вложением финансовых средств могла быть только покупка дачи на Луне.

Отрезок седьмой

Это здание существует до сих пор, не существовать оно не может, потому что является историческим памятником, сторожимым государством. На углу Лиговского проспекта и Обводного канала стоит каменный сарай, бывший кинотеатр «Норд», к которому с тыльной стороны прирос, как древесный гриб к березе, семиэтажный жилой дом. Теперь его наконец-то отреставрировали и заселили арендаторами, торгующими всем, что нужно населению.

Когда-то во времена продуктовых талонов, кооперации и рэкета здесь были замечены очаги самодеятельности, в том числе вокально-инструментальной. А потом в указанном помещении нарисовался Коперфильд отечественного рока Петрович.

Петрович носил зеленый джинсовый комбинезон, в его густых и длинных волосах настырно проглядывала седина, руки были приучены к барабанным палочкам и левым деньгам. Женат он был на американке, которая играла на гитаре в группе не менее американской, чем она сама. Супруга Петровича являлась сестрой барабанщика рок-ансамбля Manowar, посему над Петровичем маячил нимб музыкального мученика, что не могло не броситься в глаза даже тем, кто не питал любви к классическому хэви-метал, который Manowar мусолил из года в год, слагая оды о королях металла.

Мастер казуистики, разводок и запуток Петрович соорудил из воздуха три нолика (Общество с ограниченной ответственностью), и создал рок-клуб, назвав его «Гора». С властями у мастера была достигнута договоренность на уровне, что мы здесь вам все отреставрируем, а вы в это верьте. Долгое время контрагенты данного соглашения не вспоминали друг про друга, что позволяло «Горе» существовать под эгидой вечного ремонта. Сам Петрович стучал на барабанах в коллективе «СС-20», просуществовавшем ровно столько, сколько длился последний период пребывания Петровича в России.

Сенникову было предложено стать директором бара. То бишь, поучаствовать в предприятии денежно. Сенников выгнал из бара всех предыдущих обитателей, за исключением тараканов, накупил микроволновок и электрочайников и занялся частной предпринимательской деятельностью весьма сомнительного содержания. До него дело происходило так: Валера Крюк шел в соседний магазин, покупал там ящик пива и продавал его в клубе с небольшой наценкой. О наличие в городе оптовых баз Крюк не

догадывался. Закорючное погоняло к Валере, который был похож на фигуру лошади в шахматах, прилипло вследствие откровенно не военной осанки. Он ходил, чуть сгорбившись, выставляя на всеобщее обозрение покрытый военной курткой еле видный холмик спины.

По словам Сенникова, Крюк ведал сантехникой и клянчил денег. Провал в области знаний физики позволил ему, как истинному профессионалу, законнектить в баре раковины для мытья посуды напрямую к фановой трубе, без колена. Ему стоило бы посидеть за партой, понаблюдать за соединяющимися сосудами, одним из примитивных опытов, который можно заменить демонстрацией унитаза. В туалетное говносборное седалище вмонтирована изогнутая как саксофон труба. Названа она в честь серединной части ноги, ответственной за сгибание и разгибание. И вмонтирована туда по простой причине, проистекающей из правила соединяющихся сосудов – чтобы не воняло. Валера решил сэкономить, и убрать из сантехнической коммуникационной цепи такой элемент, как колено – над барной стойкой витали редкие запахи.

Вечно перегоравшие лампочки никогда не покупались, хотя бюджет клуба предусматривал такую статью расходов. В любом случае «бабки» пропивались, а лампочки выкручивались из всех окрестных подъездов. Поскольку «Гора» не отапливалась (если не учитывать единственную тепловую пушку, имевшуюся в наличие), Сенников пополнил скудное меню бара глинтвейном, благосклонно принятым посетителями.

В один прекрасный день звукооператор приобрел косу. Коса – многометровая шина проводов, точнее шнуров (порядка двадцати штук), которая прокладывается от сцены к пульту. Выглядит как толстый кабель. Стоила по одной версии двести долларов, по другой – четыреста (нужно иметь в виду, читая здесь информацию о ценах и о денежных суммах, что действие происходило в начале девяностых, ни о каком дефолте даже речи не шло). И случилось так, что туалеты, располагавшиеся внизу, рядом с репетиционными точками и логовом местного электрика Мегавольта (этот Винтик-Шпунтик мог принять на себя любое количество ампер и не засветиться лампочкой Ильича) засорились.

Перед Валерой Крюком была поставлена задача, входившая в его сантехническую компетенцию – прочистить толчки. Даже домохозяйка, хоть раз сталкивавшаяся с засором, знает, что существуют ершики, вантусы, длинные металлические черви. Но инфузория-туфелька Валера, унитазная кастелянша ООО «Гора», располагал иными сведениями. В поисках орудия производства

он наткнулся на косу, лежащую у стенки. Валера, не долго думая, взял топор, и перерубил ее пополам с педантизмом опытного дровосека, после чего пошел высвобождать унитазы от застрявшего в них дерьма. Неизвестно, что стало со звукооператором, который пришел в клуб и задал вопрос в стиле сказочного мишки («Кто ел из моей тарелки?»):

– Где моя коса?

Унитазы были прочищены.

Что-то хорошее в одноклеточном Валере (ныне он весьма представителен, администрирует группу «Пилот») все-таки должно было присутствовать, раз он был женат на девушке Тане. Потом он на ней не был женат, потому что Сенников. Просто потому что Сенников. Таня переехала к Лешечке на улицу Лизы Чайкиной.

Это был типичный для Петроградской стороны доходный дом, постройки конца XIX – начала XX вв., в каких жили герои Островского и Достоевского. Сенников купил одну из трех комнат в квартире, располагавшейся на последнем, шестом этаже. Остальные две принадлежали бурятам, тотально отсутствовавшим. Горячей воды не было, потому что соседи произвели товарообмен газовой колонки на неустановленное количество портвейна. В кухне громоздилась ванна – декоративный предмет интерьера, порой заменявший некоторым гостям кровать. Петербургская телефонная сеть решила в силу высотности здания, доверить жителям последнего этажа освоение голубиной почты вместо проводной связи. «Мобилизация» страны только начиналась, стандарт GSM еще не оцифрил жителей города сотами передатчиков. Поэтому, находясь в сенниковской Terra incognita, мы были отрезаны от внешнего мира с телекоммуникационной точки зрения.

Дверь в саму квартиру открывалась при помощи железной штучки с ручкой, напоминавшей лобзик без пилки. Нужно было продеть штучку в дверную брешь, и повернуть замок. Поскольку отмычка лежала на лестнице как будто в специально для нее сделанном углублении, каждый, кто знал об этом, имел доступ в квартиру в любое время суток. Сенников, приходя из «Горы», говорил:

– У меня на работе клуб, и дома клуб.

Здесь прошли золотые годы улиточного ансамбля, который поначалу назывался White cannibal dance. Попал я в него исключительно стараниями Кирилла, который проел плешь парням о том, что им нужен другой вокалист (до меня пением занимались Сашечка и Сенников). Пока что не было и речи о том, чтобы исполнять песни собственного сочинения, поэтому пел я

то, что давали. Играли мы нечто среднее между танцевальной музыкой и гранжем. Первый концерт в данном составе случился в «Там-Таме», нигде более он не мог случиться, потому что более демократичного администратора и арт-директора, чем Сева Гаккель, сложно себе представить (разве что Юра в «Молоке»). Музыкальное действие без антракта приехала посмотреть Маша. После все рванули к Сенникову будоражить печень водкой, первый профессиональный концерт как ни как. Я потянул Машу с собой. В наших с ней отношениях уже наметилась финальная фаза, мы не общались несколько месяцев. Бабье лето любви нисходило на нет. А логово Сенникова постепенно расширялось.

Непатентованный медвежатник Кирилл, который активно искал себе место жительства, аккуратными движениями вскрыл одну комнату, потом другую. Бурятский дух выветрился моментально, буквально после первой же пьянки. Кот Херес жрал сухие макароны, и каждый, кто приходил сюда, помнил о главном каноне местного жилищного кодекса: «Накорми Сенникова и кота». В разгар очередной строительной декады в «Горе» Сенников вместе с охранником пошли в магазин прикупить что-нибудь съестного. Одеты они были в грязные бушлаты, заляпанные цементом. Сенников вспомнил про Хереса, и попросил у недозревшей еще до шуток юмора продавщицы «Вискас». Продавщица взяла банку с полки, положила на прилавок, затем придвинула ее к себе движением крупье, сгребающего фишки.

– Вообще-то это еда для кошек.

Сашечка купил себе в магазине «Олимпиец» модный рюкзак. Модный рюкзак был сделан из модной прорезиненной ткани. При сгибании материи, на ней оставался белый след. В итоге через два часа после покупки рюкзак выглядел, как найденный на помойке. В туалете в квартире Сенникова плохо работал слив (Валеру Крюка бы туда). Поэтому бумагу следовало выкидывать в рядом стоящее ведро. Сенников с Сашечкой собрали очередную порцию использованного бумажного материала, который уже успел соприкоснуться с несколькими жопами, поместили в модный рюкзак и, повесив его в телефонной будке, забежали за угол. Мальчикам в ту пору было уже глубоко за двадцать. Рюкзак запасла бабка, торговавшая рядом мороженым.

В «Горе» тем временем произошли кадровые перестановки. Инвестора Сенникова слили из бара, предложив ему почетное место администратора-директора. Одно время тем же самым параллельно с Лешечкой занималась Ксюша из «Джан Ку». В итоге случались прецеденты, когда паритетные директора забивали на один и тот же день разные группы.

Лешечка начал платить музыкантам деньги, к неудовольствию Петровича, который причислял эти деньги к разряду потерянных, потому что музыкант должен играть за идею. Так считал Гарпагон Петрович.

Сенников соблазнял юных посетительниц клуба, водя их по нескончаемым закуткам «Горы». Экскурсии как правило заканчивались коитусом, и один раз девушка посетовала Лешечке:

– Ты бы хоть спросил, как меня зовут.

– А зачем? – ответил Сенников, продемонстрировав тем самым нравственную чистоту и глубину своей натуры.

Мы с Кириллом начали склонять парней к тому, чтоб играть более тяжеловесную музыку. У меня уже были написаны кое-какие песенки для будущего репертуара. Групп этого направления расплодилось, как бактерий в разлагающемся организме. Некоторые не парились, начиная с названия. Мне запомнилась команда «Рычаги». Rage against the machine огорошили всех своей непосредственностью, начиная с аранжировок и концертных клипов, снятых на VHS, и заканчивая соло Тома Морелло. Фестиваль «Учитесь плавать» и одноименная программа на радио «Максимум» зазвучали в полный голос. Александру Ф. Скляру отдельный респект за все, что он сделал. В журнале NME были опубликованы рецензии на питерско-московские концерты Soulfly, одна из которых была написана мной, другая Скляром. Сравнивая их, складывается такое впечатление, что Скляр до сих пор не может избавиться от серьезного тона серьезных парней, играющих тяжелую музыку. Но стоит признать, что многие группы так бы и сидели в анусе, не попади они на «Учитесь плавать».

Несуразное и головоломчатое название White Cannibal dance следовало убить. Мы заперлись в квартире на улице Лизы Чайкиной и поклялись, что не выйдем оттуда, пока не будет придуман новый лейбл. Я, Кирилл, Сашечка, Сенников и Серега сидели с сосредоточенными лицами банковских служащих, производящих выплату по счетам, периодически высказывая всякую хрень, типа «Чук и Гек». Ничего более кретинического, чем «Улитки» в голову не пришло (первоначальная версия звучала как «Великий поход перуанских улиток против северных штатов»). С таким же успехом можно было называться «Лягушечки», особенно учитывая тот факт, что музыкальным ориентиром стал хардкор. Когда я поехал в «Там-Там» забивать концерт, то лишний раз удостоверился, что Гаккелю приходилось сталкиваться и не с такими идиотскими идеям. В лексике Павлика тогда присутствовала лингвистическая троица детского

сада (ребзя, тубзик, зыка), коей были нашпигованы все фразы в нашей компании.

– Сева, – сказал я. Мы раньше назывались White cannibal dance, но теперь называемся зыка – «Улитки».

– «Зыка улитки», – проговорил Сева, записывая нас к себе в тетрадь.

Первый концерт был намечен на первое апреля. На этот же день было намечено открытие новой «Горы».

Петрович предложил всем акционерам ООО «Гора» произвести реконструкцию помещения, отреставрировать большой зал, сделать внизу техно-клуб «Нора» и зажить припеваючи. Персонал, полный энтузиазма, рьяно взялся за дело. Строительные материалы воровались, рабочая сила была даровая (сами и строили), в итоге ничего, кроме «Норы» не построив. Первого апреля произошло торжественное открытие с участием немыслимого количества групп. В анонсах было завялено, что клуб предстанет в новом обличие, с новыми территориями для релаксации, и прочие сказки Андерсена. Ничего это не произошло, публика вляпалась в еще не высохшую краску, и, как правильно заметил кто-то на «Радио Катюша», это была самая-самая первоапрельская шутка. Затем в большой зал въехал «Полигон» – музыкальный трест Паши Клинова, ныне продвигающего «Психею», «Нора» отошла «Двум самолетам», а «Гора» как таковая являла собой пародию на клуб.

«Там-там» накрылся медным тазом, буквально через неделю после того, как мы дали в нем первый концерт с новым названием. Директор Fishfabrique Паша Слон рассказывал, что у них с Рыбой, тогдашним совладельцем Fishfabrique была бумага от полномочного представителя президента – примерно такая же, как в фильме «Три мушкетера»: подателю сего можно все. Они пришли с этой бумагой к Севе, но Сева замялся.

– Знаете, ребята, что-то я устал, – сказал он, и клуб «Там-Там» стал достоянием истории.

«Гора» же постепенно, по-динозаврьи вымирала, и сдохла окончательно, откинув копыта в виде оставшихся в ней музыкальных деятелей. Сенников, когда его задрало заниматься альтруизмом неизвестно во имя каких великих целей, свалил. Петрович перед отъездом в Америку продал свою квартиру сразу двум клиентам, и, получив бабло, умотал в Штаты, оставив клиентов разбираться друг с другом. Я же старался не пить. И у меня это получалось.

Первейшая и наиглавнейшая сложность для меня состояла в том, что в музыкальной среде все поголовно курят куришку и бухают бухашку. Вторая сложность – в большинстве клубов с

музыкантами тогда принято было расплачиваться пивом. Пиво, полученное за свое выступления, это не пиво, купленное в ларьке – его грех не выпить. Не жравшему три дня положи на пол кусок мяса, и он будет испытывать те же муки, что испытывал я, отказываясь от честно заработанных батлов.

В один из концертов в «Арт-клинике», что располагалась во флигеле рядом с домом на «Пушкинской, 10», какой-то хрен предложил прорекламировать пиво с откручивающейся крышкой, типа Miller. Tequilajazzz, которых мы разогревали, не стали выеживаться на сцене, ради сраной упаковки слабого алкоголя. Мне же и хотелось, и не моглось. Я терзался, как Анна Каренина. В итоге открыл на сцене бутылку, но пить не стал.

Каждый раз тело получало телеграмму от разума, что завтра тренировка (или что она была вчера), соответственно пить нельзя никоим образом. Памятуя о том, что мышцам нужен белок, Павлик потреблял кефир в немыслимых дозах, успокаивая себя тем, что в нем тоже есть спирт, таскал его с собой в бары и пил из пол-литровых кружек.

Первые два года после того, как я сознательно отказался от прежнего образа жизни, и стал заниматься спортом, мой организм пытался понять: это всерьез, или так, рекламная пауза. Он потихоньку перестраивался. Было чрезвычайно тяжело, прежде всего, психологически. Каждый раз, когда на столе оказывалась бутылка водки, я готов был задвинуть свой тренажерный зал куда подальше и набухаться в стельку, чтобы вползти этой стелькой в ботинок привычного кайфа. Try walking in my shoes. Тем паче, что компания всегда была теплее некуда, просто пышущая жаром печка с изразцами, а не компания. Бывало, что я не выдерживал.

Раз с Жекой мы дернули хорошенько в «Горе» и поехали к Сенникову. Постояли в Александровском парке возле метро «Горьковская», наблюдая, как кроны тополей чернеют под мощной струей жидкости, бывшей до попадания в организм пивом и водкой. Созерцание деревьев было нарушено появлением служителей правопорядка. Нас посадили в обезьянник рядом с Сытным рынком, он выглядел, как натуральная клетка в зоопарке – с луной в решетчатом потолке. Потом запихнули в задницу автомобиля «УАЗ» и повезли в вытрезвитель. По дороге я пытался неровным голосом вещать о правах человека, пока мне крикнули:

– Заткнись!

В вытрезвителе нас осмотрела тетенька-врач и отправила в отделение. Там, как водится, вся наша наличность была изъята в фонд голодающих хомячков Новой Зеландии, и, промурыжив час, нас отпустили. У Сенникова были уже ночью. «Пить вредно, и

небезопасно», – думал Павлик, засыпая.

Я начал совершать вечерне-ночные пробежки. Более искушенные в данного рода вопросах люди подсказали, что утром бегать нежелательно. Поэтому поздним вечером, когда все наркоманы Веселого поселка ловили очередной приход и смотрели на мир предельно суженными или расширенными (в зависимости от того, чем они ширнулись) зрачками, я бежал. Бежал от своего прошлого, от своего бывшего «я», бежал по газонам, лавируя между миниатюрными пирамидками собачьих фекалий, потому что по асфальту бегать вредно. Ступням требовалась мягкая земля. Вокалист должен бегать. Это меня подстегивало еще больше. Я пытался почувствовать движения живота, чтоб потом вспомнить об этом во время пения.

После пробежек, приняв душ, я стал замечать, что ощущаю себя по-новому, что это тоже своего рода приход, который помогает адаптироваться к реальности. Мысли прочищаются, если они были нефтью, то стали бензином, и теперь у мозга есть топливо.

В тренажерном зале я быстро избавился от комплекса неполноценности, и начал заниматься в полную силу, тем более что помимо одногруппника Димы, нашлось еще несколько качкистов с других факультетов, с которыми отношения заладились. Тренировались в основном по вечерам три раза в неделю, но иногда я заглядывал еще и днем, прогуливая лекции.

В зале есть очень важный момент, который помогает наладить контакт с окружающими – страховка. Как правило, люди работают над одной группой мышц, совершая три-пять подходов. Первый подход – разминочный, второй, чтоб вперло, а третий-четвертый на силу, с максимальным весом. Мышцы реагируют не только на чисто физическое воздействие. Мышцы, как это не парадоксально звучит, нужно обманывать, их нужно приучать к мысли, что они могут больше. Если ты тягаешь вес, который взять не можешь, но настроен на то, чтобы его взять, то в следующий раз, или через раз, ты его обязательно одолеешь. Мне эта тактика не близка, она более подходит профессиональным культуристам, но дело в другом. В любом тренажерном зале можно обратиться к ЛЮБОМУ человеку, который занимается вместе с тобой, и даже если вы в первый раз друг друга видите, он обязательно тебя подстрахует. Со стороны это выглядит довольно глупо – один человек жмет с груди штангу, другой стоит над ним, и помогает первому. Зачем заниматься подобными вещами, когда можно скинуть пару блинов, и не париться, заниматься в одиночку? Но дело в том, что финальный подход, когда ты рвешь гриф из последних сил, и говорит мышечной массе: «Это то, на что нужно

рассчитывать». Качки орут, как полоумные, не для понтов, это действительно помогает. И если человек тебе пособил, то у вас установилась связь, появилось чувство локтя. Люди видят, что у них одно общее дело – это сближает. Ты начинаешь ощущать себя частью общего механизма, понимаешь, что ты не один такой.

Отрезок восьмой

Бездействия неспешные шаги
Скрип половиц, затихшая квартира
Под полом крыса тащит кусок сыра
Мне лень пошевелить пальцем ноги

(Из собственного)

Звучит как минимум странно. Окончательно бросить пить мне помогла крыса. Крыса стала существенным аргументом в защиту здорового образа жизни, даже гораздо более существенным, чем straight edge.

Город покрывала пепельная обложка серого неба. Я был с кошкой. У кошки была обложка серой шерсти. Ей предстояло трахнуться с котом и осчастливить меня выводком мокрых котят, которые станут пищать и ползать у нее под брюхом. Они будут один день мокрыми дистрофиками. Потом шерсть высохнет, и они увеличатся в объеме. Шерсть кошку полнит. Когда ее вымоешь, она кажется тощей.

На Моховой улице базировалась контора, торгующая профессиональной косметикой и спецэффектами для кино. Здесь затаривались сотрудники «Ленфильма», театральные гримеры, манерные работники салонов красоты, от которых за версту несло запахами парфюмерной лавки. Слезные мешки, сандарачный клей для приклеивания пастижерных изделий, натуропласт, латекс, очиститель кистей, тюль (выдержка из ассортиментного перечня). И все это располагалось в полуподвальном помещении, где я обитал, расплачиваясь за свое проживание нервами, которые потребляла на завтрак, обед и ужин истеричка-директриса. Плюс еще сторож, грузчик, экспедидор (тоже я). Плюс секретарша (не я). Вот и весь персонал. Таким вынужденным триумвиратом (я, секретарша, директриса) мы просуществовали четыре года.

До нас здесь располагалась швейная мастерская. А до швейной мастерской фотолаборатория. В каждой комнате стояло по две раковины. В каждую комнату была подведена холодная и горячая вода. Трубы протекали, пол представлял собой желе из

опилок. Доски прогнили настолько, что не выдерживали человека. Пришлось научиться стелить пол. Поначалу я делал это с уровнем, потом на глаз. Подвал под квартирой отсутствовал. Прямо по фундаменту, от которого меня отделяло расстояние, размером с локоть, бегали самые живучие на земле твари, которые оказались намного умнее, чем я полагал.

Театральная академия, располагавшаяся по соседству, стала спонсором предприятия. Там шел ремонт, и я частенько наведывался в дом, где учились Мандельштам и Набоков, где состоялось первое питерское выступление Маяковского, чтобы стыбрить мешок цемента, ветонита или пару досок. Снаряжался всем необходимым и покидал здание. Поскольку одет я был точно так же, как все остальные работяги, на меня никто не обращал внимания.

Если у Сенникова в квартире была ванна, но не было горячей воды, то здесь была диаметрально противоположная ситуация: горячей воды было с избытком (избыток вытекал из проржавевших труб), ванна отсутствовала. Я в состоянии обитать в любых условиях при наличии помывочной комнаты. Раз ее не было, значит, нужно было делать соответствующие выводы. А за выводами должны были следовать соответствующие действия.

Вот душ, который построил Павлик. А вот кирпич, позаимствованный из соседней парадной (кто-то из буржуев перекраивал свои апартаменты, снося старые стены, возводя новые) для душа, который построил Павлик. А вот мыло, которое тащит сука-крыса мимо кирпичной кладки, материал для которой украден в соседней парадной для душа, который построил Павлик. А вот Павлик идет мыться и в очередной раз не находит душистого брикета на полке (только мыльная стружка) в душе, который он сам и построил. Крысы блаженствовали.

В квартире было помещение, под названием «бункер Гитлера». Зайдя в прихожую, можно было увидеть дверь, по логике вещей долженствующую вести в каморку папы Карло. Или туда, где оказался острый буратиний нос, пропоров холстину с изображением камина. Маленький подвальчик, chill-out для бомжей, хранил в себе слой крысиного помета, несколько канистр с керосином и затхлый запах померших здесь надежд. Я использовал его как склад бутылей и банок, начиная от кетчупов, заканчивая ацетоном. Здесь я понаставил ловушек, но это было все равно, что волков на удочку ловить. Крысы – твари не менее изворотливые, чем наполеоновская хромоножка Талейран.

Когда они начинали сновать под полом, как хоккеисты по льду, забивая гол моей нервной системе, директриса и секретарша, если Павлика не было дома, забирались ногами на

стол, и выбивали отверткой барабанную дробь. Я переступал порог, за которым меня встречал вопль:

– Павлик! Там крысы!!!!!!!!!!!!!!!! (ручка децибелов в крайнее правое положение).

Что вы говорите, дорогуши. А я думал, летающие рыбки.

Неоднократно вызывалась тетенька с кульком крысиного яда под мышкой, но толку от нее было не больше, чем от воздуха. Никакие средства не помогали. Травить грызунов было бесполезно, мои рекомендации ловушкам и так понятны. Сенников рассказывал, что на Тихоокеанском флоте за двадцать пойманных на корабле крыс (они там размером с хорьков) дают увольнительную. Акутагава Рюноскэ в рассказе «Три окна» повествует о том же. Японский броненосец был атакован в порту серыми тварями, за каждую пойманную крысу давали право сойти на берег.

Единственное спасение в такой ситуации – кошка. Кормить ее в конторе никто кроме меня не собирался, равно как и дерьмо за ней убирать. У меня вообще было такое ощущение, что гажу здесь только я, потому что как только заканчивалась туалетная бумага, я узнавал об этом в виде претензии, исходящей от директрисы. Самой ей было лень поднять жопу и купить через дорогу бумажное средство для очистки этой самой жопы после процесса дефекации. Равно как лампочки, мыло, сахар и всю остальную бытовую мелочь, которая не важна до тех пор, пока не заканчивается.

Первая кошка приходила сама и не задерживалась надолго. Улица была ее домом, а мой дом был для нее харчевней. Ей нравилось схватить крысу за ворот и носится с ней, сладко урча. Я сметал кошкину жертву на совок и выбрасывал на помойку.

Вторую принесла на плече секретарша. До этого она сетовала на то, что в квартире у ее брата проживает множество хомяков, а соседская кошка, которая никому не нужна, проявляет к ним интерес не меньший, чем тот, что проявлял мангуст Рикки-Тикки-Тави к кобрам. Мне она оказалась нужна. Хомяк от крысы только повадками отличается, да длиной хвоста. Назвал кошку Ксюхой. Мать ее привезли из Монголии, сама она была черной с белыми лапами и грудью. Миниатюрная фабрика по переработке крысиного бытия. Шерстяная мелочь с молниеносной реакцией Майка Тайсона, любителя мужских ушек. Кормилась порой на улице, поскольку денег у меня тогда не было. Там, на улице, у входа в подвал одна сердобольная дама устроила кухмистерскую на свежем воздухе для всех окрестных кошар, снабжая их специально приготовленной рыбой, салатами и россыпью сухих кормов, заставляя меня бороться с соблазном присоединиться к

голодной мяукающей компании и угоститься уличными дарами.

Когда Ксюха округлилась, я поставил под стол коробку, постелил туда свитер, предположив, что это лучшее, что я могу предложить будущей матери-героине. Вернувшись с репетиции, обнаружил шесть слепых чертят (четыре белых, два черных), сосущих розовые пупырышки на теле родительницы.

Когда-то я привел девушку в родительский дом. Мы ехали с новоселья ее подруги. Подруга сделала в квартире концептуальный ремонт: содрала обои, и покрасила голые бетонные стены ядовито-желтой краской. Прихожую – в зеленый цвет. Батареи и подоконники – в фиолетовый. Не квартира, а домик для Барби. Пригласила на новоселье. Большая кастрюля фаршированных перцев, мартини, сок, водка, пластмассовые тарелки, стаканчики, коктейльные трубочки – все под цвет интерьера. Полна горница дизайнеров, среди которых я, профессиональный столяр, выглядел как лист фанеры в стопке багетов. Разговоры все о том же.

Девушка оказалась модельером, то есть дизайнером шмотья. Мы приехали ко мне домой, я понервничал для приличия, когда открывал дверь. В комнате, посреди софы лежала ощенившаяся собака моих родителей с выводком. Я завернул щенков в тряпку и выкинул в подвал. Потом трахнул девушку, поменяв предварительно простыни, заляпанные собачьими выделениями. В этот момент щенки подыхали в подошвах девятиэтажного дома без мамкиной титьки.

На следующее утро увидел, как собака носится с чем-то в зубах. Это был ее последний мертвый детеныш, которого она родила уже после всех остальных. Когда я попытался его забрать, псина взвыла так, будто ей брюхо раскаленной кочергой проткнули. Щенка я выкинул. Не знаю, могут ли собаки плакать. Эта плакала. Я понял, что никогда больше не смогу утопить, закапать, убить звериный выводок. Поэтому для меня даже не стоял вопрос о том, что я буду делать, когда кошка обзаведется потомством. Ничего. Себе оставлю.

Говорят, на огонь смотреть полезно. Иногда это завораживает. Особенно загородом у костра, ощущая в животе стакан водки и шашлычную массу длиной в полтора шампура. Пялиться на котят – зрелище куда более завораживающее, чем просмотр мертвой древесины, объятой ленивым пламенем. Их копошение – реверс в детство. Никаких агрессивных мыслей.

Заходили друзья-приятели посмотреть на молодую писклявую поросль, пощупать, полапать, подержать в руках с той бережностью, с которой дети держат блестящие стеклянные шары, прежде чем повесить их на елку. Двух белых, у которых

таки были черные родимые пятна на лбу, назвали Горби, в честь Горбачева.

Я избавился от них довольно быстро. Поместил объявление в газету, что раздаю задаром поросят кошачьего происхождения. Одного черного сам отнес неизвестному мне художнику на Загородный проспект.

Ксюха была психологической проституткой, она ластилась ко всем гостям. Кошки таким образом метят свою территорию. И то, что мы воспринимаем как ласковость, на самом деле является проявлением власти. Потом она забеременела второй раз. Ее муженек, альбинос и карбонарий на четырех лапах, не дал продохнуть молодому кошачьему организму. Он терроризировал весь двор, котов гонял, кошек брюхатил.

– А это Ксюхин ухажер, – указал я Жекиной жене на белобрысого увальня, валявшегося на асфальте.

– Ой! – воскликнула она, – какой-то он серенький!

– Ну почему же серенький, – возразил я, – очень даже беленький.

– Ах, это он просто грязненький!

Грязненький Ксюху и сгубил. Она стала сонной, как смотрительница железнодорожного шлагбаума, прекратила жевать сосиски, нарезанные заботливой рукой Павлика. Родила шестерых, через несколько часов еще двоих. Постоянно мяукала, чего за ней раньше не замечалось. Детей своих не кормила, и те обезжизнились под утро, даже не успев высохнуть. Шерсть клочками сходила с гибкого тела, но удостоверения чернобыльского ликвидатора у Ксюхи никогда не водилось. Я положил ее в сумку и пошел производить обследование местности на предмет ветеринарки. Нашел одну сразу за цирком. Ксюхе запихали в задницу градусник, поставили капельницу. Врач выписал с десяток лекарств, счет за осмотр, сказав, что надежды мало. Что-то с маткой.

– Она еще маленькая, странно, что родила, – сказал он дежурным тоном, в котором не усматривалось никакой трагедии. Врач делал свою работу.

Я стряхнул с лица глазные сопли, положил Ксюху в сумку, оставил в кассе деньги, которые собирался потратить на пищу не для ума, и вышел. Дома она ничего не съела, а на следующий день исчезла. Кошки уходят умирать в места только им известные. Квартира наполнилась подпольными шорохами.

Крысы затихали, как только появлялась кошка. Но стоило кошке исчезнуть, как они тут же возобновляли свою подрывную деятельность. Мало кто из девушек догадывается о том, что в центре города могут находиться апартаменты, полные серых

неожиданностей с длинными хвостами. Почему-то девушек в крысах пугают именно хвосты.

Продавленный матрас, на котором я спал, удачно вписывался в планировку кухни. Матрас лежал у окна. От основного помещения его отделяла самодельная ширма. Таким образом, спал я в замкнутом пространстве, что с точки зрения психологов, действует успокаивающе – человек чувствует себя в безопасности. Сложности начались после того, как мы решили заняться с особой по имени Маргарита тесной, физической любовью.

Сквозь процесс копуляции, сквозь несущуюся из динамиков музыку я услышал посторонний шум. Как будто кто-то коготки точит. Шум начал отвлекать меня от ответственного дела.

После того, как фрикции стихли, тела разлепились, я одернул ширму и зажег свет. По полу мелькнула тень Микки-Мауса.

– Ты чего, – прошелестела Маргарита, еще не отошедшая от ощущений, которые приносит процесс тесной, физической любви.

– Да так, зажигалку потерял, – ответил я, наблюдая между матрасом и стеной серую спинку. Спинка стала передвигаться к окну, я схватил ее с проворностью голкипера.

– ААА!!! Кры-ы-ы-ссссссс-аааааааа!!! – заорала Маргарита и забилась в угол.

– ААА!!! – заорал я, потому что в этот момент грызуниха прокусила мне палец. Пришлось перехватить ее другой рукой, но она прокусила палец и там. От злости я стал дубасить ее изо всех сил о стену, разбрызгивая два вида крови – человеческую и животную. Крыса сникла, как теннисист, проигравший финал.

На следующий день паника пришла в дом и дала мне абстрактную пощечину, так, что зубы застучали. Все-таки крыса, как и муха – передвижной склад заразы, что было запротоколировано песней Мамонова. Паника, паника. Звоню в поликлинику. Надо ехать в антирабический центр, единственный в городе (когда бы я еще узнал, что такой существует). Автобус № 46 – Кавалергардская улица. Тетенька врач долго рассматривает боевые раны, ахая и охая.

– Как же так, как вы себя не бережете? – говорит она, занося записи в блокнотик. – С крысами надо что-то делать.

– Надо, – соглашаюсь я, а у самого перед глазами стоят апартаменты Боткинских бараков, внутри которых мое бренное тело переваривает вирус гепатита.

– Вы ее не привезли?

– Кого?

– Крысу?

– Вы это серьезно?

– Молодой человек, – голос врачихи слегка зачерствел, как

хлеб, пролежавший с неделю на кухонном столе. – У нас здесь не шутят.

– Она уже где-нибудь на городской свалке гниет. Я ее сразу же на помойку снес.

– Если бы вы привезли нам труп крысы, мы бы смогли сказать, заразила она вас чем-нибудь или нет.

Никогда не знаешь, чего ждать от жизни. Почему Министерство здравоохранения не заботится о гражданах? Почему по городу не висят таблички «Если вас укусила крыса, не выкидывайте ее ни в коем случае»?

Мне прописали шесть уколов от столбняка. Делать их полагалось в течение полугода. Все это время нельзя было пить и думать о том, чтобы пить. Замечательно.

Когда где-нибудь в баре барышня интересовалась, почему я не употребляю алкоголь в этот прекрасный вечер, я сообщал ей, что мне делают прививки. Барышня отодвигалась подальше, многозначно кивая. «Это не трипер», – хотелось добавить мне.

Раз мы заехали за персонажем по имени Никита Попов. Жека сидел за рулем, я справа. Никита, крякнулся на заднее сидение с бутылкой пива, купленной на последние деньги. Делиться с нами ее содержимым не требовалось, и он блаженно прошептал:

– Как хорошо, что один водитель, а второго крыса укусила.

Шесть положенных месяцев прошло. Я выдержал марафон трезвенника, во рту полгода не было ни капли горячительной смеси. Помню, когда наконец-то купил себе бутылку пива, открыл ее и понюхал, то испытал такие ощущения, которые, наверное, испытал бы любитель коньяка, вдыхая аромат из бутылки, поднятой со дна океана. Тантал дорвался до воды и плодов. Жить без алкоголя возможно. Новая истина.

Русского голубого кота, которого притащила из магазина секретарша, я назвал Хрюся (от слова хрен). Имя никак не гармонировало с его внешностью. Рыжего Бродского за его темперамент Ахматова наградила кличкой «полтора кота» в честь рыжего котяры, обитавшего на даче. Я было назвал Хрюсю Полтора Бродского (сокращенно Полброд). Но, во-первых, это было чем-то средним между диктатором Пол-Потом и протокольным термином полпред, а во-вторых, хотелось чтобы в имени присутствовала сосущая буква с, намекающая на «кису». Хрюся был мал и вял, и охотиться, понятное дело, мог только на кошачий корм. Павлик терпеливо ждал его взросления, потому что того требовала ситуация с острозубыми партизанами, которая ничуть не изменилась с момента вышеописанных событий.

После смерти Ксюхи, я привез домой родительского потребителя рыбы путассу Кешу, инфантильного и

неповоротливого сибарита. Кеша забился под кресло, и не вылезал оттуда до наступления сумерек. Ночью я проснулся от подозрительных звуков. Включил свет. Мне предстояло выпасть в осадок. Средних размеров крыса лакала молоко в полуметре от Кеши, созерцавшего картину запредельной наглости без всякого интереса. Завидев меня, она лениво прогарцевала под раковину, махнув на прощанье хвостом, что, наверное, означало воздушный поцелуй. Кеша был возвращен родителям с позором.

Хрюся взрослел медленно. Я уже сам изловчился подкарауливать сородичей своей пальцекусательницы у водопоя и накрывать их алюминиевой кастрюлей. Одну я потом поместил в огромную картонную коробку вместе с Хрюсей, дабы окрестить его в бою, но он выскочил оттуда со стремительностью плевка, взмывающего в небо. Разозлившись, я стал всячески измываться над крысой, тыча в нее палкой от швабры, выслушивая мерзкий писк. Изловчившись, она сделал в воздухе па, которому позавидовал бы любой гимнаст, и впилась в мою руку своими резцами. В журнале «Деньги» владелец фирмы, занимающейся дератизацией, говорил о том, что давление передних зубов крысы на то, что она кусает, равно давлению поезда на рельсы. Охотно верю.

Матерился я минут десять. И даже не столько на грызуниху, сколько на себя, придурка. Я являл собой пример того самого горбатого, которому из всех лекарств лишь могила поможет.

Календарь умильно вещал о приближающемся празднике Нового года, до которого оставалось два дня, я засунул дохлую крысу в банку (опытным стал, не выкинул), плотно закрыл ее крышкой и отправился в антирабический центр. Врачиха прикипела к стулу, когда узнала, что я заслуживаю у них дисконтной карточки постоянного клиента.

– Ну как же так, – причитала она. – Надо что-то делать с крысами, так нельзя.

Мне вкатили в плечо несколько кубиков прозрачной жидкой дряни. Я достал свое сокровище в банке, надеясь отдать его в заботливые руки. И тут судьба, у которой, если верить Ювеналу, здравый смысл бывает не часто, преподнесла удар ниже пояса. Оказывается, исследования проводятся не в антирабическом центре, а где-то на окраине Ржевки, почти загородом. Более того, в преддверии праздников, там, понятное дело, никого нет, и появиться звериные прозекторы могут не раньше пятого января, а то и позже. Исследования проводятся месяц (!). То есть только спустя три раза по десять дней я смогу узнать, заразная ли тварь меня укусила, и нужно ли мне подвергаться дальнейшей процедуре иглоукалывания.

(Нотабене в один абзац.

Шесть положенных прививок делаются по следующей схеме: первые три в течение первой недели, четвертая еще через неделю, пятая и шестая раз в два месяца. Таким образом, за месяц я получаю атомную дозу антирабического дерьма, которое пытается выработывает в организме иммунитет против столбняка. Учитывая, что не витамины мне кололи, то можно представить, какой ослабляющий для здоровья эффект несет данная вакцина, о чем мне было сказано позже, когда я задинамил прививки. А задинамил – начинай по новой весь курс лечения).

За два дня до укуса в клубе «Молоко» у моей новой группы случился первый концерт. Аншлага не наблюдалось, но народец все-таки привалил, что не так уж плохо для первого раза. Тогдашняя моя пассия так же присутствовала. После концерта мы ретировались ко мне домой, где произошли все те процессы, которые должны были произойти в данной ситуации. Спустя два дня Павлика цапнула крыса, о чем Павлик решил никому не рассказывать, потому что сложно объяснить непосвященному человеку, что ты теперь не сбежавший из лепрозория прокаженный, что с тобой все в порядке. За исключением наличествующей в теле вакцины. Еще спустя два дня, под Новый год пассия усвистала загород с другим хреном, чем доставила мне немало радости. Нервяк усилился до такой степени, что я, не выдержав, позвонил ее матери и напросился в гости на исповедь. Меня внимательно выслушали, и «успокоили» тем, что подобные выкрутасы дочери не новость.

Новый год был проведен на грани. С каким бы удовольствием я напился, но, мать вашу, нельзя – первая прививка уже сделана. Врагу не пожелаешь такого счастья. Вокруг салюты и пьяные довольные павианы, а ты трезвый и несчастный, как какой-нибудь параноик из романов Достоевского.

Через пару дней, когда страна пришла в себя, переварив рагу из оливье, холодца и «беленькой», я отвез крысу в редакцию. Ехать к черту на куличики Павлик был просто не в состоянии. В газете, редактором которой я тогда являлся, есть штат волонтеров, и я мог бы попросить кого-нибудь из них оказать мне услугу. Преамбула: приезжает девочка-волонтер и я прошу отвезти ее один предмет. Так, ничего особенного – дохлая крыса в банке. Девочку выносят без чувств.

Спасибо герою Андрею Бекшаеву, который вызвался доставить груз на место. Я всучил ему банку. Дал денег на маршрутку от метро «Ладожская» до прозекторской. Бумажку-направление, где одна из граф звучала следующим образом: хозяин крысы (следовало заполнить). И поехал делать второй

укол. А на следующий день свалился с жесточайшим гриппом.

Лева Толстой как-то написал: «Болезни – естественное явление, и надо уметь относиться к ним, как к естественному, свойственному людям условию жизни». Интеллектуал всезнающий. Нет, чтобы просто сказать: «Не будь лохом – закодируйся». Перед той зимой в редакцию приходили тетеньки, веселящие воздух предложением привиться от гриппа. Мы не привились.

– Вы еще о нас вспомните, – напутствовали они нас. Как в воду глядели.

Не было градусника, попросил у соседей, свидетелей Иеговых, которые поставляли для моего туалета журналы «Пробудитесь» (больше для них нигде места не находилось). Ртуть с паровозной скоростью приползла к отметке 39. В конторе было несколько костюмов Деда мороза и Снегурочки. Облачившись в красный халат с белой оборкой, я ползал между комнат в поисках успокоения. Меня колотило, как отбойный молоток. «Болезнь души тяжелее, чем болезнь тела» говорили в Древней Греции. В данном случае две болезни наслоились одна на другую – пассия, меня прокинувшая, с гриппозной настойчивостью паразитировала в памяти. Я даже не мог понять: мне хуже физически или морально. Проклиная крысу-животное и крысу-бабу, которая исчезла в тот момент, когда я больше всего нуждался в ее поддержке, я свалился в кровать (точнее в матрас) и не вставал несколько суток. Только изредка доползал до туалета, чтоб сбросить балласт давно уже переваренной старой пищи (новой в животе не было).

Как там у Ерофеева: помни те несколько часов, Венечка. Так вот помни Пашечка те три дня.

Еще в институте, погоняв зимой мяч (мы играли в футбол на деньги между группами), я свалился с простудной заразой. Когда поправился кое-как, ничего не мог делать, жил по заповедям ежика в тумане. Заявился к хирургу, тот отправил меня на рентген. Потом долго смотрел на снимки и постановил, что у пациента арахнеедит головного мозга. Даже не хочу объяснять, что сие значит. Но при столь замечательном заболевании нельзя ничего: физические и умственные нагрузки запрещены. Ни пукнуть, ни почитать. Вдобавок я стал чесаться. Везде. Отправился в КВД, где дожидался очереди к дерматологу в компании гонорейных юнцов. Кожа вздыбилась как шерсть, покрылась струпьями, покраснела, будто черти меня в жупеле сварили. Дерматит. Нельзя мыться и чесаться, уколы несколько дней и все пройдет. Выходя по ночам на кухню, я бился головой о пенал с ослиным упрямством. Все тело горело, будто наждаком

прошлись, везде чесалось, дико хотелось в ванну, и еще в голове зверь арахнеедит поселился. Реально задумывался о самоубийстве.

Потом дерматит прошел, а Гоша (старый тренер в тренажерном зале) посоветовал мне забить на врачебные устрашения и продолжать тренировки. Я послушался его совета, и все встало на свои места. Знакомый врач подсказал, что по снимкам такой диагноз не ставится, а надо хотя бы энцифолограмму сделать (это когда ты ложишься, на голову одевают некую хрень с проводочками и снимают показания – как там токи в мозгу чирикают).

В крысиный период я вспоминал об арахнеидиде. Мне казалось, что он все-таки живет у меня в башке. В такие минуты начинаешь верить, что Маяковский застрелился от насморка. Санация проходила медленно, я доехал до Кавалергардской улицы, где получил втык от медицинских работников за то, что не явился вовремя. Предыдущие прививки не считаются, поехали по новой. Я попытался объяснить, что грипп на меня напал не просто так, что раньше мой организм отфутболивал его, а теперь я как ландскнехт без лат: любое вирусное копье – мое. Вакцина не договорилась с иммунитетом. Врачихи только шикали, мол, мне это нужно больше, чем им (здесь они были правы). Я же продолжал надеяться на то, что исследования крысы проведут в ускоренном темпе (обнадежили, что иногда и двух недель хватает), она окажется чистой, и все закончится как страшный сон, не считая душевных мук.

Позвонив через две недели в место, где проверяют бешеных коров, собак и прочих (за исключением таких высокоразвитых животных, как человеки), я выяснил, что крысу мою НЕ НАЙТИ!!! То есть да, была сдана, об этом есть запись в дежурном журнале, но потом следы ее затерялись. Ну что, в суд мне на них надо было подавать или как? Естественно я забил болт на все, включая прививки (какие гневные звонки были от врачей), и не сдох. Иногда только на людей кидаюсь со шпалой. А так вполне нормален. Проходил больше полгода подшитый забесплатно, тяга к алкоголю отпала. Спасибо, крысы. Я перестал пить, благодаря вам.

Отрезок девятый

Гавань. Поедаю глазами неаппетитное небо, напоминающее своим цветом сгущение выхлопных автомобильных газов. Осень слизывает с парков остатки летнего обеда. Пройденный рубеж, пройденный несколько лет назад, ощущается в Гавани при воспоминаниях о М.

Тот день выпивал ядовитые сумерки. Вечер клевал зерна надвигающейся дремы, мне не спалось, не сиделось, не лежалось – не жилось размеренной жизнью. Судьба порой повторяет одни и те же пассажи. Дежавю. Это уже было, только в ином антураже. Чувство потери – тогда я испытал чувство потери, когда встретил М. Она была живым напоминанием о Маше, реминисценцией подростковых судорог души.

М работала в клубе «Порт» – самом проходном и модном месте того периода. Первые номера журнала «Птюч», словосочетание «рэйв культура», ди-джей Фонарь ведет радиошоу на «Максимуме». В голове у каждого мужчины есть определенный женский тип, складывающийся из стандартных параметров. Так герою Шварценегерра предлагали самому сконструировать свою пассию в фильме «Вспомнить все» из отдельных деталей.

М была воплощением моих мужских ожиданий. Когда я ее встретил, она уже потарчивала на героине. Ее бойфренд сидел в тюрьме за те же пристрастия, сама она жила в доме неподалеку от «Ломоносовской». Мне не подвластно понимание ауры, биополей и прочей экстрасенсорной трехомудии. Но даже такой баран как я чувствовал, что энергия в ее квартире отрицательная, с жирным знаком минус где-то под потолком. Негатив сочился отовсюду, проникал в меня еще на лестнице, пока я поднимался на пятый этаж. Плохая территория во всех смыслах. Нигде и никогда больше не приходилось сталкивался с подобным проявлением математической поперечины, которой принято обозначать вычитание. Казалось, будто на тебя что-то давит, что-то пытается вскрыть смысл происходящего, и смысл этот выявит отвратительные вещи.

Несколько раз дома у М устраивались разборки, приезжали люди, пробивали ей голову тупыми кухонными предметами, требовали денег. Все это она рассказывала мне потом с веселыми интонациями, за которыми не было ничего веселого. Я тихонько охреневал от услышанного. Квартира была пристрелена на предмет наркотиков, ее знали как друзья по рэйвам, так и дилеры, а как следствие – все, кто стоят за дилерами.

В первый раз мы встретились возле Гостинного двора и отправились в «Порт». Там нашли двух подруг М, которые затащили нас в ныне несуществующий клуб-вертеп. Сюда приходили молодые и не очень люди, чтобы скрасить свой вялый досуг. На втором этаже в private room крутили кинофильмы с раскрасневшимися промежностями и фаллосами в главных ролях. Находясь в компании трех девушек, я чувствовал себя вполне комфортно, посматривая по сторонам на функционеров ночной жизни. На сцене выплясывал негр, похожий на залакированную фрикадельку. Негр был жирным, сало колыхалось, сводя с ума фигляров в шмотье, стоящем больше моего прожиточного минимума.

Подруги М проснулись несколько часов назад после очередного клубня, и находились на той стадии развития суток, когда большинство людей уже почистили зубы, позавтракали и отправляются на работу. Только в данную минуту это большинство ложилось спать. А для подруг все только начиналось. Одна из них жила и училась в Швейцарии, периодически наезжая в Питер растрясти родительский кошелек, другая готовилась к тому, чтобы перейти с амфетаминов на героин.

Уже под утро мы приехали с М к ней домой.

– Не выходи из меня, пожалуйста, полежи еще немного так, – прошептала она, после того, как я кончил.

Ее бойфренд мотал срок, секса у нее давно не было, чувствовал я себя в этой ситуации странно, пытаясь разобраться в своих ощущениях, которые не предвещали ничего хорошего.

Уже спустя несколько часов я смог сформулировать словесный эквивалент своим страхам – чувство потери. Это чувство, которое возникает в тебе еще до того, как ты достиг максимальной близости с человеком. Ты уже знаешь, что потеряешь его. Потому что не в твоих силах что-то изменить, обстоятельства плавают в реке дней, пока их не всосет в себя мимо проплывающая проблема. Так было обусловлено в неизвестном договоре неизвестно кого неизвестно с кем – где-то по ту сторону сознания.

– Давай ногами по стенке ходить, – предложила М.

Это оказалось просто: задираешь ноги и ходишь по стене. А сам лежишь при этом. Удивительно расслабляющее занятие.

– Помню, мы мотались по городу с подругой на ее машине, – рассказывала она, оставляя еле заметные следы своих ступней на обоях. – Искали спидов. Не было нигде. А мне утром обязательно надо присутствовать где-то – мама попросила. Проездили всю ночь, не спали ни секунды. Из одного конца города в другой,

мосты переезжали раз десять. Заехали ко мне кофе выпить. Я села, уткнулась лбом в стенку и заснула. Подруга будит: «Вставай, пора уже». Я ей отвечаю сквозь сон: «Ну, сейчас, подожди, давай только мост переедем».

Музыка играла всю ночь. Если М была дома, то музыкальный центр работал бесперебойно. Я же не мог выключиться, потому что не умею засыпать при наличии легких посторонних шорохов. Капли воды, стукающие раковину раз в минуту, могут вытащить меня из кровати и заставить закрыть кран. Что уж тут говорить о таком самосвале всевозможных звуков, как музыка. Я не умею под нее засыпать. Она умела. Завораживающее чувство потери. Предначертанность отношений вывела круги вокруг глаз, и уже по этим кругам все было понятно.

Героиновые воспоминания цепляли ее, не отпускали своей влекущей сладостью. Белые облака под черным небом. Три прыжка в смерть. Зарезервированное место в больнице для переливания крови. Ежедневный рацион, включающий в себя внутривенные инъекции. Снова жизненная дилемма. Как надоели жизненные дилеммы. Решения – фантики воли и желаний – всегда легко скомкать и выкинуть. Сколько их уже валяется, фантиков.

У нее была модная, смешная шапка, как у гномиков.

Все гномики спят по ночам
А ты почему не спишь
Решила послать к чертям
Свой сон девчонка-плохиш
Я потеряю тебя
Мой гномик – в этом вся суть
И может, через два дня
Будет и мне не уснуть

Стройные ноги в облегающих сапогах и шапка. Хачик подвозил нас до метро. Мимо таких ног сложно проехать. На дорогу он не смотрел, голова его шевелилась перед магнитофоном. Все никак не мог поймать музыку между рекламами. На предложенные мною деньги ответил:

– Нэ надо дэнег. Сыгарэту дай.

Мы ехали в гавань. Это место, откуда не хочется уходить внутрь мегаполиса. Только уплывать из него. Запускаешь взгляд в пространство, и он ползает по водной глади, не желая пришвартовываться. Питерцы живут в морском портовом городе, но узнать об этом можно лишь здесь, приблизившись вплотную к заливу. Окно в Европу, окно со сломанными шпингалетами.

Картина осеннего побережья и пустых причалов изгибается вокруг, и ты становишься центром радиуса-горизонта. Слегка горьковатый и солоноватый воздух, холод гладит щеки. Пена на самом подкате к берегу.

Хорошо там, где нас нет. Смотришь вдаль и думаешь, что там есть нечто особенное, чего никак не может быть в столичном саркофаге российской империи. Люди, садящиеся в корабль – самые счастливые люди на свете, им предстоит познать неизведанное, испытать на себе прелести круиза. Глядя на море, думаешь, что с другой его стороны все намного лучше, что счастье именно там.

Я прошатался в одиночку около часа, пока она бегала по павильонам ЛЕНЭКСПО. В меня проникло завораживающее чувство потери. Им пронизаны все фильмы Антониони. Был в свое время на Кирочной улице кинотеатр «Спартак», где за двадцать рублей можно было увидеть его картины вкупе с творениями Тарковского, Феллини, Бонюэля, упаковав зад в пластиковое кресло для летнего кафе. Образ пустынного пляжа, продуваемого со всех сторон голодным до волн ветром, преследует многих творческих людей, особенно кинорежиссеров. Джон Малкович на детских качелях, позади него серое пространство морской воды – антониониевский крик одиночества.

Потом, несколько лет спустя точно такое же чувство возникло во мне почти здесь же, на площадке перед гостиницей «Прибалтийской», только уже по отношению к другой особе. Стоило прислушаться к этому чувству сразу же, но мы всегда склонны надеяться на лучшее, и самообман потом бьет по сердцу. Чувство потери – редкий случай, когда душа оказывается мудрее рассудка. Территория перед «Прибалтийской» – место застолбленное питерскими байкерами и любовными парочками, пленившее папу «Нашего радио», который провело здесь свой фестиваль. Это мой городской пятачок отчаяния.

В одну из ночей я рассказал М о своей первой любви, о ее профессиональной деятельности. Оказалось, что М занималась тем же и там же – в Москве. Только не от безысходности, как Маша, а из любопытства.

– Я познакомилась с парнями, которые предложили потусоваться с ними за деньги. Единственным условием было не спать. Они висели в Москве несколько дней, должны были успеть за это время сделать свои дела, каждая минута была на счету. У них была стодолларовая купюра с красной окантовкой. Я не могла понять, откуда она, пока не выяснилось, что это кровь, они через нее кокс занюхивали.

М решила поставить настоящие железные ворота, чтобы хоть

как-то обезопасить себя от гостей из прошлого. Попросила меня помочь установить вторую деревянную дверь внутри прихожей. Геморрой предстоял немалый, нужно было снимать косяк, стругать, пилить и т.д. Ей больше некого было попросить о подобной услуге, я согласился. Мы не виделись несколько дней, потом я позвонил, сказал, что вечером приеду. Погрузив инструменты в Жекину машину, отправился с ним к М. Ехал с расчетом на то, что ближайшие несколько часов придется отдать такому малоприятному и запарному занятию, как установка двери посредством рубанка, пилы, молотка и двух рук, порядком отвыкших от мастеровых движений.

М пустила в квартиру, выглядела она отвратительно – бледная, с двумя темными аренами на лице, в центре каждой по глазу. На кухне кто-то был. Я поставил сумку со столярным барахлом на пол, прикинул объем работы, попытался мысленно выстроить алгоритм действий. В прихожую высунулась рожа. Это был трафарет, по которому следовало бы изготовлять лица для фильма «Стена». Полное отсутствие стандартных деталей типа носа или щек – поверхность лба будто размоченным картоном залеплена. Зрачки, как бусинки для бисера – хрен увидишь.

Я зашел на кухню. Здесь сидело еще несколько существ. Глядя на них и на обстановку, их окружающую, было нетрудно догадаться, чем здесь занимались до моего прихода. Следов приготовления химсоставов не наблюдалось, но то, что господа варили далеко не картошку, было видно невооруженным взглядом. Я застал сбор денежных средств – из всех карманов выуживались последние копейки, на которые можно было купить разве что рулон туалетной бумаги.

– Может, сходить в магазин, хоть крупы купить? – промычало одно из существ, обращаясь к М.

Слово «крупа» вывело меня из себя. Крупа – последняя грань нищенства, пища богов в блокадном Ленинграде. Люди переходят на крупу вследствие каких-то причин, но, не тех, что были налицо в данной ситуации. Хотелось заорать: «Какая в жопу крупа?! Пошли на хуй отсюда все, а не то я вам сейчас рыла наркоманские стамеской раскрою!» Но я ничего не сказал. Ни звука не произнес. Просто собрал манатки и выкатился на лестничную площадку. Все повторяется. Все. Просто колесо обозрения, а не жизнь. Не было у меня никакого права орать, кого-то бить, выгонять под зад коленкой из квартиры, потому что это была НЕ МОЯ квартира, а ЕЕ.

Мы расстались с М, не начав встречаться, хотя я чувствовал в ней родственную душу, и как знать, сложись обстоятельства ее и моей жизни по-другому, может, из нас получилась бы неплохая

пара. Но дело не в этом.

Когда я наблюдал ломку Иры в доме на курьих ножках возле «Приморской», я понимал: у людей проблемы, которые мне понятны. Я такой же, как они, просто мы выставили перед собой барьеры разной высоты. Они свой уже перепрыгнули.

У М я четко осознал неприятие личностей, скопившихся у нее на кухне. Это был другой мир, который я покинул раз и навсегда, отстегнув основной парашют и продолжая полет на запаске. Отвращение, жалость, презрение, брезгливость, злость, агрессия – весь этот букет чувств расцветал во мне, пока я мчался по лестнице. Чего не хватает этим фрондерам? Какие-то подростковые вопросы застревали в голове, как пассажиры в турникете, нужно было заплатить, чтоб пройти внутрь, в глубину, нащупать смысл происходящего. А чем платить? Очередным наркоманским опытом? На хрен. НА ХРЕН. Я не буду никем и ничем, как те, что остались без будущего, и даже сраной крупы им не купить.

Стоять под небом, раскачивающимся как сопля на носу алкоголика. Мерзкое ощущение. Кристаллы времени попадают в раствор мыслей, и происходит реакция с шипением, словно «аспирин упса» в стакан упал.

Все слова давно пусты. Какого это осознавать человеку, который выстукивает слова на клавиатуре. Наркотики плохо – глупо сказано. Наркотики хорошо – еще глупее. И та и другая мысль попадались мне неоднократно в литературе и прессе. Но нигде я не встречал простого и явного умозаключения: наркотики – это ничто. Абсолютли насинг. Дырка в кармане. Ты ничего не приобретаешь и не теряешь, употребляя их. Ты просто становишься никем. Математическим знаком, овальным, как дыня – ноль называется. В одной из рецензий на Ирвина Уэлша я прочитал: «Уэлш подводит нас к мысли, что героин – это хорошо». Жаль, не запомнил фамилию рецензента. Мудак Мудакович, прочитай интервью с Уэлшом за 1996 год. Там есть ответы на все интересующие вопросы.

Эволюция моих пристрастий поразила меня самого. Еще совсем недавно я готов был узнать новое о жизни посредством таблеток. Тома Кастанеды, осиленные до двадцати лет – дичь, не более. Схоластическое учение о Доне Хуане не что иное, как саги Толкиена. Энциклопедия человеческого маразма. Псевдорелигия для тех, кому больше нечем мозги занять. Проще отождествлять себя с Гарри Поттером, объевшимся пьотля, чем реально что-то изменить в своей жизни, посредством каких-то усилий.

Когда ты находишься в наркоманской среде, то кажется, что все только тем и занимаются, что ширяются. Любой человек-

антипод, избегающий доступного кайфа, кажется придурком. С каким пиететом я внимал отрокам, вмазавшимся «винтом», когда кто-нибудь из них, медленно покачиваясь на табурете, вещал о своих незабвенных ощущениях, намекая на то, что он – медиум.

Когда ты начинаешь посещать тренажерный зал, тебе кажется, что все только и занимаются тем, что пыхтят на тренажерах. Это довольно радужное ощущение, которое легко развеивается при столкновении с реальностью. Работая в пионерском лагере, я интересовался у деток, каков процент их одноклассников, которые стремаются закатывать рукава при милицейской проверке. По их личной оценке – до 80%.

В России отсутствует социальная реклама. В майском журнале старейшего американского издания Rolling stone за 2003 год можно обнаружить первое за десять лет интервью с лидером Pearl jam Эдди Веддером, рецензию на концерт Zwan, модный разворот со шмотьем, рекламу секса по телефону и на пол полосы фотографию чеченской бабки на фоне разрушенного дома. Это PR одной из общественных организаций, занимающейся правами человека. Представьте-ка что-нибудь подобное в «Оме».

Если судить по рекламе на центральных телевизионных каналах, то выясняется, что все интересы потребителя, после прокладок, бульонных кубиков и «Чаппи» нивелированы к алкоголю. Благодаря СМИ пиво стало лимонадом, его пьют все и всегда в любых количествах, потому что это почти полезно. Любя пиво, я никогда не строил иллюзий по поводу его консистенции.

Когда главврач страны начал крестовый поход на то, что официально до сих пор не относится ни к алкогольным напиткам ни к безалкогольным, я разразился яростным памфлетом в Gaudeamus. Как это так это? Нам нечем гордиться, ни телевизорами, ни автомобилями, так дайте хоть пивом погордиться, нашли, с чем воевать. Вспомнил про Пушкина, про полстакана портера, которые им выдавали в Лицее перед обедом (потом перестали). Я отстаивал в прессе интересы большинства. А потом случайно наткнулся на статистику, которая нигде никогда не будет опубликована, только такой не поддающийся классификации журнал, как «Факел», напечатал впоследствии эти данные. Среднестатистический подросток в России потребляет в день до трех литров пива. В пересчете на чистый алкоголь – это четыреста грамм водки. Если во времена моего тинейджерства я выпивал до шести литров в день, когда и рекламы как таковой не было в принципе, то чего ж тут удивляться сейчас, когда какой ТВ канал не включи – везде тебе предложат на выбор минимум пять сортов хмельного пойла. Четыреста грамм водки каждый день. Я себе почки посадил за три года, выпивая столько.

Не хочется смещать акценты. Реклама есть реклама, она была есть и будет. Вопрос сводится к ее дозировке. Должен быть противовес. А его нет. Комитет по борьбе с подростковым курением снимает ролики о вреде этого самого курения для этих самых подростков – пожалуй, единственный общеизвестный пример социальной рекламы, плюс ролики, снятые Грымовым. И все. Потом дети достигают 18 лет и пожалуйста – никотин твой приятель.

Я сидел в редакции одного питерского глянцевого журнала, и речь зашла о фотовыставке, где были представлены фотографии с инвалидами. Это были профессиональные фотографии с изображением людей, не таких как все. Редактор журнала наотрез отказывался печатать материал об этой выставке. «Не наш формат, эта социальщина не для нас», все в таком духе. Перед этим я узрел репортаж об этой же фотовыставке в одном московском издании, поэтому недоумевал, почему один гламурный глянец может себе подобное позволить, другой нет. «Это слишком экстремально для нас». Да что в этом экстремального? В этом есть альтернатива принятому курсу издания, вот и все.

Людям, которые держат рычаги управления СМИ, просто по хуй. Они знают сколько стоит квадратный сантиметр печатной площади в их газете, минута в эфире их радиостанции, ролик на телеканале. А на остальное по-большому счету насрать. Тем более, всегда есть волшебная ширма, которой можно отгородиться от излишних эмоций – формат и рейтинг. Не стоит после этого удивляться, что подросток выпивает поллитра водки в день. И когда главврач страны, на самом деле, реально обеспокоенный состоянием генофонда, пытается вставить палки в колеса пивной рекламе, естественно, это воспринимается, как мракобесие и реакционерство. Вот неймется старому козлу.

Грымов рассказал мне историю, наглядно демонстрирующую весь идиотизм системы. «Я делал ролик о детях-сиротах. Подумали, надо не просто снять ролик, а дать адрес дома, где дети-сироты живут. Просто открыли справочник, позвонили по первому попавшемуся телефону и написали адрес в кадре. Через полгода позвонил директор этого детдома, умолял снять ролик с эфира. Проверки замучили! И мы снимали его с эфира, потому что каждый чиновник спрашивал их: «У вас такие деньги на рекламу, откуда вы их берете?» Вместо того чтобы этим органам самим подарить телевизор или кроватку, нет у них хватает сил на проверки». На мой вопрос: «Есть возможность переломить хребет данной ситуации?», он ответил, что нет такой возможности.

Работая редактором газеты, я часто задавал себе вопрос, как

выстроить общение с читателем (аудитория 16-25 лет) таким образом, чтобы посылы, которые я ему адресую, не выглядели бы дидактическими материалами о здоровом образе жизни. Дэвид Боуи, который при желании мог бы поделиться впечатлениями от употребления многих препаратов, считает, что слова о том, насколько они вредны – самолюбование и не больше. Понятно, что как только ты произносишь: «Курить – вредно», читатель сразу же возводит тебя в ранг комсомольского Нарцисса, пытающегося наставить заблудших овец на путь истинный. Но при этом Боуи, когда окончательно завязал с наркотой, заявил:

– Это лучший подарок, который я сделал себе за всю жизнь: своему телу и своему здравому сознанию.

Тинэйджерам не свойственно задумываться о последствиях ударов, которые они наносят по своему здоровью, а любое замечание о том, что сие не есть гуд, воспринимается ими как поползновение на личную свободу. У них нет желания учиться на чужих ошибках, а спустя несколько лет будет поздно учиться на ошибках собственных.

Отрезок десятый

«Павел Перец, когда вы, наконец, прекратите печатать ваши эротические мемуары?»

(Из гостевой книги на сайте газеты Gaudeamus).

После института я стал продавцом обуви на рынке. Я уже успел поработать грузчиком, плотником, строителем. Но при этом меня не покидало стойкое ощущение, что я занимаюсь не своим делом. Поэтому я стал продавцом обуви. И это было совсем не мое дело. Стоя у прилавка, я узнал, что такое тупеть. Тупеть на глазах. Возвращаться на стройку не было ни малейшего желания. Я уволился и стал думать о перспективах. Думы затянулись.

Жизнь моя была в стопоре. Безденежье и внутренняя опустошенность – не самые лучшие составляющие личного прогресса. Я шлялся по центральным улицам города в поисках знамения, начал ходить в Эрмитаж и простаивать часами перед картиной Писсаро. Потом как-то захватил с собой тетрадочку, сел на скамейке в Летнем саду и начал писать.

– Павлик, займись делом, – скрипела несмазанными голосовыми связками директриса, в глазах которой я был человеком другой системы (распиздяй, не приспособленный к бизнесу). Она называла меня хиппи, и этого было достаточно, чтоб оценить ее познания в молодежной субкультуре. С таким же успехом Павлика можно было бы называть металлистом. Замечание «займись делом» выводило меня из себя, потому что я наконец-то начал заниматься делом – писать. Время показало, что это было более чем мудрое решение.

Жека работал по профессии «мастер на все руки». Занимался ремонтом домов, квартир, строил дачи и бани. Ездил на автомобиле «Жигули» третьей модели одна тысяча девятьсот семьдесят четвертого года выпуска. Зеленая телега преподносила сюрпризы постоянно, начиная от севшего аккумулятора, заканчивая украденной магнитолой. Как-то раз мы перевозили людей через длинный Сортировочный мост. Посередине моста закончился бензин. Вылезли, толкнули машину, и скатились, запрыгнув в нее на ходу.

Жека жил на «Пролетарской», работал на «Петроградской». Дабы сэкономить время на передвижение по городу, ночевал у меня. В восемь часов утра, когда за окном морозная ночь доскребала темень по сусекам двора, он катал мою спящую голову по подушке со словами:

– Павлик, пошли машину толкать.

Приходилось выползать из-под одеяла и отправляться на улицу, где нас ждало железное четырехколесное млекопитающие.

По ночам я пытался собирать бутылки, но понял, что конкурентов слишком много. Питался гречей, сосиска рассматривалась как деликатес. Я перестал ходить в тренажерный зал, потому что не было денег, чтобы оплачивать занятия. Но продолжал бегать. За это платить не надо. В парадной нашел газовую трубу, которая сгодилась как турник. Соседи иногда вскрикивали, заходя в подъезд, потому что натыкались на мужика в семейных трусах, свисающего с потолка. Зимой я надевал на руки носки, чтобы пальцы к трубе не примерзли. Проходя мимо фитнес-залов, я с неподдельной завистью взирал на людей, сжигающих килокалории. Мне было не дано к ним присоединиться. Тогда я еще не догадался, что мой путь в фитнес будет пролегать через представительницу Швеции. Она явилась коммутатором, соединившим Павлика с данного рода заведениями, активным посетителем которых я все равно не стал, но интерес свой удовлетворил.

Участники ансамбля «Улитки», а так же все те, кто к нему был причастен, собирались иногда в квартире на Моховой, где я жил, устраивали утренники, вечерники и ночники с поливанием кетчупами, жжением костров на линолеуме и показами модной одежды, которой было три штуки (три авангардных платья, сшитых для жителей Альфа-Центавры). Апогеем нашего времяпрепровождения стала шведская тридцатилетняя девушка, которую Сенников охарактеризовал как первый красивую иностранку в его жизни.

Барабанщик ансамбля «Улитки» устроился работать в шведское консульство, благодаря барышне Лизе. Спустя пару дней несколько особей, включая автора этих строк, отправились на концерт в «Спартак», ныне сгоревший. «Спартак» был удобен для меня тем, что располагался в пяти минутах ходьбы от Моховой. Иногда, во время концертов в нем проходивших, я ходил домой пописать или чаю попить, или показать какой-нибудь девушке цветочки на пододеяльнике.

Мы плясали как полоумные, я разделся по пояс. Лиза вытянула мои семейные трусы, торчащие из-под джинсов, оставив Павлика без исподнего. Трусы летали по залу, украсив в итоге

чью-то лохматую голову.

После концерта я отправился домой, где приступил к ужину, состоявшего из батона и двух стаканов какао, густого, как сметана. В дверь позвонили.

– Павлик, надень штаны, – попросил с порога Кирилл.

– Зачем?

– Ну я тебя прошу, надень.

Павлик облачился в джинсы. Кирилл пришел через две минуты, приведя с собой кавалькаду девиц, лопотавших по-шведски, по-английски и по-русски. Среди них была его непосредственная начальница, вице-консул Сесилия Линдстранд, которую я представлял себе как строгую, недотраханную тетку в очках, с жиденькими волосиками, покрывающими нордический череп. На поверку это оказалась стройная голубоглазая блондинка, такой хрестоматийный тип скандинавской фрекен, которой грезят мачо Латинской Америки. Она неплохо лопотала на языке Пушкина и Путина. Добавьте к этому дипломатическую неприкосновенность, оклад в несколько тысяч заокеанских долларов, халявную квартиру в центре города, счастье недавно разведенной женщины, и вы получите особу, которая по ее собственным словам чувствовала себя в России, как королева.

Девицы отправились лицезреть залежи косметики, новогодних масок и париков. Сесилию заинтересовал холодильник, стоявший у меня в прихожей. Холодильник больше походил на сына Громозеки (если бы у того были дети) из мультфильма «Тайна третьей планеты». Это был агрегат, произведенный во времена товарища Брежнева. В нем хранилась моя обувь.

После неработающего холодильника, товарищ шведка была очарована полуметровым бюстом Ленина, который, как и его оригинал, мирно покоился. Только не в Мавзолее, а в моей дальней комнате, посреди прочего хлама. Бюст был гипсовый и грязный.

На оба вышеописанных предмета Сесилия положила глаз, выразив желание приобрести их немедленно. Торга не состоялось. Сошлись на сумме, которую тратит дипломат во время визита в ресторан, и которую я мог бы потратить на пищу земную в течение недели-двух. Сесилия пообещала прислать машину за выкупленными у меня раритетами.

По ходу пьесы подтянулись Сенников, Лиза и остальные. После заключения сделки, решили направиться в одно из увеселительных заведений города. По дороге Лиза, развязавшая себе язык коктейлем «Б amp;Б» («Бочкарев» с «Балтикой»), увещевала меня:

– Вот смотри, Сесилия, красивая, свободная. Чего бы тебе не попробовать?

– Действительно, – сказал я, теребя последние пять рублей, приютившиеся в кармане, – почему бы и нет?

В баре Павлика понесло. Человеку, воспитанному в Совке, трудно адаптироваться к общению с иностранцами. Особенно тому, кто ни разу не выезжал за пределы матушки Родины. Но когда перед тобой красивая особа, то об этом можно на время забыть.

Поздним вечером я позвонил Лизе домой, и спросил, как бы мне связаться с ее начальницей. Лиза, уже малость протрезвевшая, заметалась между фразами “а ты уверен?”, “а ты нас не подставишь?”, “а может не надо?” и т.п. Порешили на том, что я позвоню Лизе, а она соединит меня “непосредственно с…”.

Декабрь дал пинка ноябрю, календарная зима заявила о себе по всем фронтам, предновогодняя истерия стартовала. Учитывая то, что контора, где обитала моя телесная оболочка, торговала, помимо всего прочего, масками, погремушками, костюмами и прочей новогодней хренью, мне приходилось наносить визиты в Дом ленинградской торговли и Гостиный двор. Сначала в директрисин «Гольф» грузились коробки с товаром, затем мы отправлялись в один из двух универмагов. Там я вылезал вместе с картонными параллелипипидами на улицу, звонил на склад, за мной прибывал грузчик с телегой и таким выхлопом изо рта, что после него перестаешь обращать внимание на загрязненность воздуха в центре Петербурга. Мы поднимались в складские помещения, где толстые тетки в очках и голубых халатах, начинали сверять количество изделий, содержащихся в коробках с количеством изделий, зафиксированных в накладной. Всегда что-то не сходилось, приходилось звонить в контору, объяснять разлюбезной секретутке, что артикул такой-то не соответствует артикулу такому-то, и что такую-то масочку придется довести. Тетки рычали на меня, мол, неужели нельзя все самим было сосчитать и перепроверить. Можно было рассказать им длинную историю о том, что считал и проверял масочки не я, что занимались этим две девушки, одна из которых водит маленький «Фольксваген» и ноет о том, что я опять не помыл пол, а другая использует компьютер как средство релакса, играя в «Heroes». В финале все документы проштамповывались, я забирал наши экземпляры накладных, счетов-фактур и пешком возвращался в офис. Как видно, это был увлекательный процесс, доставлявший массу эмоций, которые нельзя классифицировать как положительные.

На следующий день после знакомства с представителями

одной из скандинавских стран я шагал в ДЛТ. Мне нужно было поставить печать и подпись у противной бабы со взглядом, засалившимся как ее халат. Сесилия отошла в небытие так же, как и появилась. Я не собирался ей звонить. Кто я, и кто она. Даже если допустить мысль о том, что мне удастся ее куда-нибудь пригласить (куда!?), то, что я с ней буду делать? Это ведь существо с Марса, с иным менталитетом и восприятием жизни. Заходя в универмаг, я потеребил оставшийся рубль и, сообщив охраннику о цели своего визита, стал подниматься по служебной лестнице на шестой этаж. Изнанка праздничных прилавков в виде тусклых коридоров, гогочущих грузчиков и суетящихся приемщиц. Возле туалета толпа курильщиков, травящих анекдоты. Склад игрушек сразу возле него.

Когда, проделав все нужные операции с бумагами, я, наконец, очутился на улице, то захотелось срочно вернуться домой, залезть под воду, намазаться синими соплями геля для душа, и мокнуть до вечера, превратясь в осенний тополь под дождем. Уже почти дойдя до Невского, желание мокнуть под водой сменилось желанием набить морду самому себе – я забыл поставить печать. Возвращаться обратно, подниматься по нескончаемой лестнице, опять выслушивать бытовые сетования работников розничной торговли? Я стоял посреди Большой Конюшенной с видом обманутого вкладчика, подсчитывающего урон, нанесенный ему банковской системой.

Можно было и не возвращаться. Но тогда пришлось бы вытерпеть вонь директрисы. Из двух зол я выбрал меньшее. Лунатики, скользящие ночью по мокрой крыше, делают это под воздействием той же психосоматической силы, что давила на меня в тот момент. Как выяснилось, вернулся я не из-за печати. Вернулся я из-за того, что там, на первом этаже, стояла шведка с Марса, пытаясь сориентироваться в ассортименте предлагаемых покупателям вин. Она жила в двух шагах от ДЛТ, и не было ничего удивительного в том, что встретились мы именно здесь. Но тогда казалось, что судьба тыкает носом в ситуацию, пытаясь скорректировать ход событий. Сесилия дала мне свой номер телефона. Я взмыл как ракета на шестой этаж, где деревянным кругляком, смоченным синими чернилами, мне припечатали два листка бумаги.

К моменту нашей встречи она заканчивала свое трехгодичное пребывание в Питере и через месяц собиралась отчаливать к родным берегам, омываемым водами Балтики. Десять дней растянулись молча по окраине временной. Лампа неба свой взгляд волчий откупорила над Сенной.

Месяц растянулся не молча. Он растянулся с криком, ором,

гиканьем. Время нагрелось, стало мягким, как оловянная проволока для пайки. Эластичность сказалась на продолжительности дней, часов, секунд, потому что ничего я не помню из всего того года, кроме последнего месяца, его замкнувшего. Шведского месяца, после которого я покинул группу «Улитки», а наша компания прекратила свое существование в связи с межличностными конфликтами, в ней возникшими.

Бумажка с номером телефона обжигала пальцы. Денег не было, приличных штанов тоже, вместо перчаток я носил шерстяные носки, не чувствуя ни малейшего дискомфорта по поводу своего внешнего облика. Главное, чтобы было тепло. Шерстяные носки выбивали из колеи многих барышень, они отказывались верить в факт наличия у меня на руках деталей одежды, предназначенных для ног. Стандартизация мышления сделала свое дело, люди перестали экспериментировать со своим внешним обликом, авангардисты от моды не в счет. То, что мы видим на подиуме, восхищает, удивляет, раздражает, только никто не станет носить показываемые нам коллекции в обыденной жизни, отдавая предпочтение классическим формам обуви и курток, то есть простоте и удобству. Поэтому такой, казалось бы, безобидный штрих в общей картине гардероба (а то, что на мне было надето, как правило, и составляло весь гардероб), становилось поводом к экзальтации. Ладно бы я бравировал своими носками, как супермодным новаторством. Но я всего лишь нашел для себя оптимальную форму перчаток, в которых пальцы не скрючивались от мороза. В любом случае, это было не по-шведски.

День проволочился кряхтя. Дни вообще были убогими и пресными, как чебуреки, продаваемые в ларьках с шавермой. Не хватало специй.

– Тебе несколько раз звонила Сесилия, – встретила меня директриса с той интонацией, будто мне звонил Борис Ельцин.

Сесилии просто стало скучно, и она решила позвонить. Встретились возле консульства, отправились тыкать киями бильярдные шары. Затем переместились в ирландский паб, где пропили деньги, которые полагались мне за Ленина и холодильник. Здесь уже принимала пятую пинту пива Сесилина подруга Каролина с компанией шведосов.

– Poul, I need someone, – лопотала пьяная Каролина, намекая на моих друзей с гитарами наперевес. – He must be an artist with sense of humor.

– Звони, – сказала Сесилия, вручив мне мобильник. – Найди ей кого-нибудь, чтоб она успокоилась.

Я вышел на улицу. Покрутил в руках изделие шведских умельцев, поплевал на асфальт, прислушался к своим ощущениям.

– Идите-ка вы в баню, – сказал сам себе и вернулся обратно.

Извиняйте, хлопцы, бананов нема. Как-то не хотелось мне в тот вечер выступать в роли брачного агентства.

– Хочешь салют посмотреть? – спросил я Сесилию.

У меня дома хранились остатки былой роскоши. Когда-то я торговал пиротехникой. Один раз устроил салют под окнами барышни. Не самое заурядное действие в свете серенадных представлений.

– Где?

– У меня дома.

– Ты меня обманываешь.

В бар завалился бывший Сесилин бойфренд по национальности швед, по внешности студент. Компанию ему составляла моя соотечественница.

– Как он мог променять меня на эту русскую! – выпалила вице-консул на улице. – И, проведя указательным пальцем над верхней губой, добавила, – с ушами!

– С усами, Сесилия, с усами.

Девушки внимательны друг у другу. Наличие растительности на лице у соперницы не осталось незамеченным. Алкоголь стер налет этикета, оголив сущность самки, на чью территорию посягнули.

Салат дорожной хляби под майонезом снега ждал голодных лопат утренних дворников. Моховая цвела, как застоявшаяся в пруду вода, искрилась улыбками фонарей.

– Подожди здесь.

Я оставил ее стоять у подворотни, сбегал домой, принес несколько «бабочек» и шестиствольный бочонок, внутри которого дремала гремучая смесь. «Бабочки» подкидывались в воздух, где они делали фигуры высшего пилотажа, оставляя за собой огненный след, после чего производили акт камикадзе, взрываясь на уровне второго этажа. В окнах появилось несколько любопытных рыл. Взрывы чеченских террористов еще не выветрились из памяти горожан, любые громкие звуки на улице воспринимались как сигналы воздушной тревоги.

Я поставил бочонок посреди мостовой, дал прикурить фитилю, и оттащил офигевшую Сесилию к арке тридцать первого дома, дабы сразу после кончины «Красного дракона» (так называлось изделие китайской пиротехнической промышленности) нырнуть во двор. Арбузий хвостик фитиля быстро прогорел, приведя систему в действие. Бочонок кончил

шесть раз, ракетное семяизвержение было настолько мощным, что я малость струхнул, высматривая, не катится ли по улице ментовский болид. В небе расплывалась салютная сперма, грохот стоял неимоверный, и сквозь него уже прорывались мерзкие завывания автомобильных сигнализаций. Шведская челюсть сделала непроизвольное движение вниз.

Дома мне был задан вопрос, из которого я сделал неутешительный для себя вывод: women are the same.

– Сколько у тебя было женщин?

– Не знаю. Это имеет какое-то значение?

– Да.

– Я не помню.

– Тогда считай.

Она не шутила. Я сделал вид, что считаю, выдал первую пришедшую на ум цифру. Потом положил на колени гитару. На столе лежал сборник песен, непонятно, как у меня оказавшийся. В нем были слова фактически всех хрестоматийных рок-хитов. Сесилия полистала тонкую тетрадь с английскими буквами, и нашла в нем что-то для себя близкое.

– Можешь сыграть?

Набивший оскомину «Отель Калифорния» доставил мне удовольствие. Обычно я этот шедевр даже слушать не в состоянии, не то чтобы играть. Но тогда незамысловатая и, стоит признаться, гениальная мелодия обволокла кухню, словно сигаретный дым.

Через пару часов хорового пения она ушла отсыпаться в свою казенную квартиру. Женщина-головоломка, на шесть лет меня старше, на несколько культурных слоев от меня дальше. Козлиное самодовольство активизировалось, со всей присущей ему скромностью Павлик заявил:

– Я буду жирной точкой в твоей петербургской карьере.

Ни мое безденежье, ни мой продавленный матрас меня не смущал. Women are the same.

Спустя несколько дней Сесилия закатила у себя дома вечеринку. Праздники у иностранцев радуют отсутствием такого исконно русского дибилизма, как застолье. Статичные посиделки вокруг холодца с водкой у них заменены броуновским движением частиц, оказавшихся в одном помещении. Кухня превращается в бар, где каждый обслуживает себя сам, народ кучкуется, выпивает, танцует, наслаждается демократизмом свободного времяпрепровождения.

Сесилия накупила пива с чипсами, пригласила всю нашу компанию и своих друзей. Охранники, сидящие в шведском переулке, наверное, видали всякое, но все равно делали

настороженные лица, когда пропускали мимо себя таких персонажей как я или Жека. Рожи у нас были явно не дипломатические.

В квартире было два туалета, столовая, Сашечка сразу же поинтересовался у хозяйки, не сдаст ли она ему комнатку на пару месяцев. Пришел Сесилин друг, американец, с которым у них закручивалась любовь-морковь.

– Ты какой-то грустный! – обратилась она ко мне.

– Не выспался.

– От этого спасает крепкий алкоголь.

– А у тебя есть что-нибудь помимо пива?

– Пойдем.

Она провела меня в столовую, открыла чуланную дверь, зажгла свет. Помещение, размером с лифт, было разграфлено полками, на которых стояли бутылки. Коричневели коньяки, пыжились бутылки с водкой, красно-белые вина покоились в стеклянной таре, которая у советского человека ассоциируется с портвейном. Ром, ликер, текилла, джин? Я позабыл о том, что не пил уже больше года.

– Можно пожить в этой коморке пару дней?

Долго не мог выбрать. Хотелось пить что-то одно. Решив не выпендриваться, взял бутылку виски (1 л. по моей версии, 0,7 л. по Жекиной), и всю ее приголубил. Где-то посередине этого процесса Сесилия выловила меня в коридоре.

– Я хочу тебе что-то сказать.

Пауза.

– Нет, потом.

Я напился. И немудрено. Ушел тогда, когда в бутылке не осталось ничего, кроме запаха. Ушел без носков, которые затерялись в каком-то углу. Без тех носков, что надевались на ноги. Пересекая декабрьской ночью площадь Искусств, я ставил ботинки, в которых затвердевали голые ступни, на тротуары, мощенные яковлевскими кирпичами. Пытался, пока пьян, честно признаться самому себе: я самоутверждаюсь, или мне действительно нужна эта женщина? Изначальный импульс был навязан извне захмелевшей Лизой. Импульс породил действия. Никакой любви не было. Был интерес хирурга, препарирующего пациента с неизвестной науке болезнью шведянкой. Я чувствовал себя моральным уродом, который идет на поводу даже не похоти, а мужских амбиций. В компании Павлик слыл ловеласом, требовалось подтвердить свой статус. Когда я это осознал, когда честно самому себе в этом признался, что-то щелкнуло внутри, лопнул шланг, выпуская пар эмоций. Я очистил образ от шведско-консульской кожуры, получив красивую женщину, которой

оставалось пробыть в Питере уже меньше месяца. Срать на ментальность и разные социальные уровни. Я М, она Ж. Все остальное не имеет значения. В этот момент я почувствовал, что во мне зарождается новое чувство.

Дома Павлик вонзился в матрас и вырубился. Проснулся посреди ночи от гула в мозгу. Это дребезжал звонок входной двери.

После моего ухода Жека погрузил в машину Сашечку и Никиту Попова, и отправился на улицу Короленко. Думаю, окна в автомобиле запотевали во время их вояжа, потому что кровь трех организмов была ускорена по максимуму за счет безудержных возлияний. Никита долго воевал с дверью, пытаясь по робингудовски поразить мишень, коей являлась замочная скважина, с помощью ключа. Жека приехал ко мне, позвонил несколько раз – тщетно. Сознание мое пребывало во сласти тягучих сновидений. Жека вернулся к Никите, но там его встретила гробовая тишина и скрипы зимней питерской ночи: тела приняли горизонтальное положение, и заставить их подняться не смог бы даже удар током. Тогда Жека опять вернулся ко мне, утопил пальцем звонок в стене, прислонился к нему лбом и заснул как мерин, наполнив пространство квартиры дребезгом надрывающегося электрического колокола. Жеке было не привыкать. Работая на стройке, он частенько садился на лесах с молотком в руке и каской на голове, упирался черепом в кирпичную кладку и вырубался. Прорабы не могли просечь – работает человек, или рассматривает свои говнодавы. То что, человек мог в таком положении спать, они даже не догадывались.

На следующее утро мы отправились на Большую конюшенную улицу, где проходил фестиваль мороженого. Не было даже сил смеяться над опухшими личиками друг друга. Затарившись ведерками с холодной и сладкой массой, мы плюхнулись в пластмассовые кресла. Дети, вооружившись родителями, роились возле рефрижераторных сот. Молочный мед, нежный пломбир, упакованный в брикеты различной формы, массы и размера, выменивался на деньги. Я остужал нутро, отправляя в желудок любимое лакомство Хоттабыча, и тупо смотрел на праздничную толпу. В двух шагах отсюда спала Сесилия.

Между стекол в окнах сквозит
Свежий ветер тонкий и узкий
Где-то в консульстве консул сидит
Говорящий немного по-русски

Через день приехали молодцы за холодильником и Лениным. При костюмах и галстуках, с руками, вымытыми мылом «Safeguard». На отливающем бликами микроавтобусе, внутри которого было чисто, как в частной зубоврачебной клинике.

– Нас Сесилия попросила забрать что-то.

Я похихикал.

– Ну пойдемте, покажу вам ЧТО-ТО, что нужно забрать.

Когда они тащили холодильник, они еще не ругались. Просто надрывались, как безголосые поп-певцы, которым выдалось петь не под фанеру.

– На кой хрен ей неработающий холодильник? – ворчал тот, что постарше. – Я такой даже на дачу не поставил бы.

«Мальчики, – думал я, – вы привыкли жить у кормушки, как русские Ваньки в кукольной форме, охраняющие консульство США. Back to reality».

Ругаться они стали, протащив по коридору Ленина и увидев, во что превратились их отхимчищенные костюмы. Я сжалился и пустил дядьков на кухню к раковине.

– Все? – с нескрываемой надеждой в голосе спросили они.

– Нет, еще вот это, – я показал на свой продавленный матрас.

Парни сморщились, как позапрошлогодний картофель.

– Шучу, – приободрил я их, и выпроводил за дверь. Сесилия получила причитающиеся ей товары.

Она говорила “вилька”, “бутилька”, “футболька”. Это мягкое л придавало ее речи что-то детское. Похорошевшая Астрид Лингрен, выучившая русский язык. Ее отец играл на саксе. В самом начале нашего знакомства, Сесилия призналась, что единственная вещь, от которой она действительно тащится по жизни – это саксофон. Жалею, что не посоветовал ей посмотреть «Такси-блюз» Лунгина. Жалею, что не умею играть на инструменте, который как консервный нож вскрывает жестянки человеческих душ.

«Улитки» искали духовую секцию, чтобы как-то оживить несколько блеклый фанк. Придя на репетицию, я не обнаружил никого, кроме маленькой девочки, которая откликнулась на наше объявление. Девочка училась в Институте культуры. Находясь в некоторой растерянности от такого коллективного непосещения столь ответственного мероприятия, как репетиция, я не нашел ничего лучшего, как предложить ей пойти ко мне домой, благо было недалеко. Через полчаса, сидя в кресле, я услаждал свой слух саксофонными выкрутасами, начиная с джазовых стандартов и заканчивая всем известной мелодией, исполненной Кэнди Дауфер совместно с Дэйвом Стюартом. Раздался телефонный звонок. Сакс смолк. Я снял трубку. На связи была Сесилия. Она

звонила из консульства с очередной национально-официальной вечеринки, нудной и скучной. Я попросил ее “превратиться в слух”. Прикрыв трубку ладонью, прошептал, обращаясь к своей визави:

– Ну-ка, подуди.

После чего протянул телефон вперед, навстречу отливающей золотом металлической клюшке. Меха человеческих легких раздулись, и по телефонным проводам полилась меланхоличная мелодия. Даже крысы под полом притихли. Гнутая труба с пуговицами клапанов исходила звуками, стройными, как римские когорты. Время замерло в ожидании музыкальной коды.

Когда дуделка перестала дудеть, в трубке послышался сдавленный голос:

– Ты сделал мне потрясающий подарок.

Кирилл, бывший на том приеме, рассказывал, что она стояла и плакала, прижав к уху свой “Ericsson”.

Каролина свалила на пару недель, оставила Сесилии ключи от квартиры. Сесилия пригласила меня в гости на ужин. Долго не могла справиться с микроволновой. Помогла моя русская сноровка (нажимать на все кнопки без разбора, пока не заработает). Свечи, музыка, льющаяся из мощных динамиков, вино, все дела. Эта квартира, где туалет по площади превышал мою кухню, запомнилась, прежде всего, вечеринкой без штанов. Каролина прислала мне е-мэйл, где говорилось о том, что в городе достаточно одиноких женщин, и одиноких мужиков тоже хватает. Поэтому она и несколько ее сподвижниц в деле сведения одиноких сердец устраивают партейку у Каролины дома. Дамы приглашались к 17.00, кавалеры к 19.00. Когда я с парой приятелей прибыл к месту назначения, выяснились условия прохода: всем мужчинам требовалось снять штаны. По квартире расхаживали сэры в нижнем белье от «Dim», а так же сэры в трусах, чей дизайн был явно позаимствован у модельеров, обслуживавших кавалерию Красной армии. Все были изрядно под шафе, основной контингент составляли подданные иностранных держав. Редкий случай, когда можно встретить топ-менеджера западной фирмы при галстуке и голых ляжках или служащего банка в одних носках. Некоторые индивидуумы, чьи портки, видать, потеряли товарный вид, обвязались полотенцами, и стали похожими на Тарзана, болеющего водянкой. Среди гостей терлась русская девица глянцевого вида, пришедшая сюда обзавестись папиком.

Шведы предваряют вечеринку национальным напитком, запамятовал, как называется. Водка с томатным соком варится в огромной кастрюле (плюс добавление ряда специй), после чего

получившееся пойло разливается по стаканам и всучивается всем гостям без исключения. Гадость редкая. Еще одно блюдо, которое я никогда так и не осилил – бананы, нашпигованные шоколадом и запеченные в духовке.

Сесилия не стала мудрить, и приготовила мясо по интернациональному рецепту – хорошенько его прожарила, положила рядом горсть риса и свежие овощи. Такое блюдо придется по вкусу и китайцу и эскимосу. Я уже научился не говорить о превосходстве некоторых изделий отечественного производства над западными аналогами, потому что лучший шоколад производят в Швеции, так же как пиво, и все остальное. В данной ситуации я готов был согласиться с этой версией. Я готов был согласиться вообще с любой информацией, проистекавшей из ее уст. Когда она говорила: «Это была наша территория!», я соглашался. Ваша. До Петруши Первого. А после Петруши стала не ваша. Окошечко. В Европу. Сквозняки из этого окошечка до сих пор по всей стране гуляют.

Хронология событий, кастрированная советскими историографами, ведет отсчет отнюдь не с Петропавловской крепости. В школе нам рассказывали о нескольких деревеньках, ассимилировавшихся со столицей. Коренной петербуржец уверен, что до того, как в здешней трясине увязли ботфорты первого русского императора с обритым подбородком, жизнь вдоль Невы была связана лишь с миром флоры и фауны. Территория Шведского переулка с прилегающим консульством, Шведским домом и шведским лютеранским приходом церкви Святой Екатерины опрокидывает устоявшееся мнение о нелюдимости питерских болот в пучину фактов. Шведский приход, один из старейших в России, ведущий отсчет времени с 1640 года, возник на территории шведского города Ниена, основанного восемью годами раньше. На другом берегу, в лоб Ниену смотрела крепость Ниеншанц (на месте утрамбованной новгородцами Ландскроны). Здесь тряслись карманы купцов, плативших пошлину шведосам за право двинуть с Востока на Запад и обратно. Ниен, в котором проживало порядка двух с половиной тысяч Сесилиных предков, был спален по приказу коменданта Ниеншанца Иогана Апполова, когда дух приближающегося фельдмаршала Шереметьева стал ощущаться особенно остро. Ниен был растащен на запчасти для Петропавловки. Его крепостные валы продолжали нагло выпирать до конца XIX века. Этой историей не принято дорожить. Река Оккервиль, названная в честь полковника Оккервиля, точнее в честь его мызы, которая стояла на ее берегу. Еще одна мыза майора Конау, где Петруша устроил свою первую питерскую резиденцию, свой Летний сад, насадив тополей, тень которых

укрывала потом Крылова и Пушкина.

Сесилия рассказала, как зашла погулять в Летний сад с собачкой своей подруги, не зная о том, что этого делать нельзя. О разочарованном менте, который вынужден был ее отпустить, даже не оштрафовав («Это была наша территория!» «Спокойно, Сесилия, ваша»). О волшебной жизни персоны под грифом «дипломатическая неприкосновенность» с автомобильными номерами красного цвета. Хотя еще несколько лет назад она работала в одном из шведских баров официанткой. Упорство и любовь к русскому языку сделали свое дело. Человек, который нам всем казался представителем иной системы, на деле был в доску свой. Она адаптировалась к России, стала понимать вещи, здесь происходящие так, как понимаем их мы. Но при этом в ней сохранилась главная ценность любого адекватного иностранца – всегда можно было послушать мнение человека о российской действительности, не обремененного патриотическими догмами и «болью за родной народ». Это был взгляд со стороны, взгляд точный и безжалостный. Безжалостный, потому что честный.

Новый год приближался, подкрадывался елочным десантом, готовя засаду. Я продолжал экспедиторствовать, мозги кипели от истерик директрисы. Новый год – апогей торгового сезона, после которого наступает январский штиль с мизерной покупательской возможностью. Поэтому работники сферы купи-продай (от торговок мясом на рынке до официальных дистрибьюторов «Мерседес») стараются выжать из предновогодних недель все возможное. За год до этого в течение трех последних декабрьских дней в качестве продавца я заработал денег больше, чем за весь последующий январь. Но это психоз чистой воды.

В последнюю ночь перед отъездом Сесилии, мы с ней сидели у меня на кухне. Даже в такой момент она продолжала думать о работе, о том, кто заступает на ее место.

– Ты можешь, наконец, забыть про fucking job? – не выдержал я. Мы мало спали за последние несколько суток. Нервное напряжение росло в геометрической прогрессии. Потребовалась четверть часа, чтобы вице-консул уступил в ней место женщине.

– В Швеции очень скучно, – сетовала она, – и очень дорого.

Утром она ушла. В квартире у нее уже все было собрано. Приезжает фура, водитель сам складирует вещи по коробкам, разбирает столы и шкафчики, грузит их в машину, приезжает в Швецию, в нужную квартиру, расставляет мебель по местам. Сесилии надо было только привести получившийся интерьер в божеский вид. Вы в России доверите незнакомому водиле ключи от двух квартир, с тем, чтобы он перевез ваши шмотки из одной в другую, при этом собрав их собственноручно?

Потом несколько недель холодильник стоял у Сесилии посреди комнаты, потому что она не сказала грузчику-шоферу, куда его нужно поставить. Одной ей было его даже с места не сдвинуть.

Тридцатое декабря. Корпоративные пьянки во всех офисах. Электрички в метро перегружены туловищами с ошалевшими взглядами. Люди носятся по магазинам, каждый отсек в универмаге – дистанция, которую нужно преодолеть по-спринтерски. Подарки – бич праздника. Всеобщая паника в преддверие водочного потопа. Каждая квартира, каждая нора с канализационной системой и электропроводкой внутри становится отдельно взятым ковчегом. А впереди маячит рожденный гребенщиковской музой ангел всенародного похмелья с мокроусыми крылами.

Аристотель назвал бы происходящее в моей конторе не иначе как катарсисом. Я помогал со сборами.

– Павлик, ты все подготовил для Гостинки? – спросила меня директриса. – Все проверил по списку.

– Все, – ответил я, понимая, что осталось потерпеть еще немного. В январе контора вымрет, как сочинские пляжи в межсезонье, и я смогу восстановить душевное равновесие.

– Отвечаешь?

Она стала с остервенением отдирать скотч от коробки, желая самолично удостовериться, что на самом деле я собрал не все. В чем-то ошибся. Что я вместо одного ебаного конфетти положил другое ебаное конфетти. Ей требовался очередной выплеск скопившегося за ночь дерьмеца, а для этого нужен повод. Я был уверен, что все проверил. Потому что мне же эти долбанные единицы товара отдавать на склад, где все должно сойтись. «Если она не найдет повода в этой коробке, то она найдет его где угодно, хоть у меня в жопе. Как же ты предсказуема, – подумал я, – ни Фрейда, ни Берна не нужно».

В соседней комнате заверещал телефон.

– Паша тебя, – крикнула секретутка.

Я переместился к телефону.

– Привет, – послышался в трубке Сесилин голос.

Она звонила из аэропорта. Я присел на край стола. Секретутка тактично удалилась. Все слова давно пусты. Гной скопившейся усталости начал вытекать из глаз. Я вытер мокрую соль кулаком с лица. Только этого не хватало – нюни-нюни.

Все через анус. Каждый раз, встречая человека, близкого мне по духу, к которому я начинаю что-то чувствовать, обстоятельства юркой отверткой отвинчивают шурупы, на которых платформа счастья крепится к станине жизни, и она отваливается с грохотом,

оставляя синяки на сердце. Я размяк, как хлебный мякиш, насаженный на рыболовный крючок и закинутый в воду. Силы ушли, покинули меня. Так поезд покидает перрон – медленно, но верно, набирая скорость.

– Сесилия…

Я не помню, что говорил. Не помню, что она отвечала. Что-то нежное. Что-то искреннее. В голову ударил вопль из соседней комнаты.

– Павлик, ты долго будешь разговаривать? Ехать пора.

Помни, Венечка, те несколько часов. То есть, Пашечка. Я собрал остатки силы воли, дабы не оторвать директрисе голову. Хотелось сыграть ею в футбол.

– Прощай.

Короткие гудки. Трубка, как дуршлаг, в мелкую дырочку. Макаронины слов просовываются сквозь них в голодные до лапши уши. Я не вешал лапшу. Говорил правду. Понимал, что мне будет не хватать ее. Две копейки скандинавских озер в каждом глазу. Цвет волос натурален, как деревенский творог.

Одна из заслуг Сесилии передо мной заключается в том, что она свела меня в фитнес, который мне до этого казался привилегированным аквариумом для особо ценных пород млекопитающих. И за это я ей благодарен.

Всех евоадамов можно условно поделить на две категории: тех, кто в фитнесе, и тех, кто бухает. Сесилия относилась к обеим категориям сразу. Я не раз намекал ей, что так можно распрощаться с сердцем, потому что у шведосов есть дурная привычка ходить в тренажерные залы на следующий день после пьянки. У нее был личный тренер и абонемент в клуб, который держал ее соплеменник.

– Первое занятие для всех бесплатное, – сказала она.

Способность совмещать бухло, сигареты, легкие наркотики и изнуряющие тренировки поражала меня в шведах. Мы отправились в зал на следующий день после попойки, во время которой я не выпил ни грамма, зато форенеры заправили полные баки. Какого же было мое удивление, когда я встретил эту же компанию, правда, поредевшую, в обрамлении тренажеров. Еще вчера они скандировали «Сколь!» (слово, произносящееся при чокании бокалов, что-то типа английского «Cheers!» или русского «Ваше здоровье!»), а сегодня вытравливают из организма килокалории.

Я воспользовался разовой халявой, полежал под штангой, сходил в сауну и забыл о фитнесе на три года. Вспомнил, когда съехал с Моховой, где газовая труба в подъезде служила мне турником, а две железки, которые кладут на весы, взвешивая

мешки с капустой, гантелями. Первым делом отправился в тот же самый зал, куда меня свела Сесилия. Большое синее полотенце, ключ от шкафчика, прорезиненный пол, зеркала с человеческий рост, накаченные инструкторы, воспитывающие клиентуру с бисером пота на лбу.

Фитнес – вежливый наеб с комфортом. Упражнения, которые нужно совершать для поддержания тела в форме, давно известны. Все эти тренажеры, напоминающие камасутру для терминатора, нужны для того, чтобы посетитель ни на секунду не усомнился: бабло заплачено не зря. Здешнее оборудование напоминает мне задорновскую грелку для пупка – вещь, по всей видимости, небесполезную, но прожить без нее можно.

Когда перед человеком стоит острейшая проблема изменения конфигурации своих чресел, ему нужно бегать и пресс качать, а уж потом все остальное. Но за деньги, за большие деньги, пусеньку посадят, пусеньку уложат, дадут в ручки две железные мандулы, опрезервативленные резиновыми рукоятками, и скажут, сколько нужно делать повторений на данном тренажере, чтобы у пусеньки мамончик сдулся, а ручки наоборот, надулись.

Я знаю, что штангу нового поколения придумать невозможно. Это все равно, что колесо нового поколения изобрести. Поэтому когда в одном из фитнесов тренерша увещевала меня, что у их конкурентов морально устаревшие тренажеры (а у них, соответственно, тренажеры нового поколения), я не совсем понимал, что она имеет в виду. Мне нужно несколько железных конструкций, примитивных по своей форме, для выполнения незамысловатых действий, направленных на укрепление мышц. Все остальное меня не интересует.

Павлик обошел все питерские фитнесы, которые находятся в пределах досягаемости, и в которых действует волшебная формула: бесплатный первый визит. Месяц наслаждался созерцанием загорелых телок с упругими попками, обтянутыми шортиками «Speedo». Месяц чувствовал себя безобидным диверсантом – я обманывал менеджеров, которые окучивали мой мозг информацией о стоимости абонемента на год и полгода, провожали меня словами:

– Ждем вас в следующий раз.

Ждите.

Шведский опыт пришелся ко двору. Павлик до Сесилии и Павлик после Сесилии – два разных человека. Она заставила меня поверить в себя. Дала понять, что нет недостижимых целей. Избавила от «социального» комплекса, из-за которого я бы никогда сам не перешагнул порог фитнес-зала.

Отрезок одиннадцатый

«Сила воли – способность бросить курить. Нечеловеческая сила воли – никому об этом не рассказывать»

(Неизвестный автор).

Конопляный рецидив имел место быть в тот период, когда тело мое освоилось с предложенными ему нагрузками, и я начал забывать про опущенные почки и гастрит. Случилось это под занавес непродолжительных курсантских каникул Павлика.

Натуральная армия в искусстве – роман «Синдром Фрица» и спектакль Gaudeamus в МДТ. Свой мимолетный роман с РЭП я не стану сравнивать с опытом Бортникова. Есть рэп в исполнении Public enemy, а есть РЭП в исполнении глушилок. Это радиоэлектронное подавление. А «белый шум» – это не цитата из акмеистов. Это независимость спектральной составляющей от частоты. Иэн Бэнкс использовал белошумный термин в двух своих романах – он действительно поэтичен, несмотря на брутальную математическую расшифровку. Мой профиль – радиоэлектронная борьба.

На первом курсе мы познакомились с майором Блиновым.

– Мне бы этого Рэмбу, – говорил Блинов с сардонической ухмылкой, передергивая плечами, предвкушая, чтобы он сделал с железным Слаем, окажись тот поблизости. Наверное, что-то нехорошее.

Любое возражение майор встречал вопросом:

– А у тебя сколько прыжков с парашютом?

Поскольку парашютистов среди нас не наблюдалось, майор всегда был прав. У него за плечами, украшенными рубцеватыми звездочками, с помощью которых можно идентифицировать воинское звание, всегда болтался парашют. Так казалось и ему и нам.

В здании на Английском проспекте, где располагалась наша военная кафедра или факультет военного обучения, как теперь принято выражаться, стояла аппаратура, мощности которой хватило бы, чтобы заглушить в Питере все радиостанции, начиная от «Европы плюс», заканчивая «Рекордом». Иногда бабушки из

окрестных домов жаловались в местное отделение милиции, что у них канал ОРТ ругается матом. А это всего лишь студенты отрабатывали передачу информации с одного этажа на другой посредством радиосвязи.

Приходилось учить азбуку Морзе. Выстукивать чечетку пальцами нас не заставляли, натаскивали лишь на прием точек-тире. Для каждой буквы и цифры существуют напевы. Буква д. Тире, точка, точка. Напев «до-мики». Вспоминаю такие шедевры, как «Петя петушок», «Куда пошла». Проще всего усвоилась цифра 3, потому что ее напев идеально ложился на строчки из песни Prodigy «I've got a poison». Айв-гат-э (три точки) пой – зон (два тире).

При выходе с военной кафедры висела красная табличка «Сдай секретную тетрадь». Это была special тетрадь, куда мы записывали сведения, утратившие свою секретность еще при Брежневе. Нам выдавали ее в начале лекции и отбирали в конце. Преподаватели (полковники и подполковники) рассказывали, как один плохой мальчик забыл сдать тетрадь, унес ее домой. Жил он загородом, без телефона. Блюстители государственных тайн из ФСБ поставили на уши всю группу, выясняя местонахождение преступника. У парня были серьезные проблемы, к счастью, без тяжких последствий.

Перед началом лекций класс произносил:

– Здравия желаем, товарищ полковник! (если преподаватель был полковником).

В конце фразы в аудитории зависали две одинокие буквы «ст», последний слог неопознанного воинского чина. Это я баловался с озорством гоголевского семинариста, заменяя слово «полковник» на слово «педераст». Полифония студенческого хора позволяла вносить в нее малый диссонанс так, что он был не заметен в потоке голосов, чеканящих армейское гав-гав-гав.

В одном из номеров журнала «На связи» я прочитал подборку студенческих баек, в частности было там достаточно россказней на тему военной кафедры, как полковник показывал студентам диафильм. Для чего на доске был повешен экран, а в конце аудитории установлен проектор. Первый кадр получился не совсем удачным – картинка вверх ногами. Студенты заржали. Полковник подошел к доске, снял экран и, перевернув его, повесил обратно. Изображение осталось прежним. Студенты заржали еще больше. После чего полковник реверсивным движением перевернул экран еще раз.

Бездомная сирота, Российская армия, питается подачками и вшивеет, распродает свои внутренние органы, еле сводя концы с концами. Удручающая картина действительности может вызвать

праведный гнев у малосольных патриотов, но только в том случае, если они в этой армии не были. Потому что стоит хотя бы одним глазком увидеть изнанку призывной кампании, как любые воззвания к укреплению военной мощи страны утонут в потоке информации, полученной из воинской части, допустим, в Карелии. Когда-то Плеханов высказал мысль о том, как следует поступить гражданину России: посидеть месяцок в тюрьме, чтоб стало понятно, в каком государстве ему приходится жить. Перефразируя Плеханова, можно сказать, что достаточно потратить месяцок, съездив на военные сборы, как это сделал я, и как это делают ежегодно тысячи российских студентов.

Наша часть располагалась в местечке Лахденпохья. Прибыли уже под вечер. Сто человек «курсантов» обмундировали в утиль времен Второй мировой войны. Вслед за формой борцов с гитлеровскими захватчиками интендантам следовало бы вынести аркебузы или пищали, выкатить лафетные пушки и призвать к осаде Выборга. Выглядело бы вполне органично.

Товарищам с 46-м размером ноги не хватило сапог. Им разрешили ходить в кедах. Я тоже ходил в кедах, несмотря на свой вполне ликвидный 42-й. Отмазывался, что и мне сапог не хватило. С щедростью мецената прапорщик выдал еще одни. Я смастерил из них ефрейторские пуанты, оторвав каблуки, и продолжал ходить в обуви, которую можно зашнуровать, предпочитая носки портянкам.

Представьте себе мародера. Или дезертира. Вот такой у меня был внешний вид, равно как у всех. Лишь на присягу, нам семерым, кому не досталось кирзовых изделий, выдали яловые офицерские сапоги, удобные и легкие как кроссовки «Nike». Но после клятвы на верность Родине их отобрали.

Раз в неделю курсанты меняли постельное белье. При сдаче его в стирку наволочки полагалось увязывать отдельно, пододеяльники и простыни тоже. Дневальный отнес три тюка в прачечную, а вечером принес их обратно. Прачечная не работала. Пришлось воспользоваться армейским секонд-хэндом и сыграть в рулетку, забыв про идиому о грязном белье, в котором никому не хочется копаться. Как вы думаете, что я ощущал ночью, гадая, на чьей же простыне мне пришлось лежать?

Смысл нашего пребывания в части заключался в пахоте. Именно в пахоте, а не в пехоте. Нас строили после завтрака и разводили по работам, затем после обеденной рекреации, дав чуть отдохнуть, снова строили и разводили по работам. Сто пчелок-землероек с бритыми затылками. Это мы.

Первой моей воинской повинностью стала процедура вязания веников в близлежащей роще. Не самое напряжное занятие. А вот

потом последовало рытье канав. Возводить фортификационные сооружения явно не стратегического характера не было ни малейшего желания, тем более по жаре в тридцать неалкогольных градусов. Поэтому я был запевалой в строю. Подойдя к этому делу творчески, разучил со своим взводом песню «Гоп-стоп», которую мы исполняли, ритмично ударяя двадцатью тремя парами кирзачей и тремя парами кроссовок (состав роты) по плацу, поднимая настроение местным милитаристским узурпаторам. Я был редактором боевого листка и воспевал в стихах вырытую взводом траншею, трансформируя ее посредством высокого слога в равелин или крепостную стену.

Прошел слух, что раньше в этой части существовал ансамбль, и даже осталась аппаратура. Прапорщик повел меня на склад демонстрировать реликты rock-n-war. После того, как он нежно выкатил ногой обод от рабочего барабана, я перестал мечтать о возобновлении музыкальной деятельности в электрическом варианте. Аппаратура существовала только в виде деревянных коробок, из которых были вынуты все внутренности. Все транзисторы и динамики были растащены завхозами на личные коммунальные нужды.

Удалось договориться о подготовке концерта unpluged. В две гитары. А для этого требовались репетиции. Репетировали мы в клубе в рабочее время, сложив головы на пилотки. Стены были построены еще белофиннами, изоляция на высшем уровне. Храп наш никто не слышал. Потом концерт был заснят на видео, и после его просмотра сложилось такое впечатление, что за спинами выступающих не хватает надписи «На свободу с чистой совестью», как будто дело происходит на зоне. Два кореша (среди них один по имени Павлик) в лесоповальном тряпье (отглаженном!), навевающем отдаленные ассоциации с гимнастеркой, исполняют композиции «Ехали на тройке с бубенцами» и весь остальной таперский репертуар.

Мы делали все, чтоб не пахать. Два человека на букву «д» (Диня и Дэн) в течение двух недель пытались изобразить на стенде надпись, своей стилистикой напоминающую дебют живописца-передвижника Остапа Бендера: «Воин, гордись службой в рядах войск радиоэлектронной борьбы». Рядом с ней новоявленные баталисты с взмокшими подворотничками изобразили эмблему этих самых войск – что-то среднее между двуглавым царским орлом и цыпленком табака. У них с собой был стакан марихуаны, и перед каждым актом творчества баталисты выкуривали по косячку, малюя затем стенд плавными, неспешными движениями. Может, Бретон и оценил бы тот минимализм, с которым они подошли к решению художественной

задачи, поставленной замполитом. Но замполит, дитя современности, был сторонником поп-арта: чтоб быстро и понятно. Поэтому, тасуя армейский жаргон и технические термины, он обратился к Дине и Дэну с призывом закончить блядь, на хуй, ебаный в рот рисовальню в два дня. Иначе наряды вне очереди. Баталисты поняли, что шанс избежать лопатной тренировки ускользает из их рук с проворностью уклейки.

Жара стояла невыносимая. Мыться можно было только раз в неделю, все остальное время, ради Бога, плещись в рукомойнике, оголив торс и обмотав штаны полотенцем, чтоб в трусы не натекло. Подмышки оставались чистыми, в то время как член продолжал источать животные запахи. Эту армейскую традицию – мыться по пояс, я до сих пор не понимаю. Павлик набирал воду в пластиковую бутылку, и обливался из нее прямо в умывальнике, благо там был водяной сток. Я был прозван эксбицианистом, но мне до этого было параллельно. Хотелось ложиться спать с чистыми ногами и гениталиями.

В первый день после обеда курсанты отнесли в мойку тарелки с недоеденными веществами, называемыми пищей. В памяти еще витал аромат маминых блинов, испеченных сынкам на дорожку. На следующий день все тарелки сдавались пустыми. Голод – не тетка. Я, привыкший к кашам еще в городе, воспринимал армейский рацион стоически. Кулинарные блюда советской столовой меня никогда не смущали. Тем более что всегда можно было попросить добавки этой самой каши, и набить ею пузо под завязку. Белый хлеб с маслом воспринимались как десерт. Соленую рыбу, прежде чем подать к столу, всегда жарили. За каким хреном, непонятно.

В нашем взводе был персонаж по фамилии Столяров. Он был помешан на идее, что ему не хватает еды, просто желудочная клептомания какая-то. Столяров слонялся по казарме и задавал вопросы, нет ли у кого печенья или батона. На обед он всегда носил с собой банку консервов, которую там же и приканчивал вместе со всеми причитающимися солдату обеденными ингредиентами. Каждое утро начиналось с того, что Столяров с двумя оцинкованными ведрами, предварительно их отдраив, обливался водой прямо на улице. Ангина не пощадила любителя моржевания, и он слег в лазарете с температурой длиной в сорок ртутных делений. Но все равно продолжал обливаться, говоря, что может вылечиться только так! Был издан неофициальный указ: за поимку Столярова с ведрами начальство обещает небольшое вознаграждение. Мне вспомнились крысы на корабле, за поимку которых тоже обещалось вознаграждение.

Стрельба из автомата – единственное пиф-пафное

развлечение, которое ожидало будущих выпускников Университета телекоммуникаций между освоением стратегического оружия БСЛ (большая саперная лопата) и нарядами. В городе мы уже успели пофукать из пистолета в тире Суворовского училища, но один раз не в счет. Когда тебе дают в руки Макаров, предварительно отутюжив мозги лекциями по технике безопасности, ты уже мало что соображаешь. А когда дается команда, и пять человек слева и справа начинают палить, то такое ощущение, что звуковая волна смещает голову к плечам. Я продырявил бумажную область с названием «молоко», и особо по этому поводу не расстроился.

Другое дело автомат. Долгие россказни о том, как мальчик застрелил лейтенанта (стоял, стрелял очередями, автомат повело влево, финита ля комедия), или как посреди учений на горизонте был замечен глухой старичок-грибник, затерявшийся между деревцами, способствовали напряжению нервов. Одиночными выстрелами стрелять запрещено. Только очередями. Произнести про себя «двадцать два», выжимая курок мягко и нежно, как автомобильное сцепление. Двадцать два – и несколько человеческих жизней, утрамбованных в пули, понеслись навстречу мишени, преодолевая силу земного тяготения и сопротивление воздуха.

Полковник Качаев – единственный адекватный военнокафедровский офицер среди тех, что сопровождали нас, выступил с прощально-приветственным словом.

– Вам предстоит поразить три мишени. После того, как уложили первые две, можете выпустить по третьей все, что осталось в магазине. Заодно порезвитесь.

Закомпрессованная голова мало что восприняла. Ничком в окоп, «К стрельбе готов!», стометровка до первого муляжа, который требуется сбить конусообразными свинцовыми козявками, вылетающими из огнестрельной ноздри. Я положил первые две мишени, нажимая на коготь курка ласково, как учил ковбой Мальборо Харли Дэввидсона: курок не член – не надо его дрочить. Затем стал вспоминать слова ковбоя Качаева, пытаясь понять, какое право мне дают оставшиеся патроны. Уложив третий «танк», я дал себе и автомату просраться, расстреляв дальние кустики, пока магазин не опустел. Когда Павлик повернул голову, то увидел бледного лейтенанта.

– Ты по кому стрелял? – спросил он дрожащим голосом.

– Ни по кому, – ответил я.

– Это… Это нельзя, – сказал он, выдрав автомат у меня из рук, как сорняк из грядки.

Автоматическое оружие манит к себе мужскую особь. Это

магнитное поле, попадая в которое, ты теряешь контроль, создавая индукцию латентного желания – убить. Отголоски желания можно почувствовать, просто подержав в руках вороненую сталь, заглянув в колодезное дуло пистолета, на дне которого плещется будущая кровь противника. Азартные люди пытаются сдерживать свою страсть к рулетке, зная, до чего она может довести (Достоевский последние штаны закладывал). Прежде, чем давать человеку в руки автомат, его (человека) нужно протестировать на предмет предрасположенности к убийству. Не исключено, что первый выстрел по мишени станет первым шагом по дороге судьбы. В конце дороги будет летальный исход жертвы в связи с попаданием в ее голову инородного тела размером с муху, оставившую в исходной точке гильзу помета.

Когда мы въехали в квартиру на Моховой улице, владелец пошивочного цеха, располагавшегося там до нас, проинструктировал меня на предмет соседей, канализации и крыс. Потом посмотрел в потолок.

– Что еще? – сказал он в задумчивости, почесав средней величины живот. – Да, чуть не забыл. Вот в этой перегородке, под потолком, видишь, прорезь? Там лежит штучка. Я ее завтра заберу, сейчас не могу. Не лазай туда. Не надо.

Я, естественно, слазал. Достал завернутый в тряпку предмет, оказавшийся самопальной волыной с глушителем и двумя обоймами. Как же хотелось выстрелить. Хоть в стенку. Гипнотическое воздействие маленького, неигрушечного пестика, чьи функции включают в себя расстановку точек в жизни людей, выбранных его хозяином. Так впадают в религиозный транс, не осознавая последствий своих действий.

Для людей, прошедших четыре семестра армии, начиная с «духа», заканчивая «дембелем», автомат Калашникова вызывает меньшую ностальгию, чем у меня, потому что для них он стал сродни венику, которым были подметены гектары плаца. С автоматом через плечо они заступали в наряд, совершали марш-бросок, ездили на войсковые учения и т.д. Не исключено, что загреми я в войска дяди Васи (ВДВ) или морскую пехоту, то самое известное оружие в мире стало бы для меня рядовым воспоминанием, затерявшимся в ряду более ярких событий (самоволка, гауптвахта, отвальная и привальная). Но в данном случае отбойник с прикладом, прогрызающий острым носом человеческую плоть со скоростью более 600 метров в секунду, приблизил к пониманию катастрофы под названием «Война».

Есть версия, что население земного шара живет под игом советского мифа: автомат Калашникова не изобретен Калашниковым. Совершенно случайно я наткнулся на

свидетельство биографа автоматного родителя. Позволю привести его без купюр: «Я имел несчастье писать его (Калашникова) мемуары (изданы в «Роман-газете», года два назад). Хотя редакторы и «отшлифовали» оригинальный текст, прочитайте – и поймете: Михаил Тимофеевич вообще не имеет отношения к оружию его имени. Дезертировал из воинского эшелона, отправляемого на фронт. Чтобы избежать наказания, написал письмо Сталину, что изобрел новый чудо-автомат (реально сделанный по его чертежам в железнодорожной мастерской «автомат» вообще стрелять не мог). Сталин, недолюбливающий профессора Дегтярева, повелел сделать сержанта Калашникова с неполным средним образованием начальником оружейного КБ. Все машинки, носящие имя калашникова (большой буквы он не заслуживает), сделаны не в КБ Калашникова, а в ОКБ Ижмаша (серийного завода). Сам же Михаил Тимофеевич, хоть и носит генеральский мундир, остался тупым сержантом. Писал его воспоминания за деньги (не один, в коллективе таких же… писателей), сейчас стыдно, но семью кормить приходилось. Зато постарался показать его истинную сущность, и, похоже, удалось, несмотря на редакторские правки. Калашников сие творение подписал – то есть историческая правда подтверждена «автором». Читайте! Скромный писатель чужих мемуаров».

Я стал отличником боевой стрельбы, но последняя автоматная очередь была явно лишней. Павлик честно признался, что неправильно трактовал слова полковника. Качаев мысли не мог допустить, чтобы его креатура облажалась на такой мелочи, поэтому набранные очки мне не сняли.

Качаев любил водку, пение под гитару, баб и все такое. Когда у него было плохое настроение, он пришагивал развалочной походкой к нам в казарму и орал:

– Третий взвод, на плац.

Тридцать сусликов, запечатанных в лоскуты невечерних костюмов, приступали к ходьбе в пять шеренг, распевая «Марусю» из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию». Это тоже было одним из моих ноу-хау в свете строевого пения. В песне есть место, где все суслики затыкались, и оставался только надрывающийся вокал суслика-затейника Павлика:

– Маруся от счастья слезы льет, как гусли душа ее поет.

После чего тридцать юношеских глоток рявкали:

– Кап, кап, кап – из ясных глаз Маруси…

Какая никакая аранжировка, слизанная с оригинала. «Маруся» была домкратом, с помощью которого можно было поднять настроение Качаеву и всем остальным папам в погонах.

Прослушав живое исполнение нетитулованного хора мальчиков-сусликов, Качаев удалялся, посвистывая, катать шары на бильярдном столе в каптерке. Ему, собственно, я обязан тем, что моя «военная» карьера закончилась традиционным образом – увольнением в запас.

Мне не удалось избежать участи землекопа из-за совершения неполового акта, за который в армии полагается если не расстрел, то ремнем по попе точно. Я покинул территорию части вместе с одним из художников, рисовавших надпись «Воин, гордись службой в рядах войск радиоэлектронной борьбы», по имени Диня в самый разгар боев за угольный урожай.

Разгрузка угля, которой завершались наши сборы, никак не вписывалась в планы творческой богемы. Зато она вписывалась в «план» Дини, которого у него оставалось еще на пяток косяков. Наш куратор, который на военной кафедре обучал сусликов азбуке Морзе, приказал двум освободившимся от искусства боевым единицам (концерт проведен, надпись дорисована), отправиться за лопатами. Две освободившиеся от искусства боевые единицы послали его в известные всей русской нации края, а сами отправились под сень деревьев, находящихся вне досягаемости взора начальников. Диня настоятельно рекомендовал раскумариться. Я не курил уже несколько лет и начал забывать, что это такое. Вспоминать желания не было.

Мы залегли на берегу озера. В пятидесяти метрах от нас в воде плескались еще совсем молоденькие барышни, карельские наяды.

– Эх, девочки, что ж вы так поздно родились, – вздохнул я.

Грех было жаловаться. Месяц казарменного положения – не самое страшное, что может преподнести жизнь. К нам проявляли больше терпения, чем к здешним срочникам. В части на одного солдата приходилось три офицера, поэтому поиметь рядового защитника отечества было кому. В столовой лысый солдатенок, крепенький как маринованный подосиновик, наехал на курсанта. Договорились о стрелке за свинарником. Потом, пораскинув мозгами, решили не идти. То, что мы загасим солдатенков, сколько бы их туда не пришло, было ясно как божий день. Мало того, что мы превосходили их по численности, так и всяких каратистов-боксеров среди курсантов хватало. Но всплыви этот инцидент на поверхность, и несколько лет посещений военной кафедры псу под хвост, тогда как солдатам по большому счету терять нечего.

Солнце подогревало ноги, одетые в грязные, дырявые кеды, голова превращалась в печеное яблоко. Местность располагала к релаксации – летняя Карелия, курорт нордических людей,

убаюкивала, вызывая торможение мыслительных процессов.

– Давай, давай дунем, – науськивал меня Диня.

Я согласился. Делать было нефиг. В конце концов, можно разок вспомнить молодость. Диня забил косяк, мы раскурили его тут же. Меня накрыло так, как не накрывало в былые годы. Трава была отменной.

– Кажется, тот берег начинает немного двигаться, – сообщил я о своих наблюдениях.

– Правда? – отозвался Диня, не вынимая травинку изо рта. – И с какой скоростью?

Мне было хорошо. Армейские страхи отошли на второй план. Лето создано для того, чтобы плавить сало на солнце, а не играть в слоников, как во время учебных занятий по РХБЗ (Радиохимическая и бактериальная защита). Весь взвод облачается в резиновые комбинезоны и противогазы и совершает круговые беговые движения по плацу. А тех, кто не бежал, заставили переползти футбольное поле три раза туда обратно. Это сложно – переползти футбольное поле несколько раз, хотя кажется, что проще репы пареной.

Мы лежали, подставив небу расслабленные дезертирские хари, в то время как в части была объявлена тревога, потому что две освободившиеся от искусства боевые единицы не могли сыскать уже два часа. Меня разбудил крик комвзвода Димы, с которым мы когда-то ходили в тренажерный зал.

– Петрович, живо в часть. Вас там уже ищут.

Мы с Диней похихикали.

– Ладно, хорош гнать.

– Я не шучу, давай немедленно.

В казарме уже заседал военный совет в лице полковника Качаева и еще одного полковника, названного Филей, поскольку фамилия его созвучна с именем спок-ноч-малыш песика. Где мы пребывали все это время, догадаться было не сложно, поэтому полковники просто дожидались возвращения блудных сынов, чтобы поставить их рачком, на что они имели полное право, потому что присягу мы уже приняли. Лицо Фили было такого же цвета, как панцирь обитателя водоемов с клешнями, которого подвергли термической обработке в кипящей воде. Качаев напоминал сосну в безветрие. Филя склонялся к тому, чтобы выгнать нас тут же к чертовой бабушке, посещение военной кафедры считать недействительным, в общем, перечеркнуть все надежды на откос от армии. Качаев пытался утихомирить своего коллегу, амортизируя его выпады в нашу сторону своим спокойствием. Он мне явно симпатизировал за пение в строю, за боевые листки, которые я писал в стихах (в одном из них Павлик,

дешево копируя Пушкина, изобразил часть как царство, а Качаева как царя-батюшку).

Филя разорался. Он выпускал скопившийся пар минут десять, и мы с Диней постепенно углублялись в пол. Хэш еще не выветрился, и к нехилому испугу примешивалось желание захихикать. Я никак не мог прислушаться к голосу разума, который мог бы подсказать дальнейший расклад событий, потому что разум был затуманен, как осенняя Темза. И при этом жуткая измена. «Все смешалось в доме… этих, ну как же их?»

– За всю историю части такое В ПЕРВЫЙ РАААЗЗЗЗЗ!!!!!! – скандировал Филя с периодичностью один выкрик в секунду. – Подобной наглости никто до вас не набирался! Пишите объяснительную!

Мы отправились в комнату отдыха. Вооружившись двумя листами бумаги и двумя ручками, сели за стол. Безусловно, мы далеко не первые, кто послал начальство и свалил из части, но если Филе так больше нравится…

– Чего писать-то? – логично спросил Диня окруживших нас собратьев по институт и военному положению. Советы посыпались в изобилии. Запомнились потрясающие формулировки, типа «Ошибочно разъяснив свое состояние как болезненное, я позволил себе лечь отдохнуть…» или «Находясь в состоянии легкого недомогания…» После того как еле-еле мы родили два реестра с перечислением содеянных грехов, которые могли бы послужить ярчайшим примером солдатской мысли и наркоманской логики, Диня предложил:

– Давай внизу припишем: «Простите нас, пожалуйста, мы больше так не будем».

Хи-хи-хи. По идее, должно было быть не до смеха, но мы ржали. Производные тетрагидроканнабинола делали свое дело, конопля никак не могла позволить психическому состоянию прийти в норму. Боюсь, что если бы оно пришло в норму, то мы бы выглядели как те декабристы, которых не смогли повесить с первого раза.

А в командирской комнате меж тем разворачивалась нешуточная баталия. Качаев с Филей дебатировали так, что стены трещали. Слов было не разобрать, но по интонации голосов ход парламентских чтений был ясен. Мы с Диней сидели в ожидании участи, постепенно серея, сливаясь с цветом нашей замечательной формы. Дверь резко распахнулась, Филя вылетел, будто из парилки, оставляя за собой след реактивного истребителя. За ним спокойно вышел Качаев.

– Нормально, – произнес он негромко, глядя мимо нас, при этом обращаясь ко мне. – В городе проставишься, а пока наряды

вне очереди.

Спектакль был соблюден. Отступников расчихвостили перед строем, впаяли вне очереди три наряда Дине и пять нарядов мне. До отъезда в Питер оставалось несколько дней, поэтому полностью отбыть повинность нам не удалось – отпахали по два наряда, один из них в столовой, где я обожрался домашним творогом, который, видать от избытка молока, здесь приготовляли в конвейерном режиме. Солдатам творог не выдавали, сия амброзия предназначалась для офицерского состава, поэтому каждый исхитрялся как мог, чтобы урвать стакан рассыпчатого молочного пластида. И, конечно же, нам пришлось отправиться на разгрузку угля, где я увидел чудо, и даже участвовал в нем. Двадцать человек толкали вагон с топливом, прославившем Стаханова, и вагон ехал! Наш паровоз вперед летит.

В вечер перед отбытием ренегат вооруженных сил России Павлик смотался в магазин за водкой, преступив закон еще раз. Интересна технология курсантской самоволки. Одевается спортивный костюм, поверх него форма. После пересечения территории части, форсирования полосы препятствий в виде кирпичного забора, зарослей репейника и можжевелового кустарника, производится частичный стриптиз: форма снимается и прячется в лопухах, а потенциальный клиент гауптвахты отправляется на «гражданку» в партикулярном наряде. После проведения мероприятий, ради которых солдат самовольно покинул свое локальное место жительства, служительства и работальства, происходит возвращение объекта в исходную точку, облачение в военную форму и проникновение (незаметное) обратно в родные казарменные пенаты.

По этой схеме я и действовал. Бутылка была одна, а ртов много, поэтому каждому по капле досталось. Ночевали мы уже на голых матрасах, потому что белье было сдано. Уезжали под вечер, предварительно приведя казармы в божеский вид. Настроение было приподнятое. На солдатиков лучше было не смотреть. Они выглядели как бездомные шавки, как дети, потерявшие родителей, наблюдающие пикник счастливого семейства. Их красноречивые взгляды демонстрировали всю уебищность такого социального института, как армия. Казалось, что они телепатировали нам: «Возьмите нас с собой, не оставляйте нас в этой дыре».

– Летом здесь кайфого, а вот зимой, наверное, вешаться хочется, – произнес я, не обращаясь ни к кому конкретно. Автобусы тронулись, мы заорали как полоумные и всю дорогу пели песни.

После окончания института, я произвел все нужные движения и получил звание лейтенанта. Можно было устроиться в ФАПСИ, ныне, насколько мне известно, упраздненную. Но любая ФСБэшная структура вызывала логичное чувство тревоги.

Долгое время дяди в погонах не интересовались персоной Павлика. Моя военная профессия была не шибко востребованной. Потом возникла надобность в загранпаспорте. Я направился в военкомат за справкой, где выяснилось, что без Павлика армия ну никак не может обойтись.

– А-а-а, дорогой дружочек, – произнес из-за стола местный полковничий хрен, – через месяцок можешь собираться в путь-дорогу.

Рядом с ним сидел гражданин в штатском и изображал на своем лице сосредоточенность.

– И очень не рекомендую тебе делать загранпаспорт через турфирму, – продолжал вещать офицер всем пример, – очень не рекомендую!

Я вышел из кабинета с чувством, что система меня поимела. На кой ляд корячиться на военной кафедре, проходить гребаные сборы, чтобы в итоге все равно отдать два года портянкам. Хотя, не портянкам, мне предстояло офицерствовать, но хрен редьки не слаще. Офицерским носкам.

Сзади послышался топот. Это меня догонял гражданин в штатском, сосредоточенный еще больше.

– А зачем тебе загранпаспорт? – спросил он.

«Еще бы спросил, зачем мне яйца», – подумал я.

– За границу собрался?

– Собрался.

– А зачем?

– Поработать, – он начал меня утомлять.

– Что, хорошая работа?

– Слушайте, – не выдержал я. – Вы себе представляете зарплату в три тысячи долларов? В месяц.

– Представляю.

– А я нет!

– Ну хорошо, – сказал он после непродолжительной паузы, во время которой я все пытался угадать, к чему весь этот содержательный диалог. – А треть этой суммы у тебя есть?

«В харю бы тебе прямо сейчас дать».

Это я так подумал. И еще я много чего такого подумал. Вот, гондон. Тысяча грин! До офицерства тысяча, и после офицерства тысяча! Такса постоянна, как курс советского рубля по отношению к монгольской валюте. Нет, ну на кой ляд я сборы проходил?

У меня в руках был книга с рассказами Шукшина, я ее прихватил, чтоб было куда глаза деть в метро.

– Значит так, – затараторил гражданин в штатском, оказавшийся на деле злостным вымогателем, – если деньги появятся, позвони мне. Только мне, и никому другому. Пиши телефон.

– Я запомню.

– Нет пиши.

Он вырвал книгу из рук так же, как вырвал у меня из рук автомат сдрейфивший лейтенант.

– Сам запишу. А то еще потеряешь.

Начиркал цифры на внутренней обложке, отдал книгу и отвалил.

Я вышел из военкомата и больше там не появлялся. Когда мне исполнилось 27 лет, отдал все документы в турфирму и мне за месяц сделали загранпаспорт. «Поцелуй ты меня в ж, 28 мне уже», – это из творчества веселых и находчивых. 28 для рифмы вставлено. А 22 – это про автомат. А 5 нарядов – это наказание. Оказавшись в тисках армейской скуки, я попробовал вспомнить былое наркоманское прошлое. Вспомнил и забыл тут же. Это был последний раз, когда у меня во рту, потрескивая сгорающими зернами, сидела беломорина с конопляным фаршем. Я дал себе зарок больше никогда, never ever, не употреблять листьев растения Каннабис. И зарок этот до сих пор для меня актуален.

Отрезок двенадцатый

«Велосипед – транспортное средство, кроме инвалидных колясок, имеющее два колеса или более, и приводимое в движение мускульной силой людей, находящихся на нем»

(Правила дорожного движения Российской Федерации).

«Мне кажется, что единственное обстоятельство, которое может помешать сесть на велосипед, – это отсутствие ног», – пошутил однажды Грег Ле Монд, трехкратный победитель гонки «Тур де Франс». А мне кажется, что у Грега Ле Монда не стоит, зато замечательно висит. Езда на велосипеде в большом количестве небезопасна для мужчины с точки зрения стояка. Седло трет тросик простаты, пролегающий в мужской промежности. Совершая каждодневные заезды на сто-двести километров, можно в итоге начать спать в обнимку с велосипедной рамой, потому что она не станет предъявлять претензий о сексуальной неудовлетворенности. Профессиональный спорт в данном случае является ударом по мужскому самолюбию и продолжению рода. С одной стороны велосипед – лучшее средство укрепить сердце, о чем в один голос лопочут все медики, с другой – нужно знать меру.

Цепь крутится, одаривая обод заднего колеса мелкими кусочками грунта. Шестеренки похрапывают в такт движения педалей, их сонный режим не нарушают даже редкие спуски с горок. Двигатель примостился на сидении, укрепился руками за руль, выставил два коленвала в кроссовках. В животе процессы внутреннего сгорания, коробка передач в мозгу.

На Невском проспекте самоходки о четырех колесах приминают шинами дорожное покрытие, пытаясь сдержать тормозной системой скрытый под капотом табун лошадей. Стекла бокового вида торчат кольями из припаркованных машин. Маршрутные такси резки и непредсказуемы, бросаются в правый ряд, как только на тротуаре появится податель проездной платы с вытянутой рукой. Украшаешь воздух матом, нажимая курки

тормозов на руле, пытаясь не впилиться в задний борт маршрутки.

– Вы, велосипедисты, все пидарасы, – сказал мне один музыкант-автолюбитель. Потом, подумав, добавил, – правда, среди водил пидарасов еще больше.

В романе Алессандро Барикко «City» присутствует доцент Мартенс, преподававший главному герою Гульду квантовую механику. У доцента было сильнейшее пристрастие к велосипедам, с которых он часто падал. Я с них тоже часто падал, несмотря на то, что квантовая механика является для меня космической дырой.

Я стоял у входа в клуб, облокотившись на велосипед, разговаривал с приятелем. Из клуба выбежала знакомая манекенщица и, обдав нас парами парфюма, скрылась за углом.

– Если бы у тебя между ног вместо велосипеда был «Харлей», она бы тебя заметила, – прокомментировал приятель.

Когда у меня под подбородком вырастет лестница жира, а размер пуза будет эквивалентен моему бюджету, тогда я буду разъезжать по городу на тарахтящем символе Америки, завернутый в черную кожу с характерной фактурой. Есть загадка про слово с шестью ы. Вылысыпыдысты. Я из этих. Стал предметом раздражения для шоферов транспортных средств и зависти для пенсионеров. Час езды со скоростью 16 км/час нейтрализует два больших куска торта. Каждую минуту, крутя педали, я сжигаю 12 калорий. Съеденное в кафе пирожное улетучивается через пятнадцать минут. Женщины, которым за тридцать, могли бы таким образом почувствовать, как сбываются мечты.

Велосипед – два колеса, символизирующие демократию стиля жизни. В 1791 году граф де Сиврак построил селерифер – деревянную машину с конской головой, двумя колесами и сиденьем. Педалей у нее не было, зато был кураж у ездока и надежда на то, что потомки врубятся, как довести селерифер до совершенства. В 1995 году я съездил на дачу. Пытаясь найти в сарае рубанок, наткнулся на кладбище домашних велосипедов. Покопавшись в советской рухляди, выбрал наименее пострадавший от времени и ног моего деда уникальный экземпляр с одной работающей скоростью (из трех возможных) и двумя металлическими загогулинами на руле, пародировавших тормоза. Металлолом назывался «Туристом». С точки зрения новаций он недалеко ушел от изобретения графа де Сиврака. Хорошо, что хоть не деревянный. Я смотрел на него, как на беременную кошку, гадая, что скрывается за внешними формами этого существа.

Перемещения по городу напоминали путешествие героя компьютерных игр. Все вокруг намеревались меня сожрать, а я, как пронырливая оса, увиливал от хищных гадов. Особенно «возбуждали» спуски с мостов. Перестроение из ряда в ряд на велосипеде без тормозов занятие не для слабонервных. Особенно когда ты едешь у края дороги, а слева от тебя проносятся автомобили, для водителей которых ты являешься не больше, чем насекомым. Приходилось проявлять чудеса субординации, тестируя вестибулярный аппарат на прочность.

На «Туристе» я вояжировал из одного конца города в другой, потому что выяснил, что так все равно быстрее (и дешевле) чем на общественном транспорте. Ноги заметно окрепли. Высокие военные ботинки, бриджи до колен, безразмерная футболка и красно-желто-оранжевый ранец за плечами, который мне подарила знакомая модельерша, предварительно расписав его маслом и покрыв лаком. Так выглядел велорейсер Павлик в 20 лет.

Я вычислил места в городе, где пасутся стаи бездомных псин. В начале прошлого века для велосипедистов выпускались велодоги – специальные револьверы, чтобы отстреливаться от деревенских собак. Я бы с удовольствием заимел такую волыну, потому что в Питере хватает мест, особенно вдоль Обводного канала, где тебя так и норовит схватить за лодыжку дворняга размером с борова.

На втором курсе института мне пришлось зависнуть на несколько дней у приятельницы, жившей на Проспекте авиаконструкторов. Сейчас там метро выстроили неподалеку, а тогда это было тридевятое царство. Протусовавшись у нее изрядно, насмотревшись на потолок в мелкую трещинку, я отправился пасмурным утром в институт сдавать экзамен по высшей математике. Это был единственный за мою студенческую историю экзаменационный «хвост», который пришлось закрывать в сентябре. Когда я вошел в аудиторию, преподаватель-горец Павел Мкртычан, увидев мой прикид, спросил удивленно:

– Павель, ви что, виходя из дома, в окно не смотрите?

Когда я уезжал к приятельнице, было лето, а когда возвращался обратно, народ чуть ли не в ушанках ходил. За два дня температура опустилась на десять градусов. А Павлик в шортах и футболке, грязный и мокрый, потому что количество луж на дорогах превышает количество времени, которое требуется, чтобы их объехать и успеть на экзамен. Коленки в крови, потому что по дороге я сделал сальто-мортале через «Audi». Иной раз случается тебе ехать спокойно вдоль обочины, и вдруг водила впереди едущего авто решает припарковаться, и

резко поворачивает руль вправо, не позаботясь мигнуть габаритами. Так было и в этот раз. Я влетел в капот и приземлился на дорогу, успев подумать, что сейчас меня будут ровнять с асфальтом серьезные парни с серьезными взглядами на дорожные инциденты. К счастью из салона выскочил старичок-боровичок, и, глядя на мои разбитые коленки, стал охать:

– Сынок, ты не ушибся?

Сынок, естественно, ушибся, распорол все предплечья и погнул и без того на ладан дышащее переднее колесо.

Экзамен был сдан почти автоматом, благодаря моему нетоварному внешнему виду.

«Турист» выдержал два сезона, после чего сдох. Года четыре мне пришлось быть пешеходом. Но душа требовала велосипед. Каждую весну накатывала демисезонная тоска, трансформировавшаяся в ипохондрию, бесконечную, как мафусаилов век. Вся моя жизнь протекает в центре. В этом районе города свет клином сошелся, и здесь невозможно перемещаться ни на чем, кроме как на роликах или великах, потому что автомобильные пробки затыкают улицы тысячами машин, а ходить пешком утомляет, во-первых, а во вторых, время – деньги. Поэтому я стал грезить о велосипеде с такой же страстью, с какой созревшая девственница мечтает о дефлорации. Денег не было, и я понимал, что придется опять разъезжать на ископаемом эпохи красных флагов.

Первый раритет был куплен за тысячу рублей у нечестного и флегматичного Свэна. Свэн оказался редкой свэньей. Как выяснилось, он продал своему знакомому усилитель, напихав туда предварительно целлулоида. Когда усилитель задымился, Свэн забрал его в починку и чинит до сих пор, денег не возвращая. Свое велосипедное средство передвижения он притаранил прямо к нам в редакцию, я проехался по коридору, удостоверившись, что колеса крутятся. Больше меня ничего не волновало, потому что человек вроде как был не чужой – можно доверять. Через два дня во время пересечения Сенной площади у велосипеда отвалилась педаль, и полетело устройство переключение скоростей. Мать твою, мать твою, жизнь говно. Поднимать гам из-за тысячи рублей не хотелось. Поэтому гам не поднялся, оставшись лежать на дне обиды.

Второй раритет я купил на толкучке, известной всему велосипедному сообществу Питера. Располагается она на улице Короленко, через улицу от Моховой, на которой я тогда жил, и случается по четвергам. У меня было две проблемы: катастрофическая нехватка денег, и стойкое нежелание покупать велосипед китайской сборки. Хотелось что-нибудь типа «Старт

шоссе»: дешево и сердито. У почтенного пенсионера за две с половиной тысячи рублей мною был приобретен почти новый «Турист-спорт», названный Ай-ай-аем из «Tequillajazzz» «профессорским». Он продержался гораздо дольше своего предшественника и заартачился только после того, как я прокатил на багажнике начинающую журналистку от кинотеатра «Мираж» до станции метро «Лесная». За неделю до этого мы проделали в том же составе и тем же образом путь от клуба «Молоко» до моего дома на Моховой, и все прошло благополучно, из чего я сделал вывод, что могу катать девушек на багажнике. Сдав журналистку во власть муниципального транспорта, я поехал к Литейному мосту, и между станциями метро «Выборгская» и «Площадь Ленина» с моего велосипеда, как пот со спринтера, стали скатываться шайбочки и гаечки, после чего слетела цепь, и процесс езды стал невозможен. Я попытался покрутить винтики, измазался как автомеханик. Пришлось полчаса ловить машину с багажником на крыше и везти полуразобранную двухколесную конструкцию домой. Было предпринято несколько попыток починить мой транспорт, но разум подсказывал, что лучше бы и не чинить.

Третий раритет покупался в магазине на Садовой улице, рядом с Апраксиным двором. Немецкое детище с кошачьим названием «Panther» обошлось мне в триста долларов. (Старший лесничий герцога Баденского, барон Карл фон Дрейс в 1817 году на пари преодолел расстояние от Карлсруэ до Келя (50 км) за четыре часа на сидячем самокате. Фон Дрейс сконструировал его сам. В дальнейшем он стал профессором механики в Маненгейме и обессмертил свое имя, добавив к самокату ручной привод. Новая машина была названа в его честь дрезиной. После того, как Дрейс умер, его имущество пошло с молотка, а двухколесная немецкая агрегатина было продано всего за пять марок. Знал бы Дрейс сколько будут стоить модифицированные клоны его дрезины спустя почти три века). Соответственно, себестоимость у «Panther» была долларов сто пятьдесят от силы. Все равно что с «Москвича» на «Мерседес» пересел. Тормоза нажимаются одним пальчиком – легко и свободно. Никогда бы не подумал, что езда на велосипеде может быть настолько комфортной.

Когда выясняешь, что профессиональные байки триальщиков стоят не одну тысячу американских денег, то понимаешь, что все равно ездишь на дешевеньком велопродукте, но мне вполне хватало. Он был куплен для того, чтобы тело мое быстро перемещалось в заданном направлении.

Привыкнув до этого кататься на одной скорости и тормозить ногой, я, естественно, пробовал все возможные комбинации

переключения системы Shimano. «Очко» – 21 скорость, каждую из которой надо апробировать. Я ехал по Моховой улице, счастливый и довольный, щелкал переключателями на руле, уставившись рожей в асфальт. Наблюдал, как цепь порхает с одной звездочки на другую. Движение на Моховой одностороннее. Я двигался как раз в ту сторону, в которую двигаться нельзя. И встретился с «девяткой», которая как раз выезжала из двора, где располагается автосервис. Водила вылез, обнаружил вмятину на крыле у машины. Зашли в автосервис, где покраска была оценена в сто долларов, которые я тут же отдал, поскольку вину свою признал безоговорочно. Только такой персонаж, как я, умудрился сидя на велосипеде «прилипнуть» на деньги.

Я продрочил свою молодость. Стоит это признать. Я не катался на скейте и роликах, не полосовал склоны гор сноубордом, не увлекался серфингом. В мой период teen все это только зарождалось в Рашке. И денег у меня не было на подобные развлечения. Поэтому я завидую белой завистью новому поколению. Особенно тем, кто поместил себе промеж ног BMX.

На углу Моховой и Белинского красуется дом, построенный к чемпионату мира по хоккею. По такому случаю три близлежащих улицы закатали асфальтом за двое суток. Одну из них, улицу Белинского, короткую, как афоризм, перед этим ремонтировали два года. Когда чемпионат уже был на носу, папикам из СМУ, отвечавшим за ремонт проезжих частей, видать, вставили по самые гланды. Жека, который привык объезжать каждую колдобину на улице Пестеля, соединяющую Летний сад и дом Мурузи, приехал в полном недоумении. Дорогие гладкие и ровные, асфальтовый переплет сровнял смертельные для автомобильной подвески зазубрины. Оказывается, все можно успеть за два дня, если начальство в затылок дышит.

Теперь площадка перед зданием, стилизованным под архитектуру позапрошлого века, окантована идеальными улочками и оккупирована юными деятелями со скейтбордами и карликовыми велосипедами класса BMX, на которых они скачут, как тушканчики. Здесь же установлен памятник русскому гомосексуализму – изящный хрупкий мальчик на тумбе, голенький и тоненький. Он перепрыгнул в новый век, о чем непрозрачно намекает надпись, выгравированная внизу. Мальчик как будто только что слинял от императора Тиберия, и тут его настигло проклятие, заставив замереть к Фонтанке передом, к китайскому ресторану задом. Если бы мальчика посадили на велосипед, или клюшку хотя бы вручили (учитывая то, что позади него дом с табличкой «Федерация российского хоккея»), то

данный экстерьер выглядел бы более гармонично.

В погожий день здесь копошится молодняк, осваивающий азы экстремального спорта. В городе нашлись люди, решившие продвигать велосипедное безумство в массы. Дети периодически слетают с велосипедов, таранят носами гранитные плиты. Локтевые суставы и коленные чашечки не из титана сделаны, но чем бы дитя ни тешилось, лишь бы к героину не прикасалось. Они устраивают «поп-шлеп», когда стая юрких би-эм-иксеров едет по тротуару и награждает девичьи задницы смачными шлепками. Английский журналист, фамилию которого сглотнула история, писал в 1900 году: «Езда на велосипеде – признак потери человечеством эстетического чувства. Ни один мужчина и ни одна женщина с малейшим проблеском эстетического вкуса ни за что не согласятся принять ту нелепую позу, которая необходима для такой езды!» Воскресить бы его и показать BMX.

Потом я купил велосипед фирмы Kona. Жека привез мне из Америки специальные перчатки с обрезанными пальцами, сделанные из чистой кожи.

Я еду. Морось окутывает дома марлей, состоящей из капель. В каналах хрюкают моторы прогулочных катеров. Крутятся диски и педали. Единственное удовлетворение от трехсотлетия СПб я получил субботним утром, когда катился на репетицию и переезжал Дворцовый мост. Машины вымерли, на столбах флажки, менты выстроились вдоль обочины на расстоянии вытянутой руки, одетые в парадную форму. В Неве на время поселились яхты с цветными парусами. Можно смотреть по сторонам, не опасаясь, что сейчас тебя собьет лихой джигит на «шестере».

Когда в Питер наведываются Путин с Бушем, то их мамам и женам икается очень долго, потому что питерские автолюбители поминают их мам и жен с частотой, превышающей частоту поминания родственников пешехода, переходящего дорогу на красный цвет. Это не Москва с шестиполосными магистралями и окружными путями. Питер не готов к принятию на себя столичного статуса. Сантехник Яковлев грозился организовать в городе велосипедные дорожки, которыми испещрена европейская земля, но не осуществил данную затею, более того, не смог бы ее воплотить в жизнь при всем своем губернаторском желании. Здесь машинам-то не развернуться, какие дорожки? Поэтому двухколесные немеханические транспортные средства, приводимые в действие человеческой силой, ютятся у края проезжей части, при этом не испытывая дискомфорта во время приезда президента на свою историческую родину. В этом прелесть велосипедного существования – где хочу, там и еду,

минуя все пробки.

Лето проходит, и вопросы о дальнейшей судьбе велотранспорта начинают эрегировать, вставать перед тобой в виде снегопадов и гололеда. Нужна шипованная резина и сидение с подогревом. Я надевал несколько пар трусов, закутывал шею шарфом, и отправлялся на велосипеде в редакцию по обледенелой дороге. Быстро не ездил. Поедешь быстро, въедешь прямиком в деревянную коробочку, которую кладут на глубину от двух до пяти метров, чтобы потом придавить ее сверху куском отполированного камня с надгробной надписью.

Зима нахлобучивает на город шапку тумана, он становится промозглым и агрессивным по отношению к человеку на велосипеде. Приходится подчиняться стихии. Когда двухколесный друг изменил свой цвет, вследствие попадания на него грязи и мокрого снега, я поставил его до весны в комнату-склад и снова стал пешеходом. Велосипед дает тебе право быть более свободным во времени (не стоишь в пробках) и в деньгах (не надо тратиться на бензин). Велосипед дает тебе право просто быть более свободным.

Отрезок тринадцатый

Люди возвращаются в те места, которые были им когда-то дороги, и испытывают чувства, передать которые словами не представляется возможности. Музыкант будет описывать свой первый инструмент, как свою первую женщину. Путешественник расскажет о своем первом вояже со страстью Гомера. Что мне сказать о том, как я зашел в тренажерный зал университета имени М.А. Бонч-Бруевича? Зашел спустя девять лет после того, как попал туда в первый раз. Это пронзительное чувство. Не менее сильное, чем та грусть, что возникает при созерцании памятных мест прошедшей любви. Хотя смешно. Сантименты по поводу старенькой штанги.

Для тех, кто знает меня недавно, я являюсь человеком, ведущим здоровый образ жизни. Мне сложно объяснить окружающим, почему я не пью, почему я никогда в жизни больше не возьму в рот сигарету, почему меня мутит от одного только запаха водки, хотя антураж моей журналистской профессии подразумевает под собой алкоголь и никотин. Фраза о том, что я много выпил, ничего не значит. В это сложно поверить, глядя на меня теперешнего. В это сложно поверить даже мне самому.

Я прошел через психологический прессинг, когда ты вынужден противостоять общепринятой системе ценностей. И я бы рад заявить, что нация изменилась, но она не изменилась. Она по-прежнему бухает и ей по-прежнему срать на все. В центре культурной столицы России можно встретить стайку подростков, подносящих что-то ко рту и вдыхающих это что-то. Клей «Момент» доступен любому недорослю.

Иногда в солнечный день, я захожу после пробежки на детскую площадку рядом с «Мухой» между Соляным переулком и Гагаринской улицей. Здесь можно повисеть на перекладине и покачать пресс. Здесь можно услышать, как девочка, которой нет еще десяти лет, говорит, глядя на тебя:

– А спортом заниматься не модно.

Вот так. Не модно. А что модно? Девочка уже знает.

Я не стал ортодоксом straight edge. Но я благодарен этому движению за то, что оно было и есть. Наверняка найдутся знатоки, которые завопят о том, что я, описывая историю straight edge, где-то что-то перепутал, переврал, переиначил. Такое уже случалось после моих редакторских колонок. Это деятели, знающие больше тебя и считающие, что только им позволено рассуждать о таких-то и таких-то вопросах. Ради Бога. Я не ставил

перед собой задачи досконально изучить теорию. Я поведал о практике. О том, как straight edge помог лично мне.

Маша вышла замуж, родила сына, окончила институт. Как никто никогда не сказал бы, что я бывший потребитель транквилизаторов, так никто никогда не догадается, что Маша, работающая в одной из телевизионных компаний Санкт-Петербурга, бывшая проститутка. У нее по-прежнему завораживающий голос и редкой красоты глаза. Мы встречались несколько раз и испытывали то, что, наверное, должны испытывать брат и сестра после долгой разлуки.

– Ты всегда можешь на меня рассчитывать, – сказал я ей.

– Тоже самое с моей стороны, – ответила она.

Я вылечил гастрит геркулесом и медом и теперь ем все подряд. Я стал более собранным, но не настолько, чтобы не вешать на стену список дел на ближайшие дни. Я контролирую свое тело. Я контролирую себя. Я знаю, что альтернативная музыка умерла. Но не умер альтернативный образ жизни. В России – это здоровый образ жизни. Можно гаситься героином, выпивать несколько литров пива в неделю, или выкуривать по пачке сигарет в день. В этом нет ничего плохого. Для большинства. Это значит – брать пример с большинства. Я взял пример с горстки людей, которые провозгласили когда-то: «Stay punk, stay clean». И когда на дне рождения моей газеты я походил ногами по торту, сказав, что все-таки я бывший панк, Кирилл заметил: «Нет, Павлик, ты не бывший панк. Ты настоящий». На самом деле, я уже не punk. Но я по-прежнему clean.